

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КХОНГ ТХУ ХИЕН

**РУССКИЕ И ВЬЕТНАМСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ
РАСТЕНИЙ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Кольцова Людмила Михайловна

Воронеж – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ РАСТЕНИЙ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ	12
1.1. Лингвистическая классификация названий растений: основы и принципы.....	12
1.2. Тематическая классификация фразеологизмов, содержащих названия растений, в русской и вьетнамской лингвистике.....	23
1.3. Фразеологизмы с названиями растений как предмет лингвистического исследования в русском и вьетнамском языкознании	30
1.4. Смысловая дифференциация русских и вьетнамских фразеологизмов с названиями растений и их национально-культурное своеобразие	36
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	50
ГЛАВА II. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ РАСТЕНИЙ В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: СРАВНИТЕЛЬНО- СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	52
2.1. Фитонимы в составе русских и вьетнамских пословиц и поговорок	52
2.2. Образ растений и его репрезентация в русских и вьетнамских фразеологизмах: общее в различном.....	69
2.2.1. Образы березы и бамбука в русской и вьетнамской культурах.....	72
2.2.2. Образы дуба и дерева да в русской и вьетнамской культурах.....	75
2.2.3. Образы ели и персикового дерева в русской и вьетнамской культурах	78
2.2.4. Образы осины, липы, тополя, сосны, малины и яблока в русской и вьетнамской культурах.....	79
2.3. Флоронимы в русской и вьетнамской языковых картинах мира: различное в общем	85
2.3.1. Флороним роза / hoa hồng в русском и вьетнамском языках	85
2.3.2. Флороним ромашка / hoa cúc в русском и вьетнамском языках.....	92
2.3.3. Флороним пион / hoa mẫu đơn в русском и вьетнамском языках	96
2.3.4. Флороним гвоздика / cẩm chướng в русском и вьетнамском языках	100
2.3.5. Флороним лотос / hoa sen в русском и вьетнамском языках.....	104

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	111
ГЛАВА III. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ РАСТЕНИЙ КАК МАТЕРИАЛ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	113
3.1. Безэквивалентная и неполноэквивалентная лексика, отражающая национально-культурное своеобразие русских и вьетнамских фразеологизмов с названиями растений, в практике преподавания инострannого языка.....	113
3.2. Русские фразеологизмы с названиями растений при преподавании русского языка вьетнамским учащимся.....	127
3.3. Классификация фразеологических единиц с названиями растений по частотности употребления в русском и вьетнамском дискурсе.....	136
3.4. Русские и вьетнамские ФЕ с названиями растений в функции заголовка как материал при преподавании иностранного языка.....	140
3.5. Русские и вьетнамские ФЕ с названиями растений в художественном тексте	149
3.6. Трансформация русских и вьетнамских ФЕ с названиями растений в речи	156
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ.....	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	171

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена сопоставительному анализу русских и вьетнамских фразеологизмов с названиями растений в лингвокультурологическом аспекте. Сопоставительных исследований национально-культурной специфики русской и вьетнамской фразеологии и паремиологии, выполненных на русском языке, немного.

Во фразеологическом фонде многих языков особое место занимают фразеологизмы, содержащие названия растений, – фитонимы. Данное явление закономерно, поскольку растение всегда играет важную роль в жизни человека, что находит адекватное отражение в языковой картине мира: человек всегда был связан с растением, с древних времен мы живем в тесном взаимодействии.

Фразеологизмы с названиями растений бытуют и в русском, и во вьетнамском языке. Изучение фразеологизмов, в которые входит компонент-фитоним, вызывает большой интерес у многих исследователей. Это обуславливается тем, что у данных языковых единиц имеется ярко выраженный культурный компонент, который требует отдельного изучения.

Гипотеза исследования заключается в том, что, при всех типологических различиях между русским и вьетнамским языками, при экстралингвистических и лингвистических расхождениях в основаниях и принципах фразеологизации рассматриваемых единиц, между русскими и вьетнамскими ФЕ могут быть установлены соответствия в структурно-семантическом, стилистическом, образном, символическом и функциональном аспектах, что позволяет, в частности, успешно использовать фразеологизмы в качестве средства преподавания иностранного языка.

Исследование фразеологизмов с названиями растений, которые составляют довольно многочисленную, часто используемую и типичную для многих языков группу фразеологизмов, распространенных как и в устной, так и в письменной речи, требует системного подхода на основе разработанной в современной лингвистической науке методологии и

методики, позволяющей определить место, значимость и специфику этой сферы языковой действительности в национальной языковой картине мира. Национально-культурный потенциал этой группы фразеологизмов, с одной стороны, вызывает интересные возможности для преподавания русского языка во вьетнамской аудитории, а с другой стороны – помогает русскому и вьетнамскому народам общаться друг с другом, способствует взаимопониманию.

Тема, ставшая предметом рассмотрения в настоящей диссертации, фразеология с фитонимами, занимает значительное место в преподавании русского языка не только русским, но и иностранным учащимся. Поскольку во фразеологии ярко и самобытно отражается национально-культурная специфика народа, изучающим русский язык иностранцам не всегда могут быть понятны русские фразеологизмы с названиями растений, и при переводе они часто пытаются «почувствовать» их с помощью родного языка. Так получается, если значение и образ полностью совпадают, но чаще всего перевести фразеологизм нельзя: это устойчивое выражение, значение которого можно понять, только зная особенности жизни и мировоззрения другого народа. Посредством изучения фразеологизмов и определяется отраженный в языковой картине мира культурный, социальный и исторический опыт народа. Сравнительно-сопоставительный подход, принятый в лингвистике, помогает, на основе лингвистических инструментов анализа, описать то общее и различное, что есть во фразеологических системах разных культур.

Актуальность исследования определяют следующие факторы:

- необходимость выявления специфики национально-культурной обусловленности значения в русских и вьетнамских фразеологизмах с названиями растений на основе современных лексикографических разработок;

- потребность в определении того, как представлены русские и вьетнамские ФЕ в различных функционально-речевых стилях, с учетом данных современных поисковых систем;

- насущная потребность адекватных сопоставлений ФЕ в диалоге речевых культур и выявление национального своеобразия культуры, содержащейся в русских и вьетнамских фразеологизмах;

- актуальные задачи преподавания русского языка вьетнамским студентам;

- необходимость развития фразеологии как раздела лингвистики.

Объектом исследования в данной работе выступают русские и вьетнамские фразеологические единицы (ФЕ), содержащие фитонимическую лексику.

Предметом анализа являются универсальные характеристики и национально-культурные особенности фразеологических единиц с фитонимами в национальной языковой картине мира, а также особенности функционирования ФЕ с названиями растений в различных контекстах русского и вьетнамского языков.

Материалом исследования являются русские и вьетнамские ФЕ с фитонимами, извлеченные из различных источников: одно- и двуязычных толковых словарей, Национальных корпусов русского и вьетнамского языков и др. Корпус проанализированных фразеологизмов с фитонимической лексикой составил 260 единиц русского языка и 185 единиц вьетнамского языка. Это соотношение количества анализируемых единиц само по себе показательно, поскольку выявляет тот факт, что в русской языковой картине мира ФЕ с названиями растений занимают гораздо большее место, чем во вьетнамской.

Цель настоящего исследования – комплексное описание русских и вьетнамских ФЕ, включающих наименования растений, их частей и совокупностей, определение их значения на фоне языкового и культурного

контекста, демонстрация этнокультурного и структурно-семантического своеобразия фразеологизмов в составе русского и вьетнамского языков

В рамках сформулированной выше цели предполагается решение следующих **задач**:

- 1) обосновать основные теоретические подходы к теме диссертационного исследования;
- 2) выявить корпус русских ФЕ с названиями растений и близких к ним по смыслу ФЕ во вьетнамском языке;
- 3) проанализировать национально-культурную специфику русских ФЕ с названиями растений и соответствующий им вьетнамский фрагмент языковой картины мира, определить структурно-семантическое сходство и различие вьетнамских и русских ФЕ, включающих в свой состав фитонимы;
- 4) проанализировать языковые образы растений в двух сопоставляемых языках и установить их сходства и различия;
- 5) рассмотреть русские и вьетнамские ФЕ, включающие наименования растений, их частей и совокупностей, с точки зрения их функционирования в текстах различной стилистической и жанровой принадлежности;
- 6) определить лингводидактический потенциал языкового материала и возможности использования его в преподавании русского языка вьетнамским студентам, а также вьетнамского языка – русским.

Для решения поставленных задач в работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный **методы**, а также методы структурно-семантического и контекстуального анализа, метод лексикографического описания, метод корпусного анализа.

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы видных представителей отечественного и зарубежного языкознания: В.И.Даля, В.В.Виноградова, В.Н.Телии, З.Д.Поповой, М.М.Копыленко, В.А.Масловой, В.П.Жукова, В.М.Мокиенко, Л.И.Степановой,

В.П.Фелицыной, И.А.Федосова, В.М.Шаклеина, Н.М.Шанского, Ян Жуй, Пак Сон Гу, Нгуен Хуй Кыонг, Чан Тхи Нау, Фам Тхи Тхань Ха и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно углубляет и расширяет представление о рассмотренном фрагменте лексической системы русского и вьетнамского языков, позволяет уточнить понятия «фразеологизм», «фразеологические единицы» в русле сравнительного направления их изучения с позиции лингвокультурологии, развивает некоторые аспекты теории фразеологизма, а также вводит в научный обиход систематизированные корпуса ФЕ с наименованиями растений.

Исследование совершенствует и упорядочивает систематизацию корпусов русских и вьетнамских ФЕ с наименованиями растений, представляя классификацию на основе семантической дифференциации единиц с учетом их национально-культурного своеобразия, выявленного в результате анализа.

Работа развивает метод определения смысловой и стилистической значимости ФЕ на основе анализа сильных позиций текста, а также формирует представление о функциональной нагруженности соответствующего корпуса ФЕ в текстах различной стилистической и жанровой принадлежности.

Практическая значимость диссертации. Языковой материал работы может быть полезен при составлении лексикографических словарей русского и вьетнамского языков, при подготовке курсов по языкознанию, спецкурсов по фразеологии. Результаты, полученные в ходе исследования, могут применяться на занятиях по русскому языку как иностранному во вьетнамской аудитории и, наоборот, в практике преподавания вьетнамского языка русским, а также в практике перевода.

Научная новизна исследования состоит:

1) в наиболее полном и комплексном изучении фразеологических единиц с названиями растений в лингвокультурологическом аспекте,

который выявляет национально-культурное своеобразие семантики наименований растений;

2) в рассмотрении, применительно к русскому и вьетнамскому языковому материалу, проблемы безэквивалентной и неполноэквивалентной лексики, определяемой как слова, в которых семантика частично совпадает и частично расходится в фоновых долях понятийно эквивалентных слов в русских и вьетнамских ФЕ с названиями растений;

3) в сопоставлении русских и вьетнамских ФЕ с названиями растений в целях выявления их национально-культурного своеобразия;

4) в выявлении, на примере соотнесения ФЕ в русском и вьетнамском языках, ряда новых структурно-семантических характеристик фразеологизма как языкового феномена;

5) в наиболее широком на данный момент охвате контекстов, в которых используются ФЕ с наименованиями растений, включая Национальный корпус русского языка и тексты электронных поисковых систем, где контексты оказываются ближе всего к разговорной речи.

6) во введении в научный обиход новых знаний о вьетнамской фразеологии, полученных в рамках исследований, проведенных учеными Вьетнама.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Являясь неотъемлемой и важной частью любой национальной языковой картины мира, фразеологические единицы с названиями растений выступают как ценный источник лингвокультурологического материала, приобретая в силу своей особой значимости специфические ассоциативные, образные, символические значения, толкование и интерпретация которых расширяет представления о языковом и культурном своеобразии народа.

2. Языковой образ растений в русских и вьетнамских ФЕ с фитонимами наделен как мелиоративной, так и пейоративной коннотацией: преимущественно мелиоративную коннотацию несут ФЕ с наименованиями относящихся к местной флоре деревьев и цветов; пейоративная коннотация,

как правило, свойственна устаревшим или заимствованным фразеологизмам.

3. Фразеологические единицы с названиями растений, как правило, национально-специфичны, что прослеживается при сравнительном анализе русских и вьетнамских ФЕ, где обнаруживается сравнительно немного совпадений; выявленная безэквивалентная и неполноэквивалентная лексика требует в учебной аудитории комментария и перевода.

4. Фразеологические единицы с названиями растений широко используются в качестве разного рода текстообразующих элементов: заголовка публицистического или художественного текста, эпиграфа или ключевого элемента текста, что свидетельствует о смысловой и эстетической значимости исследуемых фразеологических единиц в языке и речи, а также об их важной роли в организации семантики текста.

5. Сравнительно-сопоставительный (структурно-семантический) анализ русских и вьетнамских фразеологизмов с фитонимами демонстрирует определенную тенденцию в формировании структуры их значения: при семантической общности компонентов, составляющих русский и вьетнамский фразеологизм, расхождения между ними наблюдаются на уровне общей семантики фразеологической единицы; при расхождении семантики составляющих ФЕ компонентов совокупная семантика русских и вьетнамских фразеологизмов сближается.

Апробация работы. Основные положения диссертации апробированы на конференциях: VIII международной научно-практической конференции «Проблемы изучения живого русского языка на рубеже тысячелетий» (Воронеж, 2015), IV международной научно-методической конференции «Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся» (Воронеж, 2016), Международной научной конференции иностранных студентов «Студенческая наука как ресурс инновационного потенциала развития» (Воронеж 2017), Международной научной конференции «Русистика в наши дни»: XXXV Распоповские чтения (Воронеж, 2017), III всероссийской научной конференции

«Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 2017) и др.

По теме диссертации опубликовано шесть статей, три из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов научных исследований.

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из Введения, трех глав, Заключения и Списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ РАСТЕНИЙ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

1.1. Лингвистическая классификация названий растений: основы и принципы

В семантическом пространстве языка мир растений является одной из малоизученных областей. Следует, однако, признать, что в течение последних десятилетий названия растений (фитонимы) стали все чаще выступать в качестве объекта самостоятельного исследования. Фитоним стал объектом плодотворного анализа в лингвистике, психолингвистике, этноботанике, этнолингвистике, символогии, культурологии, лингвокультурологии, литературоведении.

Первые работы лингвистического толкования народных названий растений, посвященные культурологическому аспекту изучения языковой системы, появились в XIX веке и связаны с именем Ф.И.Буслаева. В своей статье «Значение собственных имен “лютики, вильцы и волчки” в истории языка» он показал связь названий растительных реалий с жизнью народа, с верованиями [Буслаев 2011]. По мнению автора, лексическая группа названий растений удерживает мифологическое восприятие окружающего мира. В исследовании А.С.Будиловича также указывается, что на основе данных славянской мифологии некоторые названия растений тесно переплетаются с духовной, исторической и культурной жизнью славян [Будилович 1878].

Известно, что Н.И.Толстой в своих трудах обращал особое внимание на растительный мир. В статье «“Мужские” и “женские” деревья и дни в славянских народных представлениях» ученый рассуждал о том, что растения, согласно народному мифологическому восприятию природы, в сознании славян имманентны, т. е. представляют собой живые существа, подобные «существам человеческим». Он отмечает, что «язык содействует

образованию мифологического мышления и мифологических представлений» [Толстой 1995: 333].

Большой вклад в исследование названий растений внесли работы современных лингвистов. В русском языке названия растений являются важным фрагментом языковой картины мира славян, на что обращает внимание Е.М. Маркова. Она утверждает, что «названия растений создаются на основе внешнего вида растений, их характера, запаха, цвета, места произрастания, времени цветения» [Маркова 2008: 85]. Кроме того, некоторые растения именуется по названиям животных, которые обитают среди данных растений или питаются ими и др. Автор особенно подчеркивает метафорические и метонимические способы номинации растений, которые выражают субъективное отношение говорящих к предметам номинации [Маркова 2008]. Однако Б. Н. Головкин считает, что многие из названий растений буквально переведены с латинского или греческого языка на русский язык [Головкин 1992].

А. В. Часовникова обращает внимание на образы растительного мира в народной культуре. Ее исследование анализирует связи названий растений с христианской образностью [Часовникова 2003].

Как полагает А. М. Летова, наиболее частотные фитонимические единицы появляются в народных лирических песнях (малина, виноград, ягода и т. д.) с позиций фольклорного слова. Она утверждает, что значения растительных реалий, особенности их бытования в фольклорных текстах определяются «человеческим аспектом», его эмоциональным миром [Летова 2012].

По мнению В. Б. Колосовой, «названия растений получаются от антропонимов». В своей работе она рассматривает мотивацию переноса названий растений и приходит к выводу, что к названиям растений относятся мифологический персонаж, календарный праздник, который совпадает со временем цветения растения, легенды [Колосова 2008].

Названия растений символически могут как представлять собой внешние и внутренние качества отдельного человека, так и выражать культурное национально-историческое своеобразие. При функциональной характеристике фитонимов, изучении контекстов их употреблений, дополнительных непонятных смыслов и парадигматических связей выявляются важные языковые элементы создания картины мира, в которой отражаются внутренний мир человека, эмоции, оценки, взаимоотношения в обществе и другие явления.

В.А.Меркуловой в фитонимической лексике выделяются научные и народные названия [Меркулова 1967]. Сходной точки зрения придерживается Н.И.Панасенко и выделяет литературное название лекарственных растений, народное и научное (в просторечных и диалектных формах), ботаническое и фармакогнозическое название [Панасенко 2000].

В статье о способах образования названий растений в русском языке «Предметы одежды в фитонимах» В.Б.Колосова отмечает, что русские диалектные названия растений часто образуются от предметов одежды [Колосова 2008].

С точки зрения П. В. Кропотухиной, изучение названий растений в разных исследованиях широко рассматривается на материале не только одного, но и разных языков в аспекте сопоставлений. Названия растений составляют богатый источник информации о мировоззрении народа, они представляют собой эффективный инструмент для лингвокультурологического сопоставления [Кропотухина 2011].

Сопоставительные исследования наименований славянских растений представлены в работах Л.М.Васильева [Васильев 1964, 1986]. Исследователь подчеркивает, что названия деревьев и кустарников в большинстве своем исконные, в особенности те, которые восточные славяне знали издавна. «Наибольшее количество фитонимов было заимствовано из соседних славянских языков, из латинского, греческого, тюркского, из

современных европейских языков (немецкого, голландского, французского, итальянского, испанского)» [Васильев 1986: 76].

Б.К.Асина [Асина 1980], А.А.Биджиева [Биджиева 1998], З.И.Комарова [Комарова 1975, 1979, 1991] высказывают также интересные наблюдения относительно системно-языковых свойств русских наименований растений. Р.М.Гайсиной, А.Е.Родионовой [Гайсина Родионова 1997], Л.В.Лаенко [Лаенко 1988], Л.В.Лебедевой [Лебедева 1993] было сделано описание прилагательных, которые были образованы от названий растений.

Что касается значения фитонимов, то чаще всего в словарях дается толкование этой языковой единицы посредством указания на семейство растений, на его вкус, географию распространения, посредством синонима. Т.В.Цой замечает, что в качестве названий растений некоторые фитонимы выступают лишь в своем втором значении (например, у фитонима *ноготок* первичное значение – «ноготь»). Названия растений обладают также и способностью смыслового развития значения, когда семантика собственно фитонима утрачивается (например, у фитонима *нарцисс* есть также значение «самовлюбленный человек, любующийся собой»). Автор отмечает, что в словарях нет строгого порядка следования первичных и вторичных значений названий растений; кроме того, не всегда переносные значения фитонимов маркируются в лексиконах специальными пометами. Обращаясь к проблеме семантизации фитонимов, автор указывает на трудности в классификации названий растений из-за отсутствия в словарях единообразия в толковании фитонимов [Цой 1985]. Ученый дифференцирует фитонимы по лексико-семантическим признакам, при этом не вполне ясно, какие признаки автор взял за основу, разделяя растения и цветы:

- растения: *гвоздика, кунжут, нарцисс, ландыш, орхидея, шалфей, фиалка*;
- деревья: *вяз, пихта, саксаул, сандал, чинара, ясень, яблоня*;
- злаки: *зубровка, ковыль, пшеница, рожь, острец*;

- цветы: *астра, георгин, гортензия, камелия, лилия, маргаритка, нарцисс, одуванчик, пион, роза, ромашка;*
- овощи: *баклажан, брюква, репа, капуста;*
- плоды: *апельсин, арбуз, банан, дыня, персик;*
- кустарники: *барбарис, калина, крыжовник, ежевика, олеандр;*
- травы: *волчец, осока, подорожник* [Цой 1985: 220-222].

Р.Д.Сетаров описывает национальную специфику образной номинации русской фитонимической лексики, сопоставляя ее с такими же лексическими единицами двенадцати языков [Сетаров 2005]. Л. Б. Воробьева проводит анализ функционирования фитонимов в составе устойчивых сравнений [Воробьева 2002].

В настоящее время в лингвистической науке сложилась ситуация, в которой не представляется возможным утверждать, что в вопросе о классификации фитонимов существует единая система. Различные авторы берут за основу разноплановые критерии, что порождает многообразие сложившихся классификаций.

В своей работе «Принципы создания словаря народной фитонимической лексики» Н. И. Коновалова поднимает вопрос о критериях толкования значений фитонимов. Автор подвергает анализу практику представления фитонимов в словарях разных типов и предлагает принципы создания словаря народных названий растений. По мнению исследователя, «слабые места» в лексикографическом описании фитонимов заключаются в противоречивости толкования значений лексем, которые имеют отношение к одной лексико-семантической группе; недостаточности дифференциальных признаков значения фитонима; неточности в вопросе отнесения реалии к определенному классу; недостаточности иллюстративного материала, помогающего раскрыть значение слова [Коновалова 1996: 47].

Предложение Н. И. Коноваловой состоит в том, чтобы представлять фитонимическую лексику в словаре, используя описательный, релятивный, отсылочный типы толкования. Описательный тип толкования названия

растения позволяет развернуто описать значение путем приведения семантических признаков, которые составляют его объем. В словарную дефиницию при этом входит идентификатор, который включает описываемое слово в лексико-семантическую группу фитонимов с близким значением, а также конкретизаторы, которые выявляют дифференциальные признаки. Идентификатором может быть:

- гипероним (слово с более общим значением), который указывает на класс растений, включающий в себя описываемое;
- гипоним (слово с конкретным значением), который описывает фитоним с собирательным значением;
- слово с нейтральной характеристикой, которое раскрывает денотативное содержание эмоционально-экспрессивного фитонима.

Если идентификатор отсутствует, то в дефиницию включаются компоненты, которые формируют семантическую структуру наименования растения: назначение, вкус, время цветения, запах, цвет, воздействие на людей и животных [Коновалова 1996].

При релятивном типе толкования значение слова объясняется через его отношение к другим лексическим единицам соответствующих лексико-семантических групп. Идентификаторами выступают:

- синонимы или номинативные варианты;
- лексический или структурный мотиватор, который делает возможным описание мотивационного значения (например, *повилика* – сорное травянистое растение, обвивающее своим стеблем другие растения);
- слово, номинативный признак, в основе которого имеется отношение к одному определяемому ассоциативному полю (например, «*порчевая помощь* – травянистое растение, применяемое в народной медицине от сглаза») [Коновалова 1996: 49-50].

При ссылочном типе необходимо обращаться к толкованию производящего слова. В подобных словарных дефинициях приводятся

контексты, которые показывают характер функционирования фитонима в рамках конкретной лексико-семантической системы. Контекст может быть:

- поясняющим (эксплицируется мотивировочный признак),
- уточняющим (толкование гиперонимов уточняется с помощью гипонимов),
- отождествляющим (толкование через семантический эквивалент),
- совмещающим (определяемое слово вводится в круг наименований того же класса),
- противопоставляющим (толкование через антоним).

Таким образом, в исследовании Н.И.Коноваловой можно проследить совокупность компонентов для того, чтобы наиболее полно и системно описать семантику фитонима.

А.Е.Родионовой предложена тематическая классификация фитонимов, релевантная для описания значений образованных от них прилагательных. За основу этой классификации берутся критерии:

1) важности растения для носителей языка. Руководствуясь этим критерием, автор выделяет «очень важные», «важные» и «маловажные» растения. Релевантность этого критерия состоит в том, что у производных прилагательных присутствуют или отсутствуют значения «засеянный / усаженный...», «предназначенный для...», «являющийся вредителем...»;

2) способа употребления растения. Каждая группа фитонимов, выделяемая по этому критерию, характеризуется определенным значением производного прилагательного:

- лекарственные, пищевые и ароматические растения – «приготовленный из/с...»;
- растения – источники полезных веществ – «добываемый из...»;
- кустарники, деревья, технические культуры, растения с длинными прочными стеблями – «сделанный из...»;
- торфообразующие растения – «образовавшийся из...»;
- медоносы – «собранный с цветов»;

3) географического фактора, на основе которого выделяется группа имен «экзотических» растений;

4) возможности произрастания в естественных условиях. В рамках этого критерия происходит противопоставление «дикорастущих» и «культурных» растений. Для «дикорастущих» фитонимов характерно значение производного прилагательного «поросший/заросший», а для «культурных» – нет [Родионова 1997: 14-15].

Л.Ф.Пуцилева исследовала коннотативные значения фитонимов и предложила классификацию, ориентируясь на тематический и аксиологический критерии [Пуцилева 2008].

Фитонимы, отобранные по тематическому признаку, автор предлагает разделить на две равнозначные в количественном отношении группы.

Первая группа представлена фитонимами с антропоморфными коннотативными значениями. Также сюда автор относит и лексемы, которые не имеют непосредственного отношения к фитонимам (как к наименованиям растений и их частей), однако входят в тематическую подгруппу «Объекты из дерева» (части распиленного, срубленного, сломанного дерева). Они наделяются следующими коннотативными значениями: *деревяшка, дубина, жердь, колода, орясина, коряга, палка, пень, чурка, чурбан*. Актуализация коннотативных значений первой группы реализуется во вторичных номинациях – фитоморфизмах (*роза, сморчок*), а также путем устоявшихся сравнениях человека/частей его тела с растением/его частью (*губы, как бутон; пристал, как репей; уши, как лопухи*).

Во вторую группу Л.Ф.Пуцилева относит фитонимы, не имеющие антропоморфного значения. Чаще всего это коннотации реализуются во вторичных номинациях, метафорически вербализирующие самые разные абстрактные понятия, события, феномены. Автор приводит следующие примеры: *малая часть – зерно; начало, источник – корень, семя, росток; результаты – плоды; что-то нескромное – клубничка; молодежь – (молодая) поросль*.

Коннотативные значения фитонимов, отобранных по аксиологическому признаку, автор предлагает разделить на мелиоративные, пейоративные и нейтральные.

Как полагает автор, в группе, содержащей названия растений с неантропоморфными коннотативными значениями, сложно провести классификацию, взяв за основу аксиологический признак. Л.Ф.Пуцилева это связывает с тем, что, оценивая метафорические абстрактные понятия, явления и события, человек больше дистанцируется от них, проявляет меньше эмоций. У некоторых метафорических характеристик характер достаточно нейтральный (*зерно, росток, корень, терние, семя*) [Пуцилева 2008].

Совсем недавно была предложена еще одна интересная с научной точки зрения классификация фитонимов. О.Г.Рубцова в своей диссертации «Названия лекарственных растений в разноструктурных языках» предложила при классификации фармакофитонимической лексики брать за основу ряд следующих критериев:

- 1) применяемость в медицине;
- 2) бытовое использование растения:
отражают их использование в кулинарии;
- 3) вкус и запах растения;
- 4) внешний вид растения;
- 5) место и условия произрастания растения;
- 6) время цветения растения;
- 7) цветообозначение;
- 8) фаунистическая лексика;
- 9) народные поверья, суеверия: фитонимы, связанные с обрядами праздника Ивана Купалы;
- 10) религиозные представления;
- 11) антропоним [Рубцова 2015].

Для наглядности представим в Таблице 1 свод критериев, на которые в современной науке можно ориентироваться при лингвистической классификации названий растений:

Таблица 1. Критерии лингвистической классификации названий растений

Автор	Критерий
Т.В.Цой	лексико-семантические признаки
А.Е.Родионова	– важность растения с точки зрения носителей языка – способ употребления растения – географический фактор – возможность произрастания в естественных условиях
Л.Ф.Пуцилева	– тематический – аксиологический
О.Г.Рубцова	– применяемость в медицине – бытовое использование растения – вкус и запах растения – внешний вид растения – место и условия произрастания растения – время цветения растения – цветообозначение – фаунистическая лексика – народные поверья, суеверия – религиозные представления

Свой вклад в изучение фитонимов делают и вьетнамские ученые. Так, Нгуен Тхань Ха отмечает, что объяснение фразеологизмов с природным кодом культуры (деревьями, травой, лесом, полем) можно найти в непосредственном сочетании природных и климатических условий [Нгуен Тхань Ха 2005].

Как мы видим, в современной науке отсутствует единообразие в подходах к классификации флористической лексики. Разные ученые руководствуются различными критериями, которые, очевидно, наиболее соответствуют векторам их научных интересов.

Небезосновательно полагать, что значимость тех или иных наименований растений определяется их способностью участвовать в фразеологизации словосочетаний, в составе которых они приобретают фразеологически связанные значения, образуют фразеологические сочетания, фразеологические единства, фразеологические сращения. Именно эти значения нуждаются в подробном и всестороннем анализе, поскольку культурный компонент значения наиболее сложен для восприятия. К тому же многие связанные значения, извлекаемые из контекста, не находят отражения в толковых словарях. Для неблизкородственных и совсем неродственных языков поиск соответствий при обучении и переводе становится серьезной проблемой, требующей решения и на теоретическом, и на практическом уровнях.

Для решения этой немаловажной лингвистической проблемы необходимо осмысление и обобщение накопленных современной наукой знаний и опыта, которые могут быть применены для ранее не проводившегося сопоставления соответствующих фрагментов языковой реальности. Это касается, прежде всего, упорядочивания и систематизации рассматриваемых нами фразеологических единиц, обнаружения наиболее надежных оснований их классификации.

1.2. Тематическая классификация фразеологизмов, содержащих названия растений, в русской и вьетнамской лингвистике

Как уже упоминалось выше, национально-культурная специфика фразеологизмов с фитоконпонентом все чаще становится предметом научного интереса в современной лингвистике. Этому вопросу посвящено, в частности, исследование О.В.Шарой, которая уделяла внимание национально-культурной специфике немецких и русских растительных фразеологизмов и сопоставляла их экспрессивные возможности [Шарая 2005]. Предложенная исследователем тематическая типология вполне применима и при сравнительной характеристике русских и вьетнамских ФЕ с фитонимами в их составе.

Как рассуждает О. В. Шарая, культурно значимая информация находит свое воплощение в денотативном аспекте значения флорофразеологизмов и отображает присущие конкретному народу:

1) предметы материальной культуры:

– растения, которые наиболее типичны для данной страны.

В русских устойчивых выражениях часто употребляются дендрокомпоненты:

береза / березка – рус. *любить до самой березки* – разг. «любить до самой смерти»; рус. *пошел (услан) березки считать* – устар. о ссылке в Сибирь; рус. *пень березовый*.

Береза – очень распространенное дерево в русском ареале и является своеобразным символом России [СРФ 1998:46].

Рус. *голова (башка) еловая* – об очень глупом, бестолковом человеке (ср. рус. фразеологические единицы с аналогичным значением: *голова (башка) дубовая, голова (башка) садовая, голова (башка) мякинная*).

Типичным для русского ареала является и упоминание *клюквы* и *груздя*, например:

рус. *Вот так клюква!* – прост., восклицание удивления при неприятной неожиданности. В слове *клюква* (обозначающем кислую ягоду красного цвета, растущую на моховых болотах) содержится сильный эмоциональный заряд, характеризующий модель в целом, – экспрессивность фразеологической единицы создается за счет тесной связи с другими яркими идиомами, например, с широко употребляемым выражением *развесистая клюква* – вымыслы, ложные стереотипы, искаженные представления, вздорные и нелепые выдумки;

груздь – рус. *Назвался груздем, полезай в кузов*, т.е. «Раз уж взялся за дело, так доведи его до конца» – рус. «Взялся за гуж, не говори, что не дюж» и т.п.

– наблюдения за природой и видоизменениями растений. В данную группу входят многие пословицы и поговорки (иногда связанные с приметами погоды), например:

рус. *на одном месте и камень мхом обрастает* – «бездействие приводит к деградации человека»;

рус. *хоть трава не расти* – о полном безразличии, равнодушии к чему-л. – ФЕ производна от выражений *по мне (после меня) хоть трава не расти*, ср. рус. «После нас хоть потоп»;

рус. *Это (еще) цветочки, (а) ягодки впереди* – предостережение «Это еще ничего, дальше будет хуже».

Важно отметить, что в идиомах этой группы часто заключено образное сравнение, основанное на изоморфизме человека растению, например:

рус. *одного поля ягода (ягодки)* – о людях, похожих друг на друга (обычно по своим качествам, свойствам, положению и т.п.); о людях, которые стоят друг друга – один другого не лучше;

рус. *куда дерево клонилось, туда и повалилось* – о человеке, воплотившем свои дурные склонности, ср. рус. «свинья грязь найдет».

– растения, используемые в кулинарии (традиционные продукты питания, национальные блюда и напитки, особенности приготовления и

порядок приема пищи). В русской фразеологии часто встречаются идиомы с фитокомпонентами:

проще (дешевле) пареной репы;

та же щука, да под хреном;

изрубить в капусту;

крепкий как репка;

красный как свекла (бурак);

надоесть хуже горькой редьки.

– народная медицина (связанная часто с магией) – *лук от семи недугов;*

Вьетнамские фразеологизмы могут быть распределены по тем же тематическим группам, что и русские фразеологизмы. В первой тематической группе («предметы материальной культуры») отмечаются вьетнамские фразеологизмы, близкие по смыслу русским.

Например, русскому фразеологизму *голова еловая* близок вьетнамский фразеологизм *голова боба (đâu óc bã đậu)*. [Новый большой вьетнамско-русский словарь 1998].

Русскому фразеологизму *дешевле пареной репы* близок вьетнамский фразеологизм *дешевый, как водяной салат (rẻ như bèo)*.

2) понятия духовной культуры:

– христианские предания, обряды и праздники.

Например:

одним миром мазаны – неодобр., о людях с одинаковыми недостатками

вкушать (вкусить) от древа познания добра и зла;

до морковкиных (морковных) заговен – прост. шутол. «неопределенно долго; до бесконечности»;

– мифологические предания:

яблоко раздора (Эриды) – книжн. «повод, причина ссоры, спора, серьезных разногласий»;

Флора и Помона – высок., «цветы и плоды» (у древних римлян Флора считалась богиней цветов, а Помона – богиней плодов) и др.;

– народные суеверия и следы колдовских обрядов.

Идиомы данной подгруппы передают одну из самых темных и таинственных сторон древнего мышления.

Некоторые фразеологические единицы этой подгруппы отражают народные суеверия – предубеждения, например:

рус. *вбивать / вбить (забивать / забить) осино́вый кол (в могилу / на могиле)* – неодобр., «окончательно обезвреживать кого-л., что-л.; покончить с кем-л., чем-л.; избавляться от какого-л. зла» – ФЕ восходит к древнему суеверному обычаю забивать осино́вый кол в могилу умершего колдуна, знахаря, ведьмы, упыря или оборотня, чтобы они не могли выходить из нее по ночам и вредить людям после смерти [ФСРЯ 1986:56; СРФ 1998: 277; Даль т.4, 1990:506; Вартаньян 1973: 178-179];

рус. *плакать на цветы* – народн. устар. «ворожить на счастье, благополучие» – изначально выражение обозначало «обряд вызывания дождя у славян». ФЕ восходит к старинному дохристианскому обряду, связанному с магией вызывания дождя и плодородия, позднее – ритуал оплакивания травы и цветов в Троицын день [СРФ 1998: 611];

– развлечения и игровые обычаи:

вытянуть короткую соломинку – фразеологическая единица восходит к обычаю тянуть жребий, используя соломинки разной длины (тот, кто вытянет самую короткую – проигрывает);

– литературные реминисценции (сказочные и поэтические):

рус. *кому корешки, (а) кому вершки* – народн., шутл.– ирон. о несправедливом, неравном дележе чего-либо; выражение – результат «сгущения» русской народной сказки «Мужик и медведь» в поговорку;

рус. *огурец с гору* или рус. *(рассказать про) римский огурец* – о чрезмерном преувеличении – выражение восходит к басне И.А. Крылова «Лжец».

В тематической группе «Понятия духовной культуры» также имеются вьетнамские пословицы, близкие по смыслу русским. Например, как в

русском, так и во вьетнамском языке встречаются фразеологизмы, напоминающие об искусстве мантики, т.е. умении угадывать настоящее и будущее, составлять прорицания.

Русскому фразеологизму *до морковкиных (морковных) заговен* близок вьетнамский фразеологизм *сезон мандаринов (đến mùa quýt)*.

Русскому фразеологизму *гадать на бобах* (строить беспочвенные предположения, ни на чем не основанные догадки) близок вьетнамский фразеологизм *гадать по цветкам (bói bằng hoa)*.

В данной группе немногим русских фразеологизмам близки по смыслу вьетнамские фразеологизмы с другими названиями растений.

3) понятия социальной культуры:

– аграрные и хозяйственные традиции:

земледелие и садоводство – *жить как тепличное растение; каждому овощу свое время* – «всему свое время»;

рубка леса и лесной промысел – *через пень колоду (валить)* – неодобр.

1. «делать что-л. кое-как, недобросовестно, нерадиво», 2. «делать что-л. беспорядочно, с перебоями»; *наломать дров* – неодобр., или ирон. 1. «наделать глупостей, больших ошибок», 2. «сделать что-л. грубо, бесцеремонно, причинив вред кому-л. / чему-л.»; *Руби дерево по себе; класть малину в рукавицу*;

– военные реалии – *косить кого-л. как (будто) сено (на огороде)*;

– реалии повседневной жизни прошлого – *ни за понюшку табаку; Дружба дружбой, а табачок врозь*;

– брак, свадебные обряды и приметы. Многие свадебные обряды имеют магический смысл, связанный с растениями. Например, зерно, хмель, мука, орехи и т.д., которыми во многих культурах принято осыпать молодых после венчания, символизируют изобилие и благополучие. Особенности растительной символики находят свое отражение и в названиях свадеб и свадебных юбилеев:

мирты сажать – замужем не бывать – фразеологические единицы основываются на народной примете. В свадебной церемонии большую роль играет мирт – вечнозеленое растение с белыми цветками [РЭС 2001:958]. С XVII века ветви мирта используются для венка невесты, который является символом чистоты, благословения и жизненной энергии;

венчать вокруг ракитового куста;

венчали вокруг ели, а черти пели – народн. шутол. ирон. о невенчанной чете. Идиомы восходят к языческому обряду венчания: молодой паре нужно было обойти вокруг ели или ракитового куста для освящения брака языческими божествами; с принятием христианства обряд начал восприниматься скептически и подвергся осмеянию [СРФ 1998: 180; Зеленин 2004: 197];

соломенная вдова – женщина, временно оставшаяся без мужа или не живущая с ним;

– школьную и студенческую жизнь:

(за)дать березовой каши (выпороть кого-либо розгами) – прост, шутол. «высечь, выпороть кого-л. розгами; быть избитым розгами» – ФЕ основаны на каламбурных обозначениях березовых розог, которыми наказывали в старину нерадивых учеников за неприготовление уроков или непослушание. Наказание лентяев тонкими березовыми прутьями было болезненным, но безопасным, поэтому эти школьные выражения окрашены юмором. В русской фразеологии известны разные варианты этой шутки: *вспрыснуть кого-л. березовой кашей, посулить кому-л. березовой каши, березовая лапша, извести березовую рощу на кого-л.*, а также пословица *береза ума дает*;

– история страны (факты, события и исторические легенды) – *попасть в самое яблочко*;

– связь с топонимами – рифмованные шуточные поговорки типа «*А в Рязани грибы с глазами – их едят, (а) они глядят*»;

Муромский лес – книжн. неодобр., о притоне разбойников;

(страшно) как в Муромском лесу – неодобр., о местности, известной криминогенной обстановкой. Идиомы восходят к древним русским сказаниям о том, что в Муромском лесу находилось логовище Соловья-разбойника;

– национально-специфические жесты – фразеологические единицы, обозначающие средства невербальной коммуникации:

показать (казать) фигу.

В тематической группе «Понятия социальной культуры» есть близкие по смыслу вьетнамские фразеологизмы, правда, не всегда включающие названия растений. Вьетнамские фразеологизмы с названиями растений, посвященные хозяйственным традициям, истории страны разнообразны. Поэтому в данной группе мы не встретили полных соответствий.

Фразеологизмы о труде:

Ăn kỹ no lâu, cấy sâu tốt lúa (глубоко пашет - рисовое растение быстро растет);

Lúa khô nước cạn ai ơi. Rủ nhau tát nước, chờ trời còn lâu (воды нет - рисовое поле сухое);

Em xinh là xinh như cây lúa (девушка красивая, как рисовое растение);

Tháng hai trồng đậu, trồng khoai, trồng cà (в феврале посадить бобы, картофель, помидоры).

Фразеологизмы об обрядах и приметах:

Trầu này trầu quế trầu hôi Trầu loan trầu phượng (Чау – растение является символом свадебного обряда во Вьетнаме);

Yêu nhau chẳng lấy được nhau. Cơn lộn bỏ đời, trầu cau để già (свадьбы не будет, Чау стареет).

Фразеологизмы о школьной жизни:

Русскому фразеологизму (за)дать березовой каши (наказать розгами) близок вьетнамский фразеологизм *бамбуковая палка (roi tre)*.

Русскому фразеологизму *соломенная вдова* (женщина, которая находится во временной разлуке с мужем) близок вьетнамский фразеологизм

женщина, не живущая с мужем как сухое дерево (phụ nữ không chồng như cây khô héo).

Представленные выше группы позволяют сделать вывод, что фразеологические единицы с названиями растений способны передавать самые разнообразные аспекты культуры и истории двух стран, разносторонне отображая наиболее яркие национальные особенности. Что же касается идеографических сфер приложимости ФЕ с фитонимами, то они могут быть самыми разнообразными, например, оценка явлений окружающего мира, качества предметов, характеристика какой-либо ситуации, физические свойства, черты характера, психологические состояния человека и многое другое.

1.3. Фразеологизмы с названиями растений как предмет лингвистического исследования в русском и вьетнамском языкознании

«Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой языковую картину мира» [Маслова 2004: 64-55].

Языковая картина мира «формирует отношение человека к растительному, к животному мирам и к самому себе, и человек дает названия известному окружающему миру. Взаимоотношения человека с природой играют важную роль в лингвокультурологическом аспекте, отражая культуру народа и мировую культуру в целом» [Гончарова 2012: 396]. Под определением языковой картины мира мы понимаем «исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности (взгляд на мир). Специфической особенностью восприятия мира человеком является отражение не только

самых объектов действительности, но и позиции отражающего субъекта, его отношения к этим объектам» [Веренич 2012: 51]. При этом мы можем предположить: чем более различными по своим культурно-историческим характеристикам являются принадлежащие той или иной культуре языковые личности – как в случае с вьетнамской и российской культурами, – тем разительнее и интереснее будут различия языковых картин мира, реализованные, в том числе, и во фразеологии.

В.Н. Телия отмечает, что «языковая картина мира есть совокупность знаний о мире, которые существуют в лексике, фразеологии, грамматике. Фразеологизмы занимают определенное место в создании языковой картины мира, они зачастую обладают образностью, выразительностью, помогают ярко и лаконично отражать особенности национальной языковой картины мира» [Телия 1981: 67-68].

«История изучения фразеологии русского языка начинается тогда, когда фразеологизмы стали включаться в словари и приобретать толкование в них» [Молотков 1977: 7]. Со второй половины XIX века начинает свое развитие учение о словосочетаниях, тогда же появляются первые предпосылки теории фразеологии. Русские ученые первыми разрабатывают вопрос о словосочетаниях и предлагают рассматривать фразеологизмы в качестве необычных словосочетаний.

Весьма значимым периодом для фразеологии как лингвистической дисциплины являются 40-е годы XX века. Большую ценность имеют труды В.В. Виноградова, в которых были решены некоторые вопросы общего характера, позволившие заложить основу изучения устойчивых сочетаний слов современного русского литературного языка. Именно В.В.Виноградов впервые создал синхронную классификацию фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности, а также наметил пути и аспекты дальнейшего развития фразеологии.

Весь фразеологический состав языка ученый предложил поделить на три типа оборотов: 1) фразеологические сращения, собственно, представляют

собой идиомы в узком смысле этого слова; 2) фразеологические единства, являющиеся также семантически неделимыми и тоже представляющие собой выражение единого, целостного значения; однако в них «целостное значение является мотивированным, оно представляет собой произведение, возникающее из слияния значений лексических компонентов»; 3) фразеологические сочетания, образуемые путем реализации несвободных значений слов, где слово с несвободным значением допускает синонимическую подставку и замену, идентификацию [Виноградов 1977].

Позднее фразеологизмы начинают изучать с точки зрения их структуры, грамматических свойств и происхождения. В этом аспекте особого внимания заслуживают труды: А.И.Ефимова, впервые сформировавшего цели и задачи «фразеологического анализа художественного текста» [Ефимов 1954]; Б.А.Ларина, исследовавшего фразеологизмы с точки зрения диахронического изучения фразеологической системы русского языка [Ларин 1977]; О.С.Ахмановой, которая описала характер лексико-фразеологического варьирования русского слова, а также дала подробное лексико-семантическое описание именных и глагольных фразеологизмов [Ахманова 2004]; С.И.Ожегова, определившего структуру фразеологических словарей [Ожегов 1991].

Следует отметить также многоаспектные труды А.М.Бабкина, И.И.Срезневского, В.И.Зимины, А.А.Шахматова, З.Д.Поповой, М.М.Копыленко, К.Н.Дубровиной, Л.В.Ковалевой, Д.О.Добровольского, А.Н.Баранова, А.В.Кунина, В.М.Савицкого, И.М.Снегирева, В.М.Мокиенко и др.

В последнее время изучение фразеологического состава языка стало особенно интенсивным и разнонаправленным. В своих исследованиях фразеология начинает сотрудничать с остальными лингвистическими дисциплинами: морфологией, синтаксисом, этимологией и др.

«Фразеологизм – единица семантическая. Поэтому совершенно не представляется возможным отвлечься от семантического анализа

фразеологизма». При подчеркивании семантической роли фразеологизма нельзя не учитывать его формальное выражение [Бирих 1996: 4]. Среди фразеологических оборотов выделяют два типа значения фразеологического оборота: 1) «фразеологизмы разнозначные представляют собой группу фразеологических оборотов, которые разнозначны по слову или словосочетанию, обладают значением, которое во всех отношениях аналогично лексическому значению слова» [Шанский 1969: 47]; 2) фразеологизмы эквивалентные выступают как семантические эквиваленты слов и словосочетаний.

Фразеологизмы – богатый материал для изучения народной мудрости, народных традиций, обычаев. В них проявляется самобытность национального мышления, особенности психологического склада народа.

В своей работе «Фразеология современного русского языка» Н. М. Шанский дает такое определение фразеологизма: «...это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная по своему значению, составу и структуре» [Шанский 1985: 6].

По меткому замечанию С.Г. Тер-Минасовой, «в идиоматике языка, то есть в том слое, который, по определению, национально специфичен, хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам. Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой» [Тер-Минасова 2000: 80].

В качестве критериев определения фразеологизма в русском языке называют в различных комбинациях устойчивость, целостность значения, не выводимую из суммы значений составляющих его слов, раздельнооформленность, возможность структурных вариантов или новообразований, воспроизводимость, эквивалентность слову, непереводаемость на другие языки. В целом фразеологизм характеризуется

как «сочетание слов с переносным значением», как «устойчивая фраза», как «устойчивый словесный комплекс». Во фразеологизме находят метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональную окраску и т.д.

Фразеологизм возникает тогда, когда, по меньшей мере, два слова (чаще знаменательных), участвующих в его формировании, оказываются семантически преобразованными в такой мере, что полностью или частично утрачивают собственное лексическое значение. «Сказанное, вместе с тем, означает, что между фразеологизмами и нефразеологизмами возможны переходные, промежуточные образования» [Жуков 2006: 5].

По мнению В.П. Фелицыной, «под фразеологизмом понимается несвободное словосочетание слов, общее значение которого не выводится из самостоятельных значений каждого слова» [Фелицына 1990: 5]. Слова во фразеологическом сочетании не складывают свои смыслы, не прибавляют их один к другому, а производят своеобразный, непредсказуемый, даже причудливый общий смысл всего словосочетания. Это свойство фразеологизма называется идиоматичностью. Фразеологизм – это идиоматическое словосочетание.

На основании многие фразеологи, наряду с фразеологическими сращениями, единствами и сочетаниями, выделяют фразеологические выражения, которые «не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» [Шанский 1969: 84]. Фразеологизм наделен целым рядом существенных, определяющих признаков: устойчивостью, воспроизводимостью, семантической целостностью значения, расчлененностью своего состава (раздельнооформленным строением), незамкнутостью (открытостью) структуры.

Фразеологизмы в системе языка тесно соприкасаются со словами и словосочетаниями, но между этими языковыми единицами наблюдается существенное различие.

В отличие от слов фразеологизмы имеют раздельнооформленное строение. «Значение фразеологизма создается семантическим взаимодействием всех компонентов», тогда как лексическое значение слова порождается семантическим взаимодействием морфем, доля участия которых в образовании значения слова неодинакова: основная семантическая нагрузка всегда принадлежит корневой морфеме, а остальные морфемы формируют словообразовательное и грамматическое значение [Николенко 2005: 14-15].

Следует отметить, что русский язык имеет богатейшую фразеологию. Многочисленными являются и фразеологические единицы с названиями растений. Как известно, существует много работ, которые посвящены анализу таких лексических групп. Это, например, работы Ф.Т.Атамуродовой, А.В.Берестневой, Н.И.Коноваловой, Н.С.Котовой, С.С.Шумбасовой.

М.А.Бобунова подчеркивает значительную роль названий растений в образовании «устойчивых языковых конструкций, составляя ядро поэтической фразеологии фольклора» (например, *калина-малина, трава-цветы, куст-лист*), т. е. устойчивость лексико-тематической группы «растительный мир» важна для языковой системы народной лирики [Бобунова 1990].

Внесли свой вклад в разработку теории ФЕ и вьетнамские ученые: Ян Жуй, Пак Сон Гу, Чан Тхи Нау, Динь Тхи Тху Хуэн и др.

Изучение фразеологизмов с названиями растений во Вьетнаме – новое направление в национальной лингвистике, науке, которая пока проходит первоначальные этапы становления и в силу определенных причин не имеет таких богатых традиций, как в европейских странах. Сложность исследования заявленной проблемы возникла и на этапе сбора материала, относящегося к вьетнамской культуре и вьетнамскому языку: употребление фразеологизмов свойственно в большей мере людям старшего поколения и жителям деревни, что является препятствием к реализации широких полевых исследований. Тем не менее, работа ведется, и исследователи говорят об

успехах вьетнамских ученых. Так, А.Г.Щитов отмечает, что во Вьетнаме «с 1975 по 2006 г. было издано восемь сборников пословиц» [Щитов 2015: 213].

Так, вьетнамские ученые-лингвисты сформировали общее научное представление о фразеологии – как в целом, так и вьетнамской. По их мнению, фразеологические единицы с компонентами-названиями растений выражают природный код культуры языка. В рамках этого кода идёт культурное осмысление объектов природы – деревьев, кустов, травы, лесов, гор, полей и т.п. «Растения в языке воплощают национальные образы. Каждое дерево имеет свой уникальный облик в сознании народа» [Нгуен Хуи Кыонг 2011: 13].

По мнению Нгуен Суан Хоа, при исследовании лингвокультурной специфики фразеологизмов с названиями растений важным представляется вопрос о том, что считать национально-культурным своеобразием фразеологизмов. В наивном языковом сознании своеобразие обычно понимают как совокупность определенных особенностей. Значит, своеобразие – это совокупность особенностей, характеризующих один объект, в его отличии от других объектов, его оригинальность [Нгуен Суан Хоа 1996]. Это характерно не только для наивного языкового сознания, но и для науки.

1.4. Смысловая дифференциация русских и вьетнамских фразеологизмов с названиями растений и их национально-культурное своеобразие

Фразеологические единицы обусловлены особенностями конкретного языка, обладают разной экспрессивной окраской, способны к приобретению дополнительного смысла, когда на них влияет контекст. Также они могут относиться к различным функциональным стилям. Изучая общие черты и различия фразеологизмов двух языков, можно достичь лучшего понимания национальной специфики народа-носителя языка, углубить знания о языке,

ведь фразеологические единицы являются яркой его составляющей. По мнению Г.Ф.Устиной, основное препятствие в процессе межкультурного общения состоит в национально-специфических особенностях культур, контактирующих между собой [Устинина 2013].

С точки зрения культуры и национальных особенностей изучение фразеологических единиц представляется по-настоящему интересным. «Культура отдельного региона представляет собой сложнейшее образование, которое включает географические, социально-экономические, национальные и другие особенности жизнедеятельности общества на конкретной территории» [Идиатуллин 2012: 84].

Ням Тхи Ван Ань также считает, что изучение ФЕ очень важно для понимания различных языков народов мира, потому что по фразеологии можно увидеть и изучить специфику быта, культуры, историю народов [Ням Тхи Ван Ань 2017] .

Именно поэтому ФЕ стали особым предметом лингвокультурологии – науки о взаимодействии между собой отличающихся языковых картин мира, отражающих менталитет, национально-культурные различия и восприятие окружающего мира разных народов. Комплексная реализация всех элементов и рассматривается в лингвокультурологическом аспекте, где названия растений анализируются с разных точек зрения.

Фитонимы, являясь одним из видов семантически разнообразной и многозначной лексики, воплощают в себе определенные характеристики растений, в них отражается духовный мир носителей языка [Ли Жунь 2015]. При анализе фитонимических единиц в аспекте лингвокультурологии можно получить определенное представление о том, насколько многообразны языковые представления конкретного народа, а также проследить преломление внеязыковой действительности в языке. Особым вниманием при этом исследователи удостоивают мотивационно-номинативные поля, которые экспрессивно отражают универсальные или национально-культурные особенности изучаемых языков: религиозно-мифологическое

происхождение фитонимов, сходство с частями тела (человека, животного и т. д.) или бытовыми предметами.

Растения представляют собой неизменную составляющую в жизни любого народа. Человек постоянно с ними взаимодействует, применяет их как лекарство, употребляет в пищу, просто наслаждается их красотой. В словарном запасе любого народа неизменно присутствуют названия растений, они занимают важное место в его культуре.

Человек с самых древних времен применял растения для своих нужд, вначале он собирал их для бытовых целей (употреблял в пищу, лечился ими, использовал как строительный материал и т. д.), а потом вводил их постепенно в культуру. Вербализуясь и переосмысляясь метафорически, растительные образы активно используются в качестве характеристики окружающего мира и человека. Отсюда логичным образом вытекает название «фитоморфизм» – переносное употребление названий растений для того, чтобы создать образную характеристику человека и предметов, явлений, понятий, связанных с ним [Сутормина 2012].

Сквозь призму языка и национальной культуры в фитоморфизмах отражается своеобразие восприятия мира. Национальное своеобразие способно проявляться в типичных ассоциациях, которые связаны с тем или иным образом, другими словами, в национальной специфике образной основы. Это касается и фразеологических единиц, образы которых взяты из растительного мира [Сетаров 2005].

С одной стороны, такую возможность переноса названий растений или животных и их свойств на человека можно объяснить сложившимися представлениями о растении. С другой – особенностью мышления древнего человека, который был склонен к антропоморфизму. То есть, прослеживается тесная связь фитоморфизма с противоположным ему явлением антропоморфизма – перенесением психических свойств, присущих человеку, на явления природы или животных. «Антропоморфизм и фитоморфизм можно назвать двумя сторонами одной медали: обозначая фитонимом

человека, тем самым мы оцениваем это растение и приписываем ему те или иные человеческие качества» [Вольф 2002: 136].

Исходя из данных различных языков, можно сделать вывод, что для фитоморфизмов характерно существенное единообразие или, во всяком случае, пересечение между собой. Это свидетельство не только исторической общности культур народов и их взаимодействия, но и общности человеческой природы, законов человеческой психологии, связи языка с действительностью. Но между системой коннотаций и ассоциаций, связанной у народа с представлением о конкретном растении, и метафорическим употреблением названия растения, фитоморфизмом, отсутствует полное тождество [Сетаров 2005].

Национальная специфика употребления фитоморфизмов обуславливается как национально-культурными традициями, так и многообразием флоры нашей планеты. От географического положения страны зависит наличие тех или иных видов растений. В связи с этим не всегда возможно сопоставление фразеологизмов, которые содержат фитонимы, в двух или нескольких языках. Именно это обстоятельство и порождает необходимость изучать более детально фразеологизмы с фитокомпонентом.

Исследователи Т.Н.Филиппова и Е.Д.Кукарникова в своей работе «К вопросу об аксиологическом аспекте функционирования фразеологических единиц с фитокомпонентом в испанском и русском языках» заинтересовались аксиологической составляющей фразеологизмов с фитокомпонентами. Отобранные ими фразеологизмы были классифицированы по признаку положительного / отрицательного / нейтрального и контекстуально-обусловленного оценочного значения.

По принципу оценочного значения авторы выделили следующие фразеологизмы:

1. С положительным оценочным значением:

разлюли малина прост. 1) замечательно, очень хорошо; 2) замечательный, очень хороший.

2. С отрицательным оценочным значением:

голова еловая прост. бестолковый, глупый человек;

горе луковое шутл. нерасторопный, незадачливый человек; недотепа;

дубовая голова [башка] прост. тупой, бестолковый человек; тупица;

мешок с соломой нерасторопный, глуповатый человек;

одного поля ягода (ягоды) похожи друг на друга, обычно по своим качествам, свойствам, положению и т. п.; стоят друг друга, один другого не лучше.

оставлять [оставаться] на бобах (оставлять, оставаться) без того, на что кто-либо рассчитывал, надеялся, чего добивался;

пень березовый груб. прост. тупица, дурак;

сердце обросло мохом у кого кто-либо стал бездушным, бесчувственным, черствым;

шут гороховый [чучело гороховое, пугало гороховое] 1) пустой человек; чудак, служащий всеобщим посмешищем; 2) прост. бранное выражение в адрес кого-либо; 3) некрасиво или старомодно одетый человек;

3. С нейтральным оценочным значением:

все шишки валятся на кого обрушиваются всякие несчастья, неприятности, испытания;

выжатый лимон 1) сильно измотанный, уставший человек; 2) человек, который утратил духовные силы, творческие способности;

как осиновый лист дрожит [трясется] очень сильно дрожит, трясется, обычно от волнения, страха.

с бору да с сосенки кого попало, откуда попало, без разбору (о случайном подборе, составе людей);

4. С оценочным значением, зависящим от контекста:

божий одуванчик разг., ирон. о тихом и слабом, обычно старом человеке. Напр.: *В чём дело? Лучше признайтесь сразу. — Сначала*

поклонитесь, что никому не скажете, — настойчивее потребовала старушка — божий одуванчик (В. Прохоров. Большой секрет);

почивать на лаврах, удовлетворившись достигнутым, совершенным, успокаиваться на этом. Напр.: Мы обязаны с каждым днем улучшать жизнь людей, но никто не давал нам права почивать на лаврах, а свою бдительность забрасывать в чулан. [Аркадий Львов. Двор (1981)];

срывать цветы удовольствия беспечно предаваться радостям жизни. Напр.: Параллель между мышинным жеребчиком и снохачом будет, таким образом, следующая: человек, имеющий быть мышинным жеребчиком, начинает влюбляться и срывать цветы удовольствия с самых ранних лет, постепенно дряхлеет и, утрачивая способность любить. [Г.И.Успенский. Власть земли (1882)].

Эти же примеры авторы классифицировали по признаку «характеристика внешности / внутреннего мира человека (его привычек, характера)». Были выделены следующие фразеологизмы:

1. Указывающие на внешние признаки:

шут гороховый [пугало гороховое, чучело гороховое].

2. Указывающие на привычки, характер, внутреннее состояние:

все шишки валятся;

выжатый лимон;

горе луковое;

оставлять [оставаться] на бобах;

фиговый листок.

Из результатов проведенного Т. Н. Филипповой и Е. Д. Кукарниковой исследования можно сделать вывод о том, что фразеологизмы с флористическим компонентом используются в основном для выражения отрицательного оценочного значения, либо находятся в прямой зависимости от того, какой контекст имеет высказывание. Такие высказывания при этом, как правило, дают оценку внутренним качествам человека. Также есть ряд фразеологизмов с фитокомпонентом, выражающих, в зависимости от

контекста их употребления, как положительную, так и отрицательную оценку. Авторы подчеркивают, что данный анализ носит предварительный характер, и проблема требует дальнейшего более детального изучения [Филиппова, Кукарникова 2012].

Корейский лингвист Пак Сон Гу в своей работе «Фитонимы в русской и корейской фразеологии» разделил фитонимы, входящие в состав фразеологических единиц и устойчивых сочетаний русского и корейского языков, на несколько групп:

1) лес, лесонасаждения

В русской фразеологии есть немало фразеологических единиц с номинативным компонентом «лес», «бор» (напр., *темный лес; смотреть в лес; кто в лес, кто по дрова; как в темном лесу; семь верст до небес (и все лесом); дремучий лес; откуда сыр-бор загорелся; с бору да с сосенки*). Объяснение этому можно найти в том, что большая часть равнинной территории Российской Федерации покрыта лиственными, хвойными и смешанными лесами.

2) деревья

Каждый народ, наряду с другими фактами реальной жизни, запечатлевает в языке явления природы, т. е. то, что ему близко и понятно. С этой точки зрения вполне объяснимо, что большинство фразеологических единиц русского языка содержит название тех деревьев, которые растут на территории России. Закономерно присутствие в русских фразеологических единицах и устойчивых сочетаниях таких наименований, как береза (ФЕ *березовая каша; попробовать (накормить) березовой каши (кашей); пень березовый; УС стройная как березка и др.*), осина (ФЕ *дрожать как осиновый лист; вбить осиновый кол в могилу*).

В русской фразеологии содержатся ФЕ со следующими фитонимами: ель (ФЕ *елки-палки; елки зеленые, елочный (рождественский) дед; УС разодеться как новогодняя елка*); липа (ФЕ *ободрать как липку*); дуб (ФЕ

дать дуба; дубовая голова; дуб дубом); сосна (ФЕ с бору да с сосенки; заблудиться в трех соснах).

В состав русских ФЕ входят типично «русские» фитонимы: береза, осина, дуб, ель, сосна, липа.

3) цветы, травы, злаки и другие растения

Среди русских ФЕ немало фразеологизмов с родовым компонентом «трава», например, как трава; травой (быльем) поросло; тише воды, ниже травы; хоть трава не расти; трын-трава; тонкий как былинка, а также видовыми наименованиями трав: полынь (горький как полынь), белена (белены объелся), крапива (крапивное семя).

4) плоды, корнеплоды

В русских ФЕ встречаются наименования следующих плодов и корнеплодов: плод (запретный плод, вкушать плоды); каштан (таскать каштаны из огня), горох (чучело гороховое; как об стенку горох); орех (щелкать, как орехи; дать на орехи; разделить под орех), репа (проще пареной репы); изюм ((в ней) есть изюминка; не фунт изюму); хрен (хрен (его) знает; хрен с ним; какого хрена; ни хрена, на кой хрен; старый хрен); редька (хрен редьки не слаще; хуже горькой редьки); ягода (одного поля ягода); клюква (вот так клюква; развесистая клюква); малина (разлюли-малина); яблоко (яблоко раздора; яблоку негде упасть); помидор (красный как помидор); огурец (свежий как огурчик); картошка (не картошка; картошка в мундире). Кроме этого, в русской фразеологии присутствуют заимствованные, но сейчас полностью освоенные наименования: лимон (выжатый лимон), апельсин (разбираться как свинья в апельсинах), фи́га (инжир) (фи́га с маслом). Эти плоды не характерны для России, поэтому с ними в русском языке образовано не так много ФЕ [Пак Сон Гу 2000].

О.А.Сутормина в своем исследовании «Фитоморфизмы в лексике и фраземике донских казачьих говоров» на примере донского диалекта показывает, как в донском диалекте с помощью фитоморфизмов дается характеристика физическому и физиологическому состоянию человека, его

интеллектуальным способностям, особенностям характера, поведения, различным сторонам его жизнедеятельности, а также отвлеченным понятиям, которыми оперирует человек, познавая мир [Сутормина 2012].

Автор полагает, что в сознании диалектоносителей происходит уподобление человека растению, однако в донском диалекте средства этого уподобления имеют специфический характер, который отличается от литературного языка: донские казаки употребляют в речи названия растений, которые преимущественно произрастают на территории их проживания и издавна знакомы им.

Совершенно естественно, что жители определенной местности наблюдают за растениями, которые произрастают на их территории. При этом они обращают внимание на то, как похожи отдельные части человеческого тела с частями растений. «Растение отождествляется с живым организмом, для которого характерно рождаться, жить, дышать, питаться, двигаться, созревать, приносить плоды и умирать». Следовательно, вполне логичным считается слияние в сознании человека общих физических качеств (возраст, пол, состояние систем и органов, физическое развитие) и физиологического состояния человека, протекания жизненно важных процессов организма, с общими качествами растения как организма [Сутормина 2012: 312].

О.А.Сутормина выявила несколько метафорических моделей.

1. Метафоры, отражающие физические свойства человека, подводятся под базовую метафорическую модель *человек – это растение*. Эта модель объединяет в метафорическое поле более частные метафорические модели: человек ассоциируется со зрелым или незрелым растением, рост человека – с развитием растения, внешность человека – с внешними характеристиками растения.

О красивом молодом человеке или о том, кто всегда хорошо выглядит, казаки говорят: *как малосольный огурчик* [Словарь донских говоров Волгоградской области: 376]. Зрелого человека сравнивают со зрелым,

спелым плодом: «Поспелый 2. Пожилой, в годах, в годах, зрелый (о человеке)» [Словарь донских говоров Волгоградской области: 463].

В сознании казаков неопытный и молодой человек ассоциируется с незрелыми, зелеными растениями: *куга зеленая* [Большой толковый словарь донского казачества: 247]; *зеленуха* [Словарь донских говоров Волгоградской области: 207].

Говоря, что человек *высохнул как былинка* [Словарь донских говоров Волгоградской области: 99], донские казаки имеют в виду, что человек этот сильно похудел. Это сравнение основывается на внешней схожести больного, худого человека с пожелтевшим, высохшим растением, былинкой. Человека полного, тучного казаки называют *карша* (большое бревно, коряга) [Словарь донских говоров Волгоградской области: 238].

2. Растительные образы используются не только для описания внешности человека, его физического и физиологического состояния, но и его психических качеств, характера, поведения. Так формируется еще одна метафорическая модель: *растение – отражение внутреннего состояния человека*.

Незаметного, скромного человека сравнивают с *кубышкой* – водным растением с белыми и желтыми цветами, кувшинкой (Как *кубышечка* (сидеть) значит «сидеть скромно, тихо, неприметно» [Словарь донских говоров Волгоградской области: 278]).

О надоедливом, назойливом человеке говорят: «*Привязался (пристал, прилипнул) как репей*» [Большой толковый словарь донского казачества: 27]. Сравнение здесь основывается на том, что при распространении семян репейник цепляется за одежду человека, шерсть животных, от его прицепившихся плодов сложно избавиться, так же, как и от общества надоедливого человека.

Про агрессивного человека, потерявшего способность здраво мыслить, говорят: «*Объелся белени*» [Словарь донских говоров Волгоградской области: 372] или «*выпускает колючки*» [Словарь донских говоров

Волгоградской области: 98]». *Белень, или белена* – это растение семейства пасленовых, само по себе ядовитое. Его употребление в пищу приводит к повышению нервной возбудимости, отравлению и даже гибели. В свою очередь, колючки являются защитными органами растений или животных. Проявляя агрессию, человек, таким образом, часто тоже пытается защитить себя, ограждается от чужого влияния.

Для характеристики умственных способностей человека в донском диалекте также используются фитоморфизмы, например:

голова как капуста у кого-л. (о несообразительном, глупом человеке) [Словарь донских говоров Волгоградской области: 113],

осина без вершины [Словарь донских говоров Волгоградской области: 386],

пень горелый (подколотый) (в первом значении «неразумный, очень глупый») [Словарь донских говоров Волгоградской области: 408],

хоть (горох) молоти на лбу (о крайне глупом, несообразительном, неразумном) [Словарь донских говоров Волгоградской области: 321].

Из перечисленных примеров можно сделать вывод, что язык, прежде всего, фиксирует то, что заметно человеку из-за своей неправильности, неразумности, что можно осудить, над чем можно посмеяться. Именно из-за этого среди метафорических характеристик психических качеств человека, которые используют образы растительного мира, больше тех, которые имеют негативную окраску.

3. Названия растений в донских казачьих говорах встречаются и в устойчивых сочетаниях, которые обозначают деятельность человека или называют самого человека, занимающегося чем-либо или проводящего праздное время. Отсюда формируется метафорическая модель *растение – деятельность человека*.

Автор отмечает, что в общем количестве устойчивых сочетаний выражения, которые обозначают занятость человека, единичны. Это, к примеру, фразеологизмы *управляется как повар с картошкой* [Словарь

донских говоров Волгоградской области: 613] или как (*репу*) *семечки грызть* (делать что-л. умело, легко, без особых усилий) [Словарь донских говоров Волгоградской области:124].

Фразеологические обороты, имеющие в своем составе фитонимы со значением «бездельничать», представлены в большей степени: *сбивать пеньки* [Большой толковый словарь донского казачества: 472], *сбивать шишки* [Большой толковый словарь донского казачества: 593], *шататься как бурьян на кургане* [Словарь донских говоров Волгоградской области: 669], *леж́ать как карш́а* [Словарь донских говоров Волгоградской области: 296] и др.

Итак, значимость, важность для человека растений или, наоборот, их бесполезность закрепляется в выражениях, с течением времени превращающихся в устойчивые, фразеологизирующиеся и приобретающие значение деятельности вообще.

4. С количественными понятиями связана еще одна небольшая тематическая группа. Это метафорическая модель *растение – количество*.

Так, на большое количество чего-либо указывают фразеосочетания *на дубу столько листьев нет* [Словарь донских говоров Волгоградской области: 153], *лес лесом* [Словарь донских говоров Волгоградской области: 297], *как ягод* [Словарь донских говоров Волгоградской области: 685]. Таким образом, большое количество предметов соотносится с большим количеством растений или их частей. О малом количестве или отсутствии чего-либо, напротив, говорят устойчивые выражения (остаться), такие, как *от пожара травы* [Большой толковый словарь донского казачества: 389], *как дерево на червяку* [Большой толковый словарь донского казачества: 130] [Сутормина 2012: 313].

Во вьетнамском языке существуют фразеологические единицы с названиями растений, которые нашли описание и отражение в следующих словарях: *từ điển thành ngữ tục ngữ Việt Nam* (словарь пословиц, поговорок Вьетнама) [Нгуен Лык], *từ điển câu tục ngữ, ca dao, thành ngữ của Việt Nam*

(словарь пословиц, поговорок, частушек Вьетнама) [Вьет Чыонг], *từ điển thành ngữ trong trường học* (словарь школьных фразеологизмов) [Нгуен Ныи И], *Từ điển trích dẫn từ sách cũ* (словарь цитат из старых книг) [Зиен Хыон].

Национально-культурная специфика вьетнамских фразеологизмов проявляется разными способами. Во вьетнамском фразеологическом составе распространены фразеологизмы, состоящие из 4 слов, построенные по принципу параллелизма образов. Например, *cơm no áo ấm* (сытный рис, теплая рубашка), *áo vải cơm rau* (простая рубашка, рис с овощами). Значение этих фразеологизмов не зависит от порядка следования образов. Например, можно сказать *áo vải cơm rau* (простая рубашка, рис с овощами) и *cơm rau áo vải*, что значит «жить простой жизнью», «простота в материальной жизни».

Национально-культурной особенностью вьетнамской фразеологии является широкое использование лексемы *рис*. Например, *nhường cơm sẻ áo* (уступать рис, поделиться одеждой) имеет значение «помочь друг другу, поделиться друг с другом в трудный час», *áo mẹ cơm cha* (рубашка мамы, рис папы) и *áo dày cơm nặng* (толстая рубашка, много риса) говорят о заслуге родителей. Насколько важен хлеб в России, настолько важен рис во Вьетнаме.

Многие вьетнамские фразеологизмы восходят к национальным праздникам, обычаям, обрядам, историческим событиям, произведениям искусства, религиозным представлениям, объясняются особенностями национальной кухни. Например,

Chết như ngã rạ (умерших – как рассыпанной соломы) «много умерших». Говорят, когда на войне, от голода или эпидемии погибло много людей. Фразеологизм восходит к особенностям крестьянского быта. Скошенную солому крестьяне раскладывали на улице для высухания. От ветра она может рассыпаться в разные стороны. В основе фразеологизма лежит метафорическое уподобление множества людей, погибших на поле битвы или умерших от эпидемии, рассыпанной на ветру соломе.

Rách như sợi mướp (рваная как волокно люфы) «плохая (об одежде)». Говорится о бедном человеке, у которого очень плохая, рваная одежда. Образ ФЕ мотивирован особенностями вьетнамской национальной кухни, в которой широко употребляется люфа – овощ, похожий на кабачок, имеющий волокнистую структуру. Во фразеологизме потертая, порванная одежда метафорически уподобляется по структуре этому овощу.

Вышеизложенный материал показывает, что для более полного и глубокого представления об исследуемом нами фрагменте языковой картины мира требуется более пристальное изучение самих фитонимов в лингвокультурном аспекте, поскольку они формируют языковую национальную картину мира, отражающуюся в семантике лексических единиц посредством системы значений и ассоциаций слов с особыми культурно-специфическими значениями.

Лингвистический подход к характеристике фразеологизмов предполагает исследование их структурно-семантических особенностей, что в нашем случае осложнено разным генезисом фразеологических систем с элементами фитонимов. Растительность России и растительность Вьетнама – в силу принадлежности двух стран к разным мировым ареалам – существенно отличается друг от друга, что сказывается и на семантике ФЕ с фитонимами. Вместе с тем, в лингвистике есть инструменты, которые позволяют, учитывая этно-культурную специфику фитонимов, провести анализ подобных ФЕ. Поскольку семантика фразеологизма, в одних случаях, напрямую обусловлена семантикой составляющих ее элементов (фразеологические единства и фразеологические сочетания, по В.В.Виноградову), а в иных демонстрирует известную от них автономию (фразеологические сращения), можно и в том и другом случаях говорить о двухуровневой семантике ФЕ – семантике составляющих ФЕ единиц и совокупной семантике ФЕ.

Терминологически в настоящей диссертации мы следуем хорошо разработанной в русской лингвистике теории пропозиции [Падучева 1985],

[Кацнельсон 1984], а также – адаптировав ее к нуждам нашего исследования – теории макропропозиции Т.ван Дейка и В.Кинча [ван Дейк, Кинч 1989]. Пропозиция как семантический инвариант, как содержательная основа ФЕ может быть представлена как, по меньшей мере, двухуровневая структура. При этом пропозицию, лежащую в основе составляющих ФЕ элементов, можно обозначить как пропозицию первого уровня или микропропозицию; пропозицию же, лежащую в основе всего фразеологизма, его совокупную семантику – как пропозицию второго уровня или макропропозицию.

Соотнесение этно-маркированных ФЕ, как показывают наши наблюдения, демонстрирует некую вариативность микропропозиций при изоморфизме макропропозиций в соответствующих русско-вьетнамских парах ФЕ. И, наоборот, при сходстве микропропозициональной основы русских и вьетнамских фразеологизмов они могут показывать значительные расхождения в своей совокупной семантике, то есть, на уровне макропропозиции.

Динамике данной вариативности посвящена вторая глава диссертации.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Растения всегда играли и поныне играют чрезвычайно важную роль в существовании человечества, что отразилось на многих культурных уровнях. Исследуя ФЕ, можно реконструировать своеобразную картину русского и вьетнамского мира, отраженную зеркалом фитонимической идиоматики.

Особый интерес представляет изучение фитонимов в лингвокультурном аспекте, поскольку именно таким образом наиболее ярко представляется национальная картина мира.

С недавних пор фитоним стал активным объектом в лингвистике, подвергающимся всестороннему изучению и тщательному анализу. Основы и принципы лингвистической классификации названий растений пока не отличаются единообразием. В зависимости от круга научных интересов в работах лингвистов при описании фитофлористической лексики за основу

берутся различные критерии: лексико-семантические признаки; важность растения с точки зрения носителей языка; способ употребления растения; географический фактор; возможность произрастания в естественных условиях; тематический и аксиологический критерии; применяемость в медицине, бытовое использование растения, вкус и запах растения, внешний вид растения, место и условия произрастания растения, время цветения растения, цветообозначение, фаунистическая лексика, народные поверья, суеверия, религиозные представления, антропоним.

В работах исследователей выделяются следующие тематические группы фитофлорных компонентов, встречающихся в русской идиоматике: растительные ареалы; общие (родовые) наименования; органы (части) растений; растения, неприятные и враждебные человеку; экзотические растения; полезные человеку растения; деревья и кустарники; дикорастущие растения (болотные, водяные, выюнковые и др.); цветы и цветущие растения.

Флористическая фразеология характеризуется особой экспрессивностью и яркой эмоционально-оценочной окраской: ФЕ, имеющие религиозные и нравоучительные оттенки значения; флористические фразеологизмы с негативной коннотацией и флористические фразеологические табу и эвфемизмы. Ей свойственно ярко отражать представления об изоморфизме растений человеку: флористические соматизмы, флоросимволы, связанные с характеристикой человека и особенности гендерной соотнесенности флористических компонентов ФЕ.

Наиболее интересное направление исследования ФЕ – межъязыковое. Но традиционные, принятые в рамках этого направления, методы, должны быть дополнены, что позволило бы выявить структурно-семантические характеристики фразеологических единиц в контрастивном аспекте.

ГЛАВА II. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ РАСТЕНИЙ В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

2.1. Фитонимы в составе русских и вьетнамских пословиц и поговорок

В организации национальной языковой картины мира важную роль играют пословицы и поговорки. Уже в середине XIX века В.И. Даль дал им определение: «Пословицей является короткая притча, приговор, суждение, поучение, которое высказано обиняком и пущено в оборот под чеканом народности». Поговоркой В. И. Даль называет «окольное выражение, переносную речь, обиняк, простое иносказание, способ выражения, в котором отсутствует притча, суждение, заключение. Это, как правило, первая половина пословицы» [Мокиенко 1989: 9].

Паремии повышают интерес к изучению иностранного языка, развивают языковую интуицию. Анализируя пословицы и поговорки разных стран, можно узнать, какие черты характера народа послужили причиной их создания. Можно увидеть то, что неповторимо или близко в другой культуре, расширить тем самым представления о сложном и многообразном устройстве бытия, о сходствах и различиях человеческой оценки внешнего и внутреннего мира.

В истории человечества все познания, события, чувства и эмоции отражаются в языке конкретного народа. Некоторые из открытий, познаний человечества были настолько решающими и важными, что прочно закрепились в языке, стали употребляться чаще и сохранились до сегодняшнего дня в языке в форме пословиц и поговорок.

Традиционно в рамках всех лингвокультур образы растений являются метафорой тех или иных человеческих свойств и качеств, средством оценки событий и фактов человеческой жизни. При этом в разных культурах одни и те же свойства и качества часто выражаются через образы растений

эндемичных. Для вьетнамской культуры такими растениями являются бамбук, лотос, для русской – береза или лен. А в ряде случаев, при наличии тесных культурных связей с иными ареалами, фитонимы могут приходить в ту или иную лингвокультуру из-за границы – как правило, ближней; так происходит с русскими ФЕ, многие из которых тесно связаны с культурами европейских и азиатских стран, в том числе и древними.

Основными источниками примеров послужили следующие словари: Фразеологический словарь русского языка А.И.Молоткова [Молотков 1967], Словарь «Пословицы русского народа» В.И.Даля [Даль 2003], Большой толковый словарь русского языка [Кузнецов 1998], Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник [Бирих, Мокиенко, Степанова 1997], Большой фразеологический словарь [Телия 2009], Вьетнамские фразеологизмы и пословицы [Vũ Ngọc Phan 2010], Словарь вьетнамских поговорок [Nguyễn Như Ý, Viện ngôn ngữ học 1994], Русско-вьетнамский словарь фразеологизмов [Vũ Tất Tiến 1983], Учебный тематический словарь русских и вьетнамских компаративных фразеологизмов [Е.А. Пляскова, Донг Тхи Тхань Там 2014].

В силу того, что фразеологизмы являются эффективным средством характеристики человека, а также связанных с человеком жизненных ситуаций, они наделены оценочными коннотациями. Аксиологический потенциал фитонима, входящего в состав фразеологизма, связан с его семантикой, в зависимости от характера которой коннотации (значения) могут быть либо положительными (мелиоративными, по Л.Ф.Пуцилевой), либо негативными (пейоративными), либо нейтральными. При этом в силу асимметрии языков и набора культурных реалий вьетнамские и русские фразеологизмы с фитонимами не всегда идентичны структурно и семантически. Вместе с тем, и в русском, и во вьетнамском языках есть практически полный и соотносимый набор базовых фразеологизмов, которые реферируют к стандартным ситуациям человеческого бытия, к тем или иным сценариям человеческой жизни.

В указанных выше источниках мы выделили несколько групп ФЕ с фитонимом в их составе. В первую группу ФЕ с фитонимом с мелиоративным значением вошли 9 русских единиц и 10 вьетнамских единиц.

Рассмотрим значение этих единиц.

Любить до самой березки – значит любить до самой смерти. Речь идет об очень сильном чувстве, о бесконечной преданности, о любви до гробовой доски, ведь, как известно, березы в России обычно сажают у могил. Транслируемое положительное качество – преданность.

Во вьетнамском репертуаре семантически сходных фразеологизмов березка не фигурирует, но в культурном багаже народа есть сходный концепт и, соответственно, семантически идентичный фразеологизм: «*уêu đến chết* / букв.: любить до смерти».

Коза сыта и капуста цела – в какой-либо сложной ситуации существует возможность примирения и удовлетворения интересов и стремлений разных людей или непримиримых группировок. Данная пословица основывается на известной задаче: один человек в три приема должен перевезти с одного берега на другой козу, волка и капусту, причем сделать это нужно так, чтобы волк не съел козу, а коза – капусту. Транслируемое положительное качество – дипломатичность, умение находить компромисс и договариваться.

Смотреть (глядеть) в корень – уметь вникнуть в суть чего-либо, обратить внимание на самое главное, существенное в каком-либо деле, обстоятельстве, явлении и т.п. Пословица происходит от лат. *respice finem* – учти результат («гляди в конец»). Транслируемое положительное качество – ум, прозорливость.

Не жизнь, а малина – привольная, счастливая и беззаботная жизнь. В русском фольклоре *калина* символизирует обманчивую красоту, горькую долю, а *малина* является символом сладкой привольной жизни. Сюда можно

отнести обильную еду, удобное жилище. Транслируемое положительное качество – свобода, вольная жизнь.

Пальма первенства – полнейшее превосходство, абсолютное преимущество в чем-либо, лидирующая позиция относительно других как следствие превосходства над всеми остальными в чем-либо. Пословица берет начало от обычая, существовавшего в древней Греции: победителя в состязаниях награждали пальмовой ветвью или венком. Транслируемое положительное качество – лидерство.

И один в поле воин – даже один человек имеется возможность добиться успеха, одержать победу. Оборот возник как результат переосмысления древнего выражения «один в поле не воин». Есть версия, что первоначально выражение звучало как «один в поле не ратай», превратившееся в «один в поле не ратник». Некоторое время слова «ратник» и «воин» были синонимами. В дальнейшем одно из них вытеснило другое. Транслируемое положительное качество – храбрость, отвага.

Отделять пшеницу от плевел – отделять вредное от полезного, плохое от хорошего. Выражение находит объяснение в Евангелии: человек засеял поле пшеницей, ночью пришел враг. Тогда человек посеял среди нее и сорняки. Когда пшеница взошла, появились плевелы, рабы предложили именно их и выдернуть. Но хозяин, поняв их замысел, чтобы вместе с сорняками они не выдернули и пшеницу, велел оставить все до жатвы, а во время жатвы сначала выдернуть плевелы и сжечь их, а потом убрать пшеницу. Транслируемое положительное качество – упорство, старание.

Держать в хлопочках – очень ласковое, бережное, любовное обращение с кем-либо. В XIX в. наряду с данным выражением употреблялся оборот: *держать в хлопках кого-то* – «растить кого-либо, усиленно оберегая его от трудностей, забот». *Хлопки* – множественное число от существительного *хлопок*, от него и было образовано слово *хлопочки*. Изначально выражение *держать в хлопочках* – «окутывать кого-либо мягкими, пушистыми клочками кудели, обволакивать кого-либо мягким

волокон, чтобы уберечь от столкновений, ушибов, ударов». Транслируемое положительное качество – забота.

Попадать / попасть в [самое] яблочко – правильно, точно угадывать, говорить что-либо и т.п. История появления этого выражения такова: в 1307 году австрийский наместник в Швейцарии Гесслер, желавший поколебать чувство национального достоинства швейцарского народа, отдал приказ воздавать почести своей шляпе, которая была укрепена в центре городской площади. Один из жителей города, Вильгельм Телль, не подчинился приказу. В наказание за такое непослушание Гесслер приказал Теллю сбить с головы своего сына яблоко выстрелом из лука. Телль попал в самую середину яблока, а следующую стрелу он выпустил в сердце Гесслера. Согласно легенде, именно этот случай послужил поводом к началу восстания швейцарских крестьян за освобождение своей страны от чужеземцев. Транслируемое положительное качество – точность.

Если в русском языке встречаются пословицы с положительным значением, характеризующие такие качества, как преданность, ум, храбрость, забота, то во вьетнамской фразеологии также существуют ФЕ, выражающие положительные черты характера человека. К группе ФЕ с положительным значением, которые отражают общее мировидение народов, относятся такие вьетнамские, как:

ăn quả nhớ kẻ trồng cây (ешь плоды – помни о садовнике) – говорится о том, что надо отвечать добром на добро: quả/плод и cây/дерево ассоциируются с действием и результатом [Нгуен Лык 2005];

gạo trắng nước trong (чтобы рис был белым, нужна чистая вода) – признаки благоприятных условий жизни [Нгуен Лан 2014];

chuiột sa chĩnh gạo (букв. мышка попадает в кувшин риса) – удачливый человек случайно оказывается в хорошем месте;

bé hạt tiêu (букв. маленький, как перчинка) – маленький, но очень умный;

cây cao bóng cả (букв. высокое дерево – большая тень) – заботливые люди, которые имеют право и могут защищать других людей;

ngọt như mía lùi (букв. сладкий, как сахарный тростник) – умеющий убедительно говорить;

tre non dễ uốn (букв. молодой бамбук легко пригибать) – обучение детей в раннем возрасте легче;

trồng cây có ngày ăn quả ~ корень учения горек, а плоды сладки;

hoa thơm cỏ ngọt (букв. ароматные цветы – сладкие травы) – хорошо и счастливо [Зиен Хьонг 2004];

tươi như hoa (букв. свежий, как цветы) – иметь веселый вид;

hiền như củ khoai (букв. добрый, как клубень батата) – очень добрый.

При общности совокупной семантики фразеологизмов с мелиоративными коннотациями в русском и вьетнамском репертуаре ФЕ наблюдаются обусловленные национальными традициями и укладом различия в семантике составляющих фразеологизм лексем. Так, ум, прозорливость, выражаемые в русских поговорках с помощью лексики «корень» (*смотреть в корень*) семантически, на уровне макропропозиции, тождественная вьетнамской ФЕ *bé hạt tiêu*, где вместо «корня» на уровне микропропозиции мы имеем «перчинку». Заботливость, желание оградить любимых и близких от горя и неприятностей, как макропропозиция русского ФЕ *держат в хлопках*, где на микропропозициональном уровне мы сталкиваемся с растением «хлопок», выражаются, но уже с иным микропропозициональным наполнением, вьетнамской ФЕ *cây cao bóng cả*.

При этом степень мотивированности совокупной семантики ФЕ семантикой составляющих ее лексических единиц может быть разной, а в репертуаре проанализированных нами фразеологизмов были обнаружены как идиомы, так и достаточно свободные словосочетания. Это открывает большое и интересное поле исследований, причем, материалом его могут стать не только ФЕ с фитонимами, но и иные в семантическом отношении фразеологические единицы.

Вторую группу ФЕ с фитонимом с пейоративным значением составляют 32 русские единицы и 10 вьетнамских единиц.

Рассмотрим значение этих единиц.

Питаться акридами [и диким медом] – жить впроголодь, недоедать, не иметь достаточного количества пищи. Выражение было известно еще в старославянском языке, а восходит оно к евангельской легенде об Иоанне Крестителе, который вел в пустыне жизнь отшельника и «ел акриды и дикий мед». Акриды из греческого языка – «съедобная саранча» или «листья кустарника». Транслируемое отрицательное качество – бедность.

Как аксинья (свинья) в апельсинах – о человеке несведущем, ничуть, нисколько, совершенно не понимающем, не разбирающемся, не смыслящем. Выражение образовано по продуктивной общеславянской модели «знать (понимать, разбираться) + как + животное (как правило, типичное для среднерусской полосы) в экзотических или пряных растениях (плодах). Транслируемое отрицательное качество – глупость, невежество.

Накормить березовой кашей – наказание за проступок. В старые времена на Руси из голых березовых веток делали розги и били ими детей за озорство и хулиганство. Это был родительский вид наказания, применялся преимущественно в крестьянских семьях, иногда и в школах. «Кашей» березовые розги назывались из-за того, что в пучке было много веток, и из-за того, что такое наказание всегда вызывало в теле жар.

В некоторых местах употребляли выражение «березовая лапша». Транслируемое отрицательное качество – жестокость.

Разделать под карельскую березу – о чьей-либо беспощадной, жестокой расправе над кем-либо; о тяжелых телесных повреждениях, наносимых кому-либо. Транслируемое отрицательное качество – жестокость, злость.

Горох на [чьей] спине молотить – наносить частые удары, которые напоминают молотью. У этого выражения есть аналог в латыни, из Теренция: «At enim istaec in me iu dentur fota cort» – «но ведь твой горох (боб)

будет вымолочен на мне», что в переносном значении можно объяснить так: «за твое предприятие мне придется поплатиться спиной». Транслируемое отрицательное качество – жестокость.

Стрень-брень с горошком – совсем ничего нет или в очень малом количестве (об имуществе). В словаре В.И. Даля *стрень-брень* трактуется как «хлам, всякая ветошь, ничтожные пожитки». Помещается в словаре оборот под словом *брень*, обозначающим «звучать, брентать, звенеть». Из такого толкования можно сделать вывод о подоснове фразеологизма.

Съесть гриб – обмануть самого себя в расчетах, не добиться чего-то, не получить ожидаемого. Впервые выражение было употреблено в документе «дело о комнатной бабке царицы Натальи Кирилловны М.Тимофеевой», пожелавшей украсть с царской кухни гриб, испечь и съесть его. Однако она потерпела неудачу, поскольку ее заподозрили в колдовстве, подвергли пыткам и посадили в тюрьму. Транслируемое отрицательное качество – недалёковидность, неудачливость.

Венчали / венчать вокруг ели [а вокруг черти пели] – так говорят о невенчанной чете. Выражение объясняется языческим обрядом венчания. Молодой паре для освящения брака следовало обойти вокруг ели или ракитового куста. Выражение восходит к языческому обряду венчания.

Таскать (доставать) каштаны из огня – выполнять за другого трудную работу, самому не пользуясь ее результатами. Является калькой с французского языка из басни Ж.Лафонтена «Обезьяна и Кот». В ней Кот достает из огня жареные каштаны, а обезьяна их съедает. Транслируемое отрицательное качество – хитрость, желание пользоваться другими.

Натянулся (налился, пьян) как клюковка – об очень пьяном, напившемся человеке. Выражение является перифрастическим развертыванием глагола *клюкнуть* – «выпить», *наклюкаться* – «напиться». Транслируемое отрицательное качество – пьянство.

Развесистая клюква – невежественная выдумка, которая выдается за реальность. Нелепость образа развесистой или величественной клюквы

приписывают А. Дюма-отцу, который описывает после своего путешествия жизнь в России. В начале XX века была поставлена пародийная пьеса, в которой героиня предается воспоминаниям, как она сидела с любимым под развесистыми ветвями столетней клюквы (пародия на описания иностранцами русского быта). Транслируемое отрицательное качество – склонность к обману, выдумкам.

Лавры спать (покоя) не дают; лавры Мильтиада (чужие лавры) не дают спать (покоя) – так говорят, когда речь идет чьей-либо зависти к успехам другого. Выражение является калькой слов древнегреческого полководца Фемистокла, который после сокрушительной победы Мильтиада над войском персов сказал: «Лавры Мильтиада не дают мне спать». Транслируемое отрицательное качество – зависть.

За деревьями не видеть леса – увлекаясь мелочами, не замечать главного. Выражение является калькой английского языка *can't see the wood for the trees*. Транслируемое отрицательное качество – недалёковидность, узость кругозора.

Кто в лес, кто по дрова – вразброд, нестройно. Так говорят о несогласованных, неслаженных действиях, например, о пении, игре на музыкальных инструментах. «Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова. И у кого что силы стало. В ушах у гостя затрещало, И закружилась голова» (И.А. Крылов). Транслируемое отрицательное качество – несогласованность, единоличность.

Медведь в лесу, а он шкуру продает – пока какое-либо дело не закончено, нельзя заранее подводить положительные итоги, так как убить медведя трудно, поэтому и похваться заранее – пустое дело. Транслируемое отрицательное качество – пустое хвастовство.

Горе, лыком подпоясанное – 1. Горькая доля всегда связана с бедностью, нищетой; 2. Об очень бедном, бедствующем или невезучем человеке. Выражение связано со способом изготовления бытовых крестьянских предметов из лыка и их ассоциациями с бедностью и простым

происхождением. Транслируемое отрицательное качество – бедность, нищета.

Класть (положить) малину в рукавицу – человек хитрит, изворачивается. Это выражение употреблялось в произведениях некоторых писателей прошлого века. Транслируемое отрицательное качество – хитрость, лукавство.

Крепок орешек, да зелен – кто-либо или что-либо имеет обманчиво привлекательный вид, но в действительности является плохим, некачественным и т.п. Поговорка возникла от восклицания Петра I во время осады крепости Орешек в истоке Невы: «Орешек крепок зело». Транслируемое отрицательное качество – обманчивое впечатление, пускание пыли в глаза.

Разделявать / разделать под орех – сильно отругать. Происходит из речи столяров, первоначально выражение означало «придание поверхности столярного изделия рисунка древесины орехового дерева, для чего требовалась соответствующая обработка». Транслируемое отрицательное качество – жестокость.

Как осиновый лист [дрожит (задрожал, трясется, затрясся)] – очень сильно дрожать, трястись, как правило, от волнения, страха и т.п. Такое сравнение связано с преданием, что именно на осине совершил повешение Иуда – предатель, с тех пор оскверненному Иудой дереву суждено вечно дрожать. Транслируемое отрицательное качество – трусость.

Закопать свои деньги на поле чудес – человек надеется разбогатеть, не прикладывая к этому никаких усилий. Поговорка возникла на основе сказки А.Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Транслируемое отрицательное качество – лень, желание быстрого обогащения.

На Марсовом поле потолки красить – быть безработным, сидеть без работы. Пословица сформировалась путем контаминации трех «обертонов смысла»: *Марсово поле, потолки красить* – специальность, не приносящая достойного заработка, *потолки Марсова поля* – небо. В городе потолки

никогда не красили, а белили, и на плац-параде Марсова поля нет потолков. Транслируемое отрицательное качество – безделье.

Хуже горькой редьки – очень сильно надоест. На Руси редька, как и репа, являлись одним из повседневных кушаний. Часто редьку ели во время долгих постов, и тогда редька особенно надоедала. Транслируемое отрицательное качество – надоедливость.

На спине не репу сеять – так говорят об ударах розгами по спине. Выражение образовано от семинарской поговорки: *не репу сеют, а секут только*. Она употребляется в произведении «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского. Транслируемое отрицательное качество – жестокость.

На обухе рожь молотить – обогащаться нечестным путём, делать всё, чтобы разбогатеть. Транслируемое отрицательное качество – скупость.

Заблудиться в трех соснах – не быть способным разобраться в каком-либо простом, несложном деле. Выражение восходит к старинному народному анекдоту о пошехонцах-слепородах, отправившихся путешествовать, но заблудившихся, едва дойдя до трех сосен. Транслируемое отрицательное качество – глупость, невежество.

Сказывать/(на) сказать воробья (журавля) на сосне – рассказать что-либо невероятное, совершенно неправдоподобное. Выражение зафиксировано в XVIII веке и образовано как оксюморон, соединяющий несоединимые в реальности факты: воробьи никогда не садятся на сосну. Транслируемое отрицательное качество – ложь, пустословие.

Допился до мату, что нет ни хлеба, ни табаку – о допившемся до крайней степени опьянения человеке. Мат в данной поговорке не обозначение ненормативной лексики, а плетеный половик, на котором часто лежат пьяные. Транслируемое отрицательное качество – пьянство.

Хоть трава не расти – полное равнодушие, безразличие к чему-либо. Вероятно, пословица имеет исконно русское происхождение, является производным от «по мне (после меня) хоть трава не расти», «кому хоть трава

не расти». Транслируемое отрицательное качество – равнодушие, безразличие.

Расцвести махровым цветом – о чем-либо отрицательном: проявиться в высшей степени, достичь наивысшего развития. Выражение произошло путем слияния двух значений прилагательного *махровый*: 1. О цветке: с большим количеством лепестков; 2. перен. Ярко выраженный со стороны какого-нибудь отрицательного качества. Транслируемое отрицательное качество – нахальство, наглость, безответственность.

Срывать цветы удовольствия – проводить время в бесконечных удовольствиях, радости и наслаждениях; пользоваться беспечно удовольствиями жизни, не размышляя о долге перед людьми. Выражение является словами Хлестакова, героя комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: «Ведь на то и жизнь, чтобы срывать цветы удовольствия». Транслируемое отрицательное качество – беспечность.

Продавать(ся) / продать(ся) за чечевичную похлебку – предать кого-л. за мизерное материальное вознаграждение. Истоки значения поговорки можно найти в Библии: голодный Исав, вернувшись с охоты, попросил чечевичной похлебки у своего младшего брата – близнеца Иакова. Иаков дал согласие, но за это Исав должен был уступить ему свое право первородства. Голодный Исав пообещал ему это и тем самым уступил Иакову старшинство и большую долю наследства. Транслируемое отрицательное качество – невысокая оценка себя и своих действий.

Во вьетнамской фразеологии также встречаются пословицы с отрицательным значением, характеризующие такие черты характера, умственные способности или материальное положение, как равнодушие, бедность, глупость, жестокость, недальновидность и др. Однако вьетнамских ФЕ с фитонимом в их составе с отрицательным значением гораздо меньше русских.

К этой группе «ФЕ с отрицательным значением» относятся такие вьетнамские ФЕ, как:

nghèo rớt mùng toi (букв. бедный, как шпинат) – очень бедный человек [Вьет Чьонг 2010];

ăn một bát cháo chạy ba quãng đồng (букв. съесть только одну пиалу каши, а обежать три поля) – человек тратит много сил на достижение скромного результата [Нгуенг Тхань Ха 2005];

ăn hông cả hạt (букв. есть хурму с косточками) – о жадном, алчном человеке [Хоанг Фе 2010];

bỡ ngỡ như chim chích lạc vào rừng (букв. как славка в лесу) – кто-то растерялся в непривичной обстановке, среди незнакомых людей (славка – это птица, обитающая только около дома. Лес не ее место жительства) [Хоанг Ван Хань 2002];

gừng cay muối mặn (букв. острый имбирь, соленая соль) – несчастный, неудачный;

rau nào sâu ấy (букв. какие овощи, такие и их гусеницы) – какова яблоня, таковы и яблоки;

coi người như rom (букв. относиться к другому как к соломе) – не уважать кого-л., быть равнодушным к заботам другого;

chán như cơm nếp nát (букв. надоест, как переварный клейкий рис) – очень сильно надоест;

khô như củi (букв. сухой как дрова) – черствый, холодный (о характере человека);

cay như ớt (букв. острый как перец) - человек сильно раздражен из-за чего-л.

Среди ФЕ с пейоративным значением мы также наблюдаем случаи сходства общей семантики русских и вьетнамских фразеологизмов при вариативности их составляющих. Одно и то же качество – бедность – реализуется в русском и вьетнамском фразеологизмах на основе фитонимов «горох» и «шпинат» соответственно, а для передачи значения «равнодушие» русские и вьетнамские ФЕ используют на микропозиционном уровне лексемы «трава» и «солома».

Третью группу ФЕ с фитонимом в их составе с нейтральным значением составляют 18 русских единиц и только 6 вьетнамских единиц.

Времена царя гороха – очень давние, незапамятные времена.

Как [будто (словно, точно)] грибы после дождя [растут] – появляются быстро и в большом количестве. Выражение является интернациональным оборотом, известным во многих европейских языках.

Вкушать / вкусить от дерева познания добра и зла – получать знания, постигать смысл разнообразных явлений, узнавать что-то важное и запретное, учиться чему-либо, прежде неизвестному. Происходит от библейского мифа о произраставшем в раю дереве познания добра и зла, вкушать плоды которого Адаму и Еве запретил Бог.

Всякого жита по лопате – всего понемногу, самое разное. *Жито* в этом выражении является названием ржи, ячменя или всякого хлеба в зерне или на корню.

Корень учения горек, а плоды сладки – это поговорка о трудности процесса обучения и полезности его результата.

Лес слышит, а поле видит – древняя пословица об опасностях, подстерегающих человека в лесу и безлесном пространстве. Она известна в разных вариантах во многих индоевропейских и неиндоевропейских языках.

Лук от семи недуг – лук исцеляет все болезни. Согласно древним верованиям, любая болезнь – это следствие происков злого духа. Славяне полагали, что злые духи не выносят запаха лука и чеснока и улетают, едва его почувствовав, потому у всех славян лук, и особенно чеснок, считаются панацеей от всех болезней и от нечистой силы.

Ставить (поставить) всякое лыко в строку – любая ошибка ставится в вину. Как известно, на Руси плели лапти из лыка. Однако при их плетении не всякое лыко шло в строчку, т.е. в полоску на лапте.

До морковного (морковных) заговенья (заговен); до морковных заговен – неопределенно долго, до времени, которое может никогда не наступить, до бесконечности. У христиан заговенья является последним днем перед

постом, когда верующим разрешалось есть скоромную пищу, т.е. молочную и мясную. Когда затем наступал пост, такая пища была под запретом. Комбинация слова «заговенье» и «постной» морковки воспринималось как шутливая форма невозможного.

Оливковая (масличная) ветвь – является эмблемой мира и успокоения. Значение выражение восходит к Библии, к мифу о всемирном потопе: голубь, выпущенный Ноем из ковчега, принес в клюве ветвь, которая свидетельствовала о том, что вода убывает и после потопа настанет новая жизнь.

И перекасти-поле на виноватого доносчик – все тайное станет явным. Выражение связано с преданием, что некий человек, не сумев обличить убийцу, призвал в свидетели перекасти-поле. По другой версии, перекасти-поле принесло кровавые следы, указавшие убийцу.

Отправиться в Елисейские поля – умереть, перестать жить, существовать. Елисейские поля или Элизиум являлись в греко-римской мифологии частью загробного мира, где находятся праведники.

Сила соломѹ ломит – сила, которая заставляет смириться, покориться, отступить. В этой поговорке «ломить» употребляется в значении «валить, опрокидывать, крушить». Возможно, первоначально поговорка звучала, как *сила с лому ломит, где с лому* аналогично *с маху, с лету, с ходу*.

Хватиться (схватиться) за соломинку – соломинка в этой ФЕ выступает как средство спасения, выхода из затруднительного положения, хвататься за нее – значит прибегать к последнему, крайнему средству, которое не может помочь. Фразеологизм представляет собой усечение древней пословицы «*утопающий хватается и за соломинку*», которая известна во многих славянских и неславянских языках.

Тише воды, ниже травы – незаметный, робкий, скромный. Изначальная форма этой пословицы – *ниже воды, тише травы*. Подобная символика освящается древней фольклорной традицией, которая прочно связала воду с эпитетом *тихий*, а траву – с эпитетом *низкий*.

Травой забвения порастать (порасту) – стать забытым. Выражение является фрагментом арии Руслана из оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила» по одноименной поэме А.С.Пушкина.

Яблок на сосне не бывает – когда речь идет о чем-либо неосуществимом, невозможном. В основе пословицы лежит «оксюморонный» сюжет, имеющий широкие славянские языковые проекции.

Яблоку негде упасть – в огромном количестве, очень много. Обычно так говорят о большом скоплении людей. Предположительно, фразеологизм восходит к обычаям восточных правителей, которые бросали в толпу своих многочисленных жен яблоко. Той, что ловила его, даровалось право на свидание с господином.

Соответствующая подгруппа вьетнамских фразеологизмов, наделенных нейтральной коннотацией, демонстрирует важнейшее различие русских и вьетнамских ФЕ: при структурной (деривационной) тождественности русским фразеологизмам фразеологизмы вьетнамские отличаются национально-культурной спецификой: фитонимом, к которому чаще всего реферирует фразеологизм, является базовое для культур Востока растение – рис (не случайно вьетнамскую культуру называют «рисовой» культурой). Это не отменяет семантической общности русской и вьетнамской фразеологий – в обоих случаях отмеченная группа фразеологизмов демонстрирует (на макропропозиционном уровне, относящемся к целостному высказыванию) нейтральную коннотацию. Но средства конструирования этой коннотации (на уровне микропропозиционном) различаются, и в основе этих различий – различия этнокультурные. В описываемую подгруппу входят ФЕ с национально специфичными образами.

Так, например, это:

im như thóc (букв. молчать, как зернышко риса), в чем проявляется особенность вьетнамской культуры, которую называют «рисовой»;

lieu cơm gạo tằm (во время еды надо уделять внимание рису);

co gạo moi nao ra an (есть рис, значит, есть пища);

doi com con hon no rau (голодный рисом лучше, чем сытый овощами);
nói phải củ cải cũng nghe (букв. редька тоже согласна) - если говорить правду, то все слушают [Нгуен Ньы И 2014];

gừng càng già càng cay (букв. чем старше корень имбиря, тем он острее). Редька и имбирь широко использовались и используются во вьетнамской кухне и считаются повседневными продуктами.

Итак, фитонимы, входящие в состав пословиц и поговорок, можно разделить на три группы в зависимости от выражаемого данной пословицей или поговоркой коннотативного значения. Внутри групп с положительным и отрицательным значением нам удалось выделить наиболее часто транслируемые качества характера человека.

В группе с фитонимом в составе пословиц и поговорок с мелиоративным значением этими качествами являются ум, храбрость, отвага, упорство, заботливость. Это черты, которые наиболее всего ценятся представителями русской лингвокультуры. Как на Руси, так и в настоящее время в России эти качества высоко ценятся и всячески воспеваются. Но и во вьетнамской культуре, где не в меньшей степени ценятся храбрость и самоотверженность, эти свойства фразеологизмов представлены, причем – в пропорциональном количестве, как свидетельствуют соответствующие словари и корпуса.

В группе с фитонимом в составе пословиц и поговорок с отрицательным значением наиболее часто транслируемыми качествами стали лень, глупость, пьянство, жестокость (примечательно, что много ФЕ посвящено именно телесным наказаниям, которые, как известно, издревле считались и вполне приемлемым средством воспитания детей, и способом решения межличностных конфликтов). Статистически в отобранном нами материале данные качества преобладают в русской лингвокультуре, что, впрочем, можно объяснить не столько особой значимостью этих качеств для русского народа, сколько недостаточностью сведений о вьетнамской фразеологии, которая в настоящее время только начинает осмысливаться.

В группе с фитонимом в составе пословиц и поговорок с нейтральным значением чаще всего описывают события, явления, постулаты обыденной жизни человека. Во вьетнамской фразеологии существует совсем немного ФЕ с нейтральным значением.

При анализе словарей было выявлено, что в русском языке насчитывается 9 ФЕ с положительным значением, 32 ФЕ с отрицательным значением и 18 ФЕ с нейтральным значением, а во вьетнамском 10 ФЕ с положительным значением, 10 ФЕ с отрицательным значением и только 6 ФЕ с нейтральным значением.

При этом в процессе исследования структурно-семантических характеристик русских и вьетнамских фразеологизмов нами было выявлено, с одной стороны, деривационное сходство ФЕ русского и вьетнамского корпусов, а с другой, различия на уровне микропропозиции, то есть в отношении того фитонима, к которому реферирует фразеологизм.

При этом в исследуемом материале наблюдается определенная динамика: чем шире семантика фитонима, тем в большей мере универсальный характер она имеет, относясь и к русской, и к вьетнамской лингвокультурам. Фитонимы с локальной семантикой, соответственно, реализуются во фразеологизмах частно-этнокультурного порядка – либо в русских, либо во вьетнамских.

Более детальный анализ данной закономерности проводится в следующем разделе диссертации.

2.2. Образ растений и его репрезентация в русских и вьетнамских фразеологизмах: общее в различном

В каждом языке и любой культуре растения находятся в тесной связи с жизнью человека. Им принадлежит исключительно важная роль в организации его самосознания.

В жизни вьетнамского и русского народов важное место занимает *лес* как фитоним с самой широкой семантикой. Значение леса находит свое

отражение как в языковой картине мира россиян, так и во вьетнамской картине мира. Отношения людей с лесом отразились и закрепились в языке в целом и народном творчестве в особенности.

В русской и вьетнамской фразеологии существует немало ФЕ, в состав которых входят компоненты лес / rừng. Напр., как в *темном лесу* и *như vào rừng rậm*; *смотреть в лес* и *thả hổ về rừng* (словно *тигр в лес*) и др.

Лес – природный символ, и в русской языковой картине мира означает существо, живой организм. В исследуемых русских фразеологизмах наиболее частотна лексема *лес*. В словаре Ожегова «лес – множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами: *дремучий л., красный л. (хвойный; спец.), черный л. (лиственный; спец.)*». Кроме основного значения существует производное, метонимическое, под которым понимаются срубленные деревья как строительный и промышленный материал.

В русской и вьетнамской языковой картине мира лес представлен как темнота, как место, где ничего не видно: *темный лес*, как в *темном лесу* (ничего не понимая, ни в чем не разбираясь), *семь верст до небес и все лесом* (говорить глупостей), *дремучий лес*. Например:

Если и сюда придет страшный разбойник, он тут не может подкрасться так незаметно, как в темном лесу [В. В. Бианки. Лесные были и небылицы (1923-1958)];

Наташа спросила: «Что ты, матушка, барину сказала?» – Я ему насажала семь верст до небес и все лесом. Сказала, что ты от него была тяжелая и что ты скинула. Поверил. – А как ты снесла ребенка? [Д. Жунтова – Черняева. Барщина (1950-1960) // «Родина», 1995].

Ключевое слово *лес* также имеет значение “главный, обширный”: *за деревьями не видеть леса* (о мелочах, заслоняющих собою главное); *кто в лес, кто по дрова* (беспорядок); *лес рубят – щепки летят* (если делать что-л. большое, то ошибки возможны).

Лес и в русской, и во вьетнамской фразеологии выступает как обитаемое место, место пребывания: *смотреть в лес* и *thả hổ về rừng* (словно тигр в лесу); *как волка ни корми, он все в лес смотрит*; *медведь в лесу, а он шкуру продает и др.* Например:

Относительно Суетина и Чашика тоже хочу обратить Ваше внимание, их нужно в смысле заработка повысить, чтобы люди все же могли спокойнее работать и не смотреть в лес [Н. Н. Пунин. Письма А. Е. Аренс – Пуниной (1923)];

Вот уж – как волка ни корми, а он в лес смотрит [В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)].

Среди фразеологизмов с лексемой *лес* отмечены фразеологизмы – полные соответствия, т.е. полностью совпадающие по структуре и значению в русском и вьетнамском языках: *как в темном лесу* и *như vào rừng tối* (совершенно непонятна); *chở củi về rừng* и *возить дрова в лес* (делать что-либо ненужное, бессмысленное); *rượu chảy vào lòng, như hổ chạy vào rừng* и *вино входит в сердце, словно тигр в лес* (бывает и такое); *sợ sói thì đừng vào rừng* и *волков бояться, в лес не ходить* (если бояться трудностей или опасных последствий, то не стоит и начинать какое-либо дело).

В отличие от русского языка, лес во вьетнамском языке не только является символом темноты, но и обозначает опасное место: *rừng thiêng nước độc* (священный лес, ядовитая вода); *rừng nào cọp ấy* (какой лес, такой и тигр), *tai vách mạch rừng* (тропинки в лесу); *rút dây động rừng* ~ дернешь лиану – взбудоражишь весь лес.

Лес обозначает ценные природные ресурсы: *rừng vàng, biển bạc* (золотой лес, серебряное море).

Образ леса активно используется в речи. Предметный образ леса представлен как совокупность растений. Но сами эти растения (деревья, кустарник, трава и цветы) уже не обладают общностью ни в русской и вьетнамской природе, ни в русской и вьетнамской лингвокультурах, хотя,

несмотря на эти различия, конкретные и разные фитонимы способны передавать сходные качества человека и мира.

Если лес как топос и фитоним носит универсальные семантические характеристики, свойственные как русской, так и вьетнамской лингвокультурам, то на более локальном уровне мы наблюдаем дифференциацию, связанную с этно-специфическими характеристиками фитонимов, обусловленными эндемичными (по отношению к противопоставляемой культуре) свойствами. Вместе с тем, при уникальности растений, номинируемых фитонимами, между ними наблюдается определенное сходство – морфологическое, функциональное, культурное и т.д., что позволяет выявить и семантическое сходство фразеологизмов, которые включают их.

Так, при всех различиях, сходными семантическими характеристиками обладают ФЕ, в которые включены такие фитонимы, как береза и бамбук, дуб и да, ель и персиковое дерево, роза и лотос и т.д. В иных случаях, при наличии общих фитонимов, русская и вьетнамская лингвокультуры обнаруживают не только сходство, но и структурно-семантические различия в этно-специфичных ФЕ.

2.2.1. Образы березы и бамбука в русской и вьетнамской культурах

В русской культуре береза является самым типичным, национальным деревом, которое символизирует Родину, Россию. Береза занимает важное место в языковом сознании русских людей. Береза словно осеняет всю жизнь русского человека. Она освещала жилище (лучина); согревала (березовые дрова); мыла (веничек, с которым ходили в баню); лечила (березовый сок исстари ценился и как лакомство, и как целительный напиток). Березу сажают также у могил, отсюда образная основа выражения *любить до самой березки* – разг. «любить до самой смерти». В старину русские говорили: «дать, задать березовой каши», т.е. наказать розгами; выпороть; высечь, что

может быть непонятно современному русскому человеку, хотя нередко встречается это выражение в произведениях русской литературы. Для носителя вьетнамского языка эти значения не актуальны, поскольку во Вьетнаме березы не растут. Такого рода фразеологизмы нужно особо комментировать при обучении. Вьетнамские студенты должны знать и понимать, что в русской культуре береза является самым типичным и национальным деревом, которое символизирует Родину, Россию, что в восточнославянской мифологии береза – священное дерево. Она почиталась как женский символ во время весеннего праздника Семика, когда в селение вносили распустившееся дерево и девушки надевали на голову венки из зелени. Русские воспринимают березу как исконный образ русского фольклора, нередко сравнивают с девушкой, с ее чистотой, красотой и стройностью. Например: *«березы – это женщины земли», «как женщина похожа на березу, которая стремится кроной к солнцу, весной заплетает зелень в косу...»*

По толковому словарю русского языка береза – лиственное дерево с белой (реже темной) корой и с сердцевидными листьями. Такие слова, как *березняк, березка, березонька, подберезовик, березовый, берестяной* и т. п. являются родственными. Береза наиболее распространена в русских фразеологизмах.

В современных фразеологических словарях зафиксированы фразеологизмы, включающие лексему *береза*: *разделить под карельскую березу* (о чьей-л. жестокой, беспощадной расправе с кем-л., тяжелых телесных повреждениях кому-л.), *любить до самой березки* (любить до смерти), *березовая каша* (телесные наказания, применение которых запрещено законом), *пень березовый* (о глупом, несообразительном человеке) [Сергеева 2012].

Особенно часто лексема *береза* встречается в художественных, поэтических произведениях. Образ березы занимает особое место в русской

поэзии. Русскому человеку со школьных лет известны строки выученных наизусть стихотворений С.А. Есенина:

*Белая береза под моим окном
принакрылась снегом, точно серебром...*

Эти образы образуют единство представлений о реальном пространстве жизни народа и в то же время создают его общие духовные ориентиры, рождают общие ассоциации, поддерживая единство языковой картины мира.

Во Вьетнаме названные нами деревья не растут в таком количестве, и потому во вьетнамском языке отсутствуют фразеологические единицы с эквивалентными «*bạch dương* (береза)». Вместе с тем в основе русских и вьетнамских единиц имеются сходные образы. Во вьетнамском языке такое же место занимает бамбук (*tre*), который символизирует Родину. Бамбук тесно связан с жизнью вьетнамцев. Он является символом мужества, стойкости, долголетия и символом вьетнамской деревни. Со своими прямыми, ровными ветками и не опадающими зимой листьями он означает волю и честность, символизирует совершенного и благородного человека. У вьетнамцев это слово вызывает еще и дополнительные эмоции, не свойственные русским. Прежде всего, отметим, что бамбук символизирует родину, ее стойкость, негибкость, память о родных местах. Он воспевается поэтами:

*«Thân gậy giộc, lá mong manh
Mà sao nên lũy nên thành tre ơi?
Ở đâu tre cũng xanh tươi
Cho dù đất sỏi đất vôi bạc màu»*

Во вьетнамской художественной картине мира частотность лексемы *бамбук* наиболее высока. Во вьетнамском языке существует много словосочетаний, фразеологизмов, включающих лексему *бамбук*: «*tre già măng mọc*» (молодое поколение), *tre già khó uốn* (старый бамбук как старый человек), *một cành tre, năm bảy cành tre / đẹp duyên thì lầy chớ nghe họ hàng* (гадать любовь бамбука), *cầu tre* (бамбуковый мост), *tho but tre* (забавные

стихи), и др.

Как береза в русской поэзии, так и бамбук для вьетнамцев связан с образом женщины: *chân đĩ guốc mốc, đầu đội nón tre* (женщина с бамбуковой шапкой), *tóc rẽ tre* (здоровые волосы, как бамбук).

2.2.2. Образы дуба и дерева да в русской и вьетнамской культурах

В исследуемых русских ФЕ часто упоминается слово *дуб*, почитаемое дерево у славянских народов. Дуб часто упоминается в русских сказках, песнях и стихотворении. Он олицетворяет мужское начало и сравнивается с богатырем. Дуб – это символ многолетней опытности, мудрого свидетеля событий русской истории [То Тхи Нган Ань 2006].

Дуб – священное дерево у древних славян. Около старых, могучих дубов совершались религиозные языческие церемонии, нашедшие, в частности, отражение в сказочной поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

В русской культуре образ дуба окрашен не только в темные негативные тона, но и светлые, жизнеутверждающие. Он растет на курганах над могилами, как неукротенная воля земли, будто жизнь продолжается после смерти [Чинь Тхи Ким Нгок 2000].

Дуб – это самое сакральное дерево, которое символизирует доблесть, прочность, твердость и долголетие [Кошарная 2003].

В словарях дается прямое значение: «крупное лиственное дерево сем. буковых с крепкой древесиной и плодами-желудями: *вековые дубы, на дубе или на дубу*».

В представлении славянских народов дуб связан с преданием о мировом дереве, которое обнимает землю корнями и держит небо ветвями. В русской языковой картине мира дуб представлен как символ долголетия, крепости, стойкости: *Он был похож на старый дуб, обожженный молнией, но все еще мощный, крепкий и гордый силой своей.* [М. Горький. Макар Чудра 1892]; *Он был, конечно, стар, но годы не источили его, а скорее задубили. Он был тяжел и тверд, как мореный дуб* [Д. Гранин. Зубр 1987]; *Братцы*

геологи! Неукротимые энтузиасты! Люди тридцатых годов! Мощные дубы Горного института, ныне разведчики и инженеры! Три года назад мы простились с институтом, простились друг с другом. Умудренные опытом учебы и одержимые страстью познания земных недр, мы пустились в великое кочевье [А. Н. Арбузов. Таня 1938-1947].

Дуб считается символом жизнестойкости, мужественности. Сравнение «крепкий, как дуб» выражает представление о здоровом, сильном мужчине: *Старик черный и крепкий, как дуб, пролежавший сто лет в болоте, отворяет. – Откулешний? Зачем? – Ищу правильную веру [А. Варламов 2002]; Священным деревом Перуна, символом жизненной силы, считался дуб [С. В. Мельникова].*

Лексема *дуб* в переносном смысле в составе фразеологизма может иметь и отрицательную коннотацию: *дубовая голова, дубовая рожа, дубинник, дубак, дубовый по самые гланды* (о тупом, бестолковом человеке). Это объясняется, вероятно, таким значением слова: «дуб – дерево семенных буковых с крепкой древесиной», которое лежит в основе метафорического наименования глупого, твердолобого, дубиноголового человека. Это переносное значение появляется в результате ассоциации «по качеству материала». Например, говорят «*тупой, как дуб*», когда трудно изменить мнение человека, который упрямо стоит на своей точке зрения, не воспринимает новых знаний, не проявляет понимания. Коннотация «*тупой, упрямый человек*» связана с культурным представлением носителей русского языка о дубе, как о плохо поддающемся обработке материалу. Во фразеологических словарях указаны выражения, связанные со значением «глупый человек» такие, как *дубина стоеросовая, рухнуть с дуба*. Например: *Денис Иванович поднялся. – Езжай, а я повешусь, – тихо, почти неслышно произнесла Евдокия Андреевна. Денис Иванович сел. – Уходи, дубина непонятливая! – закричала Евдокия Андреевна. – Ничего в жизни не понимаешь!* [А. Слаповский. Гибель гитариста 1994-1995]. В данной ситуации дубина означает «глупый, непонятливый человек».

Участковый фыркнул: – Ты что, с дуба рухнул? У нее весь депутатский корпус под пятой, а среди них куча людей, имеющих проверенных строителей [А. Маринина 2014]. В данном случае *с дуба рухнул* является синонимом к выражению *сойти с ума*.

Во фразеологическом словаре русского языка встречается фразеологизм *дать дуба* в значении «умереть». Считают, что возникновение этого выражения связано с русским обрядом захоронения под дубом [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005].

Таким образом, образ дуба имеет огромное значение в русской языковой картине мира. Лексема *дуб* имеет положительную и отрицательную коннотацию. Во вьетнамском языке заимствованное слово, обозначающее дуб, очень редко встречается в составе ФЕ, потому что это дерево не растет на территории Вьетнама. Однако можно найти в национальной вьетнамской картине мира аналогию образу дуба – это образ *да (cây đạ)* – дерева, считающегося самым долголетним.

Дерево *да* может быть символом мирной, спокойной жизни. «Под деревом *да* пожилые люди отдыхают, рассказывают внукам сказки и легенды. Под куполом *да* влюбленные юноши делают своей любимой девушке предложение. Теперь под деревом *да* отдыхают крестьяне в жаркую погоду» [Thu Huong – bao vannghetiengiang 2012].

Да является символом долголетия и жизнеспособности. Вьетнамцы сравнивают *да* с выдающимися людьми и относятся к ним с большим уважением и признательностью: *cây đạ, cây đề* (старые, мудрые и опытные люди).

Поэтому *да* символизирует вьетнамскую деревенскую культуру: *cây đạ, bẻn nước đờnh làng* (*да*, деревянная пагода); *đầu làng cây dưới, cuối ngõ cây đạ* (банановое дерево в начале деревни, *да* в конце деревни).

Во Вьетнаме также является духовным символом народа: *thần cây đạ, тa cây gạo, cú cáo cây đề* (бог у дерева *да*, привидение у дерева *гао*). Во вьетнамской культуре *да* считается священным и таинственным деревом: *vị*

thần, ai vị cây đa (уважать бога и да); *Ở nước ta ở những đền chùa miếu tạo thờ Thần, Phật thường hay có trồng những cây đa* (да часто растет у пагод, сохраняя в себе священный дух, к которому люди обращаются за помощью в самые трудные минуты жизни).

2.2.3. Образы ели и персикового дерева в русской и вьетнамской культурах

Ель в русской национальной картине мира является символом Нового года России. Погребальная символика ели восходит к древним обрядам и обычаям, принятым на Руси: еловой хвоей посыпали постель умершего; в некоторых районах России невесты в последний вечер украшали маленькую елочку, которую ставили на стол на прощальном девичнике; елочка символизировала прощание с девичеством: *венчали вокруг ели* (о невенчанной женщине).

Выражение *голова еловая* имеет негативную оценку, говорящее о глупом, бестолковом человеке. Например: *Да что ты, голова еловая, рюмки нам ставишь – тащи стаканами!* [В. Курицын. Томские трущобы (1906)]; *Эка невидаль, – сказал Гаврюшка, презрительно кивнув на машину, – ты бы, голова еловая, в городе Ростове поглядел* [А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889)].

В русском языке часто встречаются шуточные выражения *елки зеленые, елки-палки*, обозначающие удивление или досаду. Например: *Ну надо же – сбежал! – изумился Егор. – Всегда бы так, елки зеленые! А то ведь, когда хочешь подорвать, попадаешься, как ребенок* [В. Шукшин. Калина красная (1973)]; *елки-палки, я про него совсем забыла* [Е. Завершнева. Высотка (2012)].

Во вьетнамском языке лексема *thông* «ель» употребляется не так часто, как в русском. Однако во вьетнамской языковой картине мира можно найти аналогию образу ели – это персиковое дерево (*cây đào*). Они имеют

аналогичные функции в языке и культуре русского и вьетнамского народов. Образы ели в русском языке и персикового дерева во вьетнамском создают типичные национальные образы обоих народов. Новогодним деревом на севере Вьетнама является персиковое дерево, которое присутствует в каждом доме не только для украшения Нового года Тэта, но и является символом весны, процветания, долголетия. Кроме того, во вьетнамском языке цветок персикового дерева символизирует силу и мужество.

Во вьетнамском языке персиковое дерево является символом любви в древней деревне: *Đôi ta là nợ là tình,*

Là duyên là kiếp đôi mình kết giao.

Em như hoa mận hoa đào,

Cái gì là ngãi thương giao hỡi nàng?

Cây lê, cây lựu, cây đào

Ba cây anh cũng muốn rào cả ba (цветок персикового дерева выступает как доказательство любви).

Персиковое дерево во вьетнамских пословицах символизирует юную девушку: *Đào thắm thì đào lại phai; bồ nâu dãi nắng thì mai chẳng đi* (девушка как цветок персикового дерева весной); *Cành đào lá liễu phát phơ. Lầu ai thì lầu đợi chờ làm chi?* (девушка с нежной красотой перед персиковым деревом).

2.2.4. Образы осины, липы, тополя, сосны, малины и яблока в русской и вьетнамской культурах

Если такие русские фитонимы, как береза, дуб и ель имеют аналоги в системе фитонимов вьетнамского языка (бамбук, да, персиковое дерево), то ряд русских растений не имеет столь близких аналогов во вьетнамской языковой картине мира.

Вместе с тем, описать семантику данных фитонимов необходимо – хотя бы потому, что в процессе преподавания русского языка вьетнамским учащимся ФЕ с этими фитонимами должны быть объяснены и поняты.

Так, осина – весьма распространенное в России дерево, и данный фитоним, представленный в русской языковой картине мира, воспринимается как слово с отрицательной символикой. С ним связано представление о трусости, которая негативно оценивается в культуре, соответственно характеризует неподобающее поведение. Сравнения *трясется, как осиновый лист* или *дрожит, как осина* дают негативную оценку состояния человека. Выражения имеют значение «испытывать страх, бояться» [Даль 2002: 1190]. Напр.: *Лимпиада тряслась, как осина, и рыдания кропили болью скребущую тишину. Аксютка встал и провел по губам рукой... – Поди... – глухо прошептал, поманув Карева* [С. А. Есенин. Яр (1915)]; *Оледенел я весь, как осина дрожу: вот он какой конец, на краю света, как муха...* [Б. В. Савинков (В. Ропшин). Конь бледный (1909)].

Осиной является символ строптивного, несговорчивого человека: «*хоть осиновым колом ковыряй*». Поговорка связана с магической силой осинового кола, которым пробивают бродящих после смерти колдунов.

В русском языковом сознании осина ассоциируется с пожеланием гибели. Согласно древним представлениям осина считалась проклятым деревом, на котором повесился Иуда: *быть на осине; осиновый кол ему в могилу*. Это устарелое пожелание славян связано с поверьем: осиновый кол вбивали в могилу колдунов и вурдалаков, чтобы они не поднялись.

В русском языке существуют погодные приметы, связанные с осинкой. Если листья осины лежат на земле кверху «лицом», то зима будет холодная, а кверху «изнанкой» – теплая.

Липа является замечательным деревом в России. В большом фразеологическом словаре русского языка указаны фразеологизмы: «*обдирать/ободрать как липку*». Это означает ограбить совсем. Например: *Вместо того чтобы поощрять вас... ну, как бы это сказать получше?... благородные чувства, что ли? я вас стану обдирать как липку? Это не в моих привычках*. [И. С. Тургенев. Вешние воды (1872)]; *Меня жена обманула*

и тебя обманет. Они обдерут тебя как липку. Проще жить с проститутками [В. Месяц. Лечение электричеством // «Урал», 2002].

В русской языковой картине мира липа представлена не только красивой, но и обладающей полезным, лечебным свойством. Например:

*«Моя липа красавица, ее ветки так зелены,
Стройный ствол и могуч и высок,
А из свежей коры, из чуть видной расщелины
Вытекает живительный сок»* [Т. Л. Щепкина-Куперник].

Тополь в русской языковой картине мире имеет положительную коннотацию. Образное сравнение *стройный*, как *тополь* характеризует стройного, красивого мужчину. Напр.: *Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду. Печорин встал, поклонился ей, приложив руку ко лбу и сердцу, и просил меня отвечать ей, я хорошо знаю по-ихнему и перевел его ответ* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]; *Говорят, нынешний владелец России В.В. Путин строен, как тополь, и занимается физкультурой* [С. Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение С. Есина (2008)].

Осина, липа, тополь во Вьетнаме практически не растут, и поэтому, хотя во вьетнамском языке и существуют ФЕ, имеющие в целом данное значение, на уровне микропозиций русские и вьетнамские ФЕ данной семантики различаются. Например: *run như cây sậy* (дрожит, как тростник), *cứng đầu cứng cổ* (твердая голова, твердое дерево); *lực lượng như bức tường thành* (строен, как стена).

Сосна – одно из самых распространенных деревьев в России. Фразеологизм *заблудиться в трех соснах* означает «не суметь найти выход в несложном положении». Выражение связано со старинным народным анекдотом о пошехонцах, которые путешествовали, но заблудились в трех соснах. Например, *и он приготовился запутать ясный вопрос в трех соснах* [А. Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990]; *Взявшись за обновление избирательного законодательства, правотворцы*

запутались в трех соснах: свободе слова, праве на информацию и свободе выборов. [Александр Иванченко. СМИ и выборы // «Время МН», 2003].

Сосна в русской фразеологии иногда связана с чем-то невероятным, неправдоподобным: *«сказывать/(на) сказать воробья (журавля) на сосне»*. Выражение основано на том, что воробьи и журавли, по наблюдениям крестьян, никогда не садятся на сосну.

В большом толковом фразеологическом словаре указан фразеологизм: *«с бору по сосенке»*. Это означает «без разбора (беспорядочный набор людей, вещей)». Например: *Мы собрали, как говорится, с бору по сосенке, наскребли людей, винтовок и организовали очень слабенькую оборону* [Н. Хрущев. Воспоминания (1971)]; *Мебель в квартире – с бору по сосенке* [Д. Гранин. Зубр (1987)].

Во вьетнамской национальной картине мира, в отличие от русской, сосна / *thông* является символом твердости. Например: *«cứng như gỗ thông»* (букв. твердый, как сосна).

Яблоко также широко употребляется в русских фразеологизмах.

Выражение *яблоко раздора* связано с древнегреческой мифологией. Богиня Эрида стала причиной соперничества Афродиты, Афины и Геры, приведшего к Троянской войне – подбросив на свадьбе царя Фессалии Пелея и богини Фетиды в середине зала золотое яблоко Гесперид с надписью «Прекраснейшей» (греч. *καλλίστη*, датив от *καλός* «прекрасный»), – по воле Зевса, так как не была приглашена на свадьбу, что породило спор трех богинь, ведь каждая считала превосходной именно себя. За разрешением спора богини обратились к троянскому царевичу Парису. Соблазненный обещаниями Афродиты дать ему в жены прекраснейшую из женщин, Парис отдал яблоко ей, а она помогла ему похитить жену спартанского царя Менелая прекрасную Елену, что послужило поводом для похода ахейцев на Трою, и, таким образом, коварный дар Эриды привёл к Троянской войне.

Это выражение широко используется в книжных стилях речи.

Например: *Страна эта играла теперь для северных государств ту же роль, какую играло некогда Миланское герцогство для западных государств: это было яблоко раздора* [Т. Н. Грановский. Лекции по истории позднего средневековья (1849-1850)]; *Вена – яблоко раздора для великих держав, центр всех германских интриг на Балканах* [А. А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 3 (1947-1953)].

Фразеологизм «яблоку негде упасть» выражает огромное количество, тесноту. Например: *Если в толпе яблоку негде упасть, то и ты вряд ли упадешь* [Д. Нас много! Толпимся с умом (2004) // «Хулиган», 2004.06.15]; *Актный зал был полон, яблоку негде упасть, и еще много ребят стояло у дверей, в коридоре* [В. Каверин. Два капитана (1938-1944)].

Яблоко в русской национальной языковой картине мира опосредованно связано и с представлением об удачно найденном, правильно подобранном слове, точном выражении: *в самое яблочко*.

Выражение означает, что сказанное слово достигает своей цели. Например: *Но с точки зрения общественного интереса, громадной религиозной и апокалиптической напряженности, интереса к сектантству она была в самое яблочко*. [А. Варламов. Пришвин или Гений жизни // «Октябрь», 2002]; *Вообще Соловьев – сейчас мне это уже абсолютно ясно – всей своей ролью попал в самое яблочко* [В. Некрасов. Три встречи (1959-1967)].

В русском языке часто говорят: *яблоко от яблони недалеко падает*, когда у детей есть недостатки их родителей.

Например: *Я сказал, мол, мама, яблоко от яблони недалеко падает, так ведь ты думаешь?* [Г. Садулаев. Когда проснулись танки (2010)]; *Не знал я его отца, но только верно говорят, что яблоко от яблони недалеко падает* [В. Осеева. Динка прощается с детством (1969)].

Яблоко (táo) во Вьетнаме не такой распространенный фрукт, как в России. Это фрукт не характерен для Вьетнама, поэтому с этим словом во вьетнамском языке образовано не так много ФЕ. Вьетнамцы говорят: *ăn cây*

táo, rào cây sung (есть яблоко – делать забор для инжира). Смысл выражения заключается в том, что помощь одного человека другому должна быть взаимной.

В русском фольклоре малина символизирует сладкую (по вкусу ягоды) жизнь. *Родина-малина* – это воля, свобода, широкое и открытое пространство без конца и края, что соответствует представлениям русских о хорошей, настоящей жизни, а *чужбина-калина* — обманчиво красивая жизнь, оборачивающаяся горькой неволей: *не жизнь, а малина; разлюли малина*. Например: *Не жизнь, а малина. – Дядь Саш, давай я за тебя на волю пойду? А ты за меня здесь останешься? – Нельзя* [Э. Лимонов. Молодой негодяй (1985)]; – *Как так? – А так: один на крыше, а другой в вагоне. Как три станции проедем, так и сменяться будем. Доедем, разлюли малина. Давай деньги. – Не дам. – Чудак!* [А. С. Серафимович. Никита (1906)].

Кроме этого, выражение *класть малину в рукавицу* имеет негативное значение. Выражение означает хитрость.

В русской фразеологии существуют ФЕ с компонентом «малина», которые не имеют аналогов во вьетнамском языке. Это может объясняться тем, что малина является самой популярной ягодой в России. Во Вьетнаме малина не растет.

Как видим, в русских и вьетнамских ФЕ встречаются названия деревьев, кустов, плодов, характерные для каждого региона соответственно. Во вьетнамском языке совершенно закономерно редко встречаются образы березы, дуба, осины, липы, тополя, сосны, малины и яблока. Зато широко представлены растения, эндемичные по отношению к русской растительности (бамбук, да и т.п.)

В плане структурно-семантических особенностей русские и вьетнамские ФЕ с фитонимами демонстрируют значительную вариативность на уровне семантики составляющих фразеологизм единиц, на уровне микропропозиций. Вместе с тем, на уровне макропропозиции эти различия снимаются – если не полностью, то в значительной степени. Сходство

обуславливается известной общностью человеческого менталитета, идентичностью ряда культурных традиций, некоторых особенностей национального характера, различие – спецификой жизненного уклада, географии, ландшафта и, в конечном счете, характером растительности.

В иных случаях общность микропозициональной семантики является основой семантической дифференциации русских и вьетнамских фразеологизмов на макропозициональном уровне – как это происходит с рядом широко распространенных в России и Вьетнаме флоронимов. Данному процессу посвящен следующий раздел диссертации.

2.3. Флоронимы в русской и вьетнамской языковых картинах мира: различное в общем

2.3.1. Флороним роза / *hoa hồng* в русском и вьетнамском языках

Лексема *роза* широко употребляется в русском языке. В русской языковой картине мира роза является ярким и распространенным образом. Ее символические характеристики многообразны.

В русском языке лексема *роза* также имеет ряд дериватов, которые отражают вовлеченность ее в жизнь человека: Роза – имя женщины; *розочка* – уменьшительно-ласкательное; *розовый* – цвета розы; *розарий*, *розариум* – питомник, где выращиваются розы, цветник из роз, украшение для чего-л. в виде цветка, пышного крупного банта и т.д. [Котова 2007].

Лексема *роза* многообразна и представлена как универсальный символ мира и жизни человека. Она имеет и отрицательную, и положительную коннотацию. Например, сама роза символизирует славу, зелень розы – радость, ее шипы в христианской религии – печаль, боль. «*На клумбах, вокруг статуи бронзового бегуна, роза «слава Голландии» высвободила углы красных лепестков, и за ней последовал «генерал Арнольд Янссен» [В.В.Набоков. Дар (1935-1937)].*

Истоки распространенности флоронима роза в национальной языковой картине мира кроются в образе жизни и отношении к цветам.

2.3.1.1. Роза в языковой картине мира по данным Национального корпуса русского языка

Рассмотрим, как реализуется флороним роза в языковой картине мира по данным Национального корпуса русского языка

Нам представляется целесообразным выделить положительные и отрицательные коннотации данного флоронима.

Положительная коннотация связана

с любовью

Соответствующих примеров больше всего в исследуемом материале. Например:

*Когда-то – когда текущей студентке медицинского института, еще совсем не автору, было без малого восемнадцать, ее пригласили на закрытый просмотр фильма режиссера Сергея Соловьева «Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви» [Т. Соломатина. Большая собака, (2009)]; До сих пор роза покоряет сердца, не сходя со своего пьедестала [М. Белова. Богиня утренней зари (2003) // «Сад своими руками», 2003.10.15]; Роза перестала напоминать им о божественной любви и многом другом, зато стала напоминать обо всех упоминаниях розы в мировой поэзии и прозе; и не менее, чем образ «роза», стали ощутимы малейшие словесные и даже ритмические обороты, запомнившиеся пастухам классиков» [А. Арьев. К вопросу о розе // «Звезда», 2002]: **Любовь и роза – за отвагу и шарф на панцирь в знак отличий** [Н. Катерли. «Сквозь сумрак бытия» // «Звезда», 2002]; в том числе **мистическая любовь**: «У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими немислимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще» [А. Арьев. К вопросу о розе // «Звезда», 2002];*

с красотой девушки

В переносном смысле существительное роза употребляется в основном по отношению к прекрасной девушке в расцвете красоты, молодости либо, когда речь идет о прекрасной, но застенчивой девушке без налета манерности, либо о румянце на щеках девушки. Например:

– *Симочка! – закричал Скворцов. – Здравствуйте, деточка, вы цветете, как роза, рад вас видеть! Наконец, внезапно распустилась сирень – эта роза русской провинции, дар скромных палисадов и признак неизбежной деревенской мечты. Пусть оно будет так же прекрасно, как роза, и пусть все любят им и дивятся его красоте, как только роза высохла совсем, листья выпали – пора, значит, домой. – Это стихи о тебе, – поправил я. – Ты – дикая роза. – Ты же их не забудешь?* [А.П.Платонов. Епифанские шлюзы (1927)]; *Посмотрите, какая чудесная роза, она так похожа на Вас!* [Л. Вертинская. Синяя птица любви (2004)]; *А им, красавцам, хочется видеть жену цветущую и пахнущую как майская роза* [Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)];

с белой розой – чистота (в христианском смысле).

Все они боятся попасть в ад из-за нечистой совести, а твоя совесть, Берни, это белая роза, хоть она и расположена немного в стороне от твоего тела. И он сказал: гоу, вперед, белая роза, рожай его, да, да, гоу!; «Даниил Андреев. «Роза мира». Уничтоженный исчезнувший? [В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)];

с символом Богородицы (Роза – прямое выражение католической символики)

В подтексте она восходит к финалу «Божественной комедии» – с пламенеющей розой, центральный лепесток которой символизирует Богородицу (в стихотворении Мандельштама как раз и описывается Собор Парижской Богородицы) [А. Арьев. К вопросу о розе // «Звезда», 2002];

с революцией роз

Любопытный культурологический символ розы в политике, связанный с розой – *революция роз*, или *розовая революция*. В Википедии смысл этого

понятия раскрывается так: Цветные революции – собирательное понятие, применяемое для обозначения так называемых «ненасильственных революций», а также некоторых широко известных массовых ненасильственных акций протеста. Например:

В настоящее время отсутствует консенсус по вопросу о том, какое именно событие можно считать цветной революцией. Практически все исследователи единодушны в том, что Революция роз в Грузии и Оранжевая революция на Украине были цветными революциями. Многие исследователи вопроса относят Бульдозерную революцию в Югославии к числу цветных революций.

(URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D0%BE%D0%B7);

Ну вот так и назрела та самая грузинская бархатная революция как роза без шипов [В. Лебедев. Крах маленькой империи (Meilland, 1999)]; Розовая в Грузии в 2003 году, оранжевая на Украине в 2004, бархатные революции – залог для всех этих бывших советских республик того, что можно как-то прищаваться на Западе – вызывает оживление во всем бывшем СССР (<http://inosmi.ru/world/20050215/217226.html>);

с символом бога молчания – Гарпократа.

Например: *Сказано под розой – значит, по секрету* [С.В.Логинов. Драгоценнее многих (медицинские хроники) // «Наука и жизнь», 2007].

Роза является **символом Америки**: национальный цветок американцев – роза. *В 1972 г. в Луизиане был создан Американский центр роз, где сейчас в 60 индивидуальных садах растет уже около 20 тысяч розовых кустов более 350 видов* [С. Арзамасе, А. Дорошенко 2002].

Еще одна коннотация связана с запахом: *На этот раз он был в прекрасном светло-сером костюме из тонкой шерсти и благоухал, как майская роза* [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша 2004].

Отрицательная коннотация связана

с утратой красоты

Точно, как роза, что вянет от мороза [Л. Гурченко. Аплодисменты 1994-2003];

Но прекрасная Даша должна увянуть, как роза в пустыне, потому только, что дочь крестьянская [П. Ю. Львов. Даша, деревенская девушка 1803];

со смертью

Странная белая роза в тихой вечерней прохладе [В. Аксенов. Новый сладостный стиль 2005]; *Эта живописная подробность сюжета о погибшем немецком поэте – офицере Христиане фон Клейсте заставляет полагать, что за его эфес цеплялись «розы смерти» (символом смерти роза особенно часто является как раз в немецкой культуре эпохи предромантизма и романтизма)* [А. Арьев. К вопросу о розе // «Звезда», 2002];

Как-то он шел по фойе, а мама стояла у колонны и пела: «Я гибну, как роза... [А. Сурикова. Любовь со второго взгляда 2001].

В русском языке имеются устойчивые словосочетания с лексемой *роза*, хотя по сравнению с вьетнамским языком их гораздо меньше. Все они имеют отношение к красоте, свежести, молодости женщины, например, *свежа, как роза, румяная, как роза, расцвела, как роза*. Единственным устойчивым выражением, передающим отрицательные характеристики розы, является *нет розы без шипов*.

2.3.1.2. Роза в языковой картине мира по данным

Национального корпуса вьетнамского языка

В языковой картине мира вьетнамского языка большинство идиоматических выражений и пословиц, содержащих лексему *hoa hồng* / *роза*, основано на оппозиции красоты цветка и его шипов. Роза – один из самых популярных цветов во Вьетнаме, это символ любви, красоты женщины и памяти о маме.

Распространенность лексемы «*hoa hồng*» во вьетнамской языковой картине мира подтверждается наличием и широтой употребления слов или

сочетаний, которые схожи с русским языком: *hoa hồng* – розовый цветок, *hồng* – розоватый, *nơ hoa hồng* – розетка, *màu hồng* – розовый цвет.

Исключения составляют следующие выражения, характерные только для вьетнамского языка: *vườn hồng* – сердце девушки, *hoa hồng* – деньги. В некоторых случаях происходит расширение значения флоронима, основанное на переосмысленном метафорическом восприятии образа розы, в результате большинство дериватов употребляются в значении, отличном от исходного.

Кроме этого, во вьетнамском и в русском языках содержится большое количество слов и словосочетаний, описывающих части розы, процесс ухода за ними: *nụ hồng* / бутон розы, *cánh hồng* / лепесток роз, *bụi hồng* / розовый куст, кустарник, *cây hồng* / розовое дерево, *vườn hoa hồng* / розарий, *một bó hồng* / букет роз.

Во вьетнамских и русских словосочетаниях с флоронимом *hoa hồng* / роза сохраняются значения «нежность, уязвимость, мимолетность, красота, исключительность». В основе многих словосочетаний лежат ассоциации с цветом, формой, запахом цветов.

Большинство употреблений ФЕ, содержащих лексему *hoa hồng*, основаны во вьетнамской языковой картине мира на оппозиции красоты цветка и его шипов. Подобное отношение к цветку прослеживается в следующих устойчивых словосочетаниях:

с положительной коннотацией (сходное с русским языком):

Nhìn cuộc đời màu hồng – видеть все в розовом свете; *Đường trải đầy hoa hồng* – путь, усыпанный розами; *Giống như nụ hồng e ấp* – молодая невинная девушка; *Cánh hồng bay bổng trời thu* – самоуважение; *Muốn sang anh ngã cành hồng cho sang* – уважение в любви; *Vườn hồng có lối ai vào hay chưa* – красивая девушка; *Bông hồng cài áo* – память о маме [Từ điển giải thích thành ngữ tiếng việt 1998: 325].

с отрицательной коннотацией:

Hồng nào hồng chẳng có gai – нет розы без шипов; *Không phải tất cả đều màu hồng* – неприятный; *Mọi thứ không như hoa hồng* – ему не сладко; *Ai mà*

phụ nghĩa quên ơn / thì đeo trăm cánh hoa hồng chẳng thơm – неблагодарность;
Bướm bướm mà đậu cành hồng – жадность в любви (в отличие от русского языка).

Все устойчивые словосочетания с флоронимом роза можно разделить на следующие группы:

Флоронимы, характеризующие качество жизни: в данных ФЕ лексема «*hoa hồng*» выражает успех или неудачу, поражение или победу, неприятности или полнейшее их отсутствие. Напр. *cuộc sống không phải lúc nào cũng trải hoa hồng* – в жизни не одни только радости; *tất cả không phải hoa hồng* – не все легко или приятно; *hồng nào hồng chẳng có gai* – нет розы без шипов, *ngôi nhà hoa hồng* – дом роз; *con đường hoa hồng* – путь, усыпанный розами. Соответствующие значения есть и в русском языке.

Флоронимы, описывающие внешность: наличие румянца, здоровый или нездоровый цвет лица, красота (в основном о женщинах): *má hồng hồng* – здоровый цвет лица; *phấn má hồng* – румянец во всю щеку, пышет здоровьем; кровь с молоком (обычно о женщине); *nụ hồng e áp* – поблекнуть, увянуть, зачахнуть. Это характерно и для русского языка.

Передающие дополнительные значения: невинность – *hồng trắng* (символ невинности и чистоты); женщина – *thân e như cánh hoa hồng* (женщина, как красивая нежная роза).

Таким образом, сопоставление лингвострановедческих особенностей розы позволило выделить некоторые сходства и различия. Так, в русском и вьетнамском языках флороним роза имеет много дериватов. Однако только во вьетнамском языке встречаются следующие значения данного флоронима: *vườn hồng* – сердце девушки, *hoa hồng* – деньги, *bông hồng cài áo* – память о маме. Фонд вьетнамского и русского языков содержит большое количество слов и словосочетаний, описывающих части розы.

Во вьетнамских и русских ФЕ флороним *hoa hồng* / роза сохраняется значения «любовь, нежность, уязвимость, мимолетность, красота, исключительность». В основе многих словосочетаний лежат ассоциации с

цветом, формой, запахом цветка, хотя по сравнению с русским языком их гораздо меньше.

2.3.2. Флороним ромашка / hoa cúc в русском и вьетнамском языках

Ромашка – травянистое растение семейства сложноцветных с цветками, у которых лепестки обычно белые, а середина жёлтая. полевая, садовая р. гадать на ромашке (гадать о любви, выдергивая один за другим лепестки цветка и повторяя при этом: “любит?”, “не любит?”). [Từ điển Tiếng Việt 2006].

В русско-вьетнамском словаре дается следующее определение слова ромашка: «Травянистое растение семейства сложноцветных с одиночными цветками, белыми по краям и желтыми в середине» [Русско-вьетнамский словарь 2005: 1253].

Русские воспринимают ромашку как национальный символ. Ромашка часто встречается в русской фольклорной традиции. Существуют различные обряды, связанные с ромашкой. Например, венки из ромашки, гадание на ромашке. Образ ромашки упоминается в художественных произведениях.

В восприятии образа ромашки иностранными студентами можно наблюдать следующая тенденция: им известен денотат, но коннотация по отношению к нему отличается от коннотаций, возникающих у русских. В отличие от русских, для которых ромашка выступает как символ русской культуры, иностранцы воспринимают ромашку как дикое растение, которое представляет в некоторых случаях фармацевтический интерес.

2.3.2.1 Ромашка в языковой картине мира по данным Национального корпуса русского языка

Как уже отмечалось выше, ромашка – символ России. Не случайно лексемы *Россия* и *ромашка* встречаются рядом: *Ты верь в победу, она солнце,*

и звезда, и месяц, и Россия, и ромашка, и матушка, и доченька, и мы с тобой в Победе никогда не умрем [А. Проханов. Господин Гексоген (2001)];

Думаю, что никого не удивит то, что ромашка является символом России

(URL: <https://www.baby.ru/community/view/125580/forum/post/83548672/>);

Цветок ромашка – символ русской природы (URL: http://www.liatris-flower.ru/clauses/tsvetok_romashka-simvol_russkoy_prirody/);

Всем доброго времени суток. Как нам всем известно, Ромашка – символ-цветок России. В Российской Федерации Ромашка является национальным цветком

(URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/272156-kakoj-cvetok-javljaetsja-simvolom-rossii.html>).

Ромашка связана с красотой, молодостью девушки: Например: Румянец ей явно шел. Этакая рдеющая ромашка. Какой фирмы? [Е.Козырева. Дамская охота (2001)].

Ромашка в сознании русских ассоциируется с неброской девичьей красотой, в отличие от розы, на которую сразу же обращают внимание. Например: В самом деле, может ли ромашка жаловаться на то, что рядом с ней благоухают розы? [Е. Алканская. Кредитная история (2003)]; Она завистливо осмотрела новое облачение Панкратовой – Ух вы, круто, ромашка! Слышала, что резко демаскировались [П. Акимов. Плата за страх (2000)].

Ромашка – солнце: *А дикая белая ромашка просто хочет быть солнцем [Н. П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872)];*

Считалось, что ромашки – это маленькие солнышки, которые своими лепестками соединяют множество судеб-дорог

(URL: <https://www.3vozrast.ru/article/energia/svedenia/3106/>);

Маленькое солнце на моей ладошке,

Белая ромашка на зеленой ножке (URL: <https://www.inpearls.ru/521959>).

Ромашка стереотипно ассоциируется с **любовью** и чаще с любовными страданиями и мучениями. Самое распространенное и известное гадание на любовь – это гадание на ромашке. Например:

Русая девушка в кофточке белой, Где ж ты, ромашка моя? [В. Быков, О. Деркач. Книга века (2000)];

Ромашка, например, для крестьянина – сорняк, а для влюбленного – талмуд [С. Довлатов. Литература продолжается. После конференции в Лос-Анжелесе (1982)];

Пока ромашка вымывала токсины, я размышлял о судьбе. «Вот цветы, — думал я, любуясь значительностью своих мыслей. — Ромашки. Они могли бы расти в поле, на них могли бы гадать „любит, не любит“, а что с ними вместо этого стало? [Павел Санаев. Похороните меня за плинтусом (1995) // «Октябрь», 1996];

Ромашка сравнивается с **худенькой девушкой**. Например: *Худенькая, беленькая, как ромашка, она словно бы издавала светом, вот – вот миг – и останется только лучи* [А. Иванов. Сердце Пармы 2000].

Кроме того, в русском языковом сознании ромашка ассоциируется с **такими понятиями, как «скромность» и «простота»**, важными для русского менталитета. В некоторых фольклорных текстах девушка сравнивается с ромашкой. К тому же, в русском языке существует устойчивое выражение *девочка-ромашка*, которое характеризует скромную, простую, милую девушку: *Улыбка искристая, веселая, простая, как белая ромашка на меже* [С.Н. Сергеев-Ценский. Бабаев (1906-1907)].

2.3.2.2 Флороним hoa cúc / ромашка в языковой картине мира по данным Национального корпуса вьетнамского языка

Цветок hoa cúc / ромашка считается символом **всего возвышенного**.

В словаре вьетнамского языка hoa cúc / ромашка характеризуется как «травянистое растение семейства сложноцветных, с цветками, состоящими из белых лепестков и желтой трубчатой середины» [Hoàng Phê 2005: 917].

Образованию выражений, содержащих флороним *hoa cúc*, способствовали его качественные характеристики. Во вьетнамской фразеологии ромашка ассоциируется с **любовью**:

Hoa cúc vàng nở ra hoa cúc tím. Em đi lấy chồng trả yếm cho anh. – букв.: “Если цвет ромашек изменился, то и чувства девушки изменились”. В данной ситуации *желтая ромашка* символизирует охлаждение чувств или измену.

Bốn mùa bông cúc nở hoa. Chờ xem trời định duyên này về đâu. – букв.: “Любовь, как ромашка, всегда вокруг нас”.

Gió đưa bông cúc bông cà, gió đưa chị bảy về nhà anh ba – букв.: “Ветер шевелит ромашки – значит ветер принесет юноше девушку”.

Không phải nhân duyên cây cúc mọc vườn hồng cũng chẳng ham – букв.: “Если нет любви, тогда неважно, есть ли ромашки в саду”, т.е. без любви не нужны и цветы.

Во вьетнамском языке ромашка ассоциируется с **красивой девушкой**. Например: *Bông cúc ngã ngang, con bươm vàng nhận nhụy / Thấy miệng em cười hời hợt, anh thương.* – букв.: “Улыбка девушки как свежая ромашка”.

Thân em cúc mọc bờ rào. Khác chi cây cúc mùa đông – букв.: “Ромашка растет около забора, как девушка красивая, но несчастливая”.

Bón o trong tỉnh mới ra nước da trắng toát như hoa cúc tần. – букв.: “У девушки сияющая кожа, как лепестки у ромашек”.

Được như hoa cúc hoa quỳ. – букв.: Красива и роскошна, как ромашка.

Xuân lan thu cúc mãn mà cả đời. – букв.: “Весной орхидея – осенью ромашка”. Так говорят о девушке и умной, и красивой».

В отличие от русского языка, во вьетнамском языке ромашка еще **связана с долголетием, а также с возвышенностью духовной**:

Tùng cúc trúc mai – букв.: “Кедр, ромашка, бамбук, май” – это благородные растения, которые являются символом героизма, отваги, самоотверженности.

Еще одна не свойственная русскому языку коннотация вьетнамского языка: ромашка ассоциируется с **почтительностью к родителям**:

Để coi bông cúc ngã nhàn về đâu – букв.: “Лепестки ромашки похожи на детей, которые окружают родителей (сердцевину) и неразрывно с ними связаны”.

В поэзии ромашка чаще всего обозначает **счастье и упорство**:

Trong một góc hằm cháy khét lửa Na pan / Em sừng sốt gặp một nhàn hoa cúc / Và em gọi đó là Hạnh phúc (Dương lưu Ly). – букв.: “Ромашка на поле битвы Напан. И это называется счастье». В этих строчках известного стихотворения вьетнамского поэта Лю Ли передана мысль о том, что увидеть, заметить на поле боя ромашку – это большое счастье.

Как в русском, так и вьетнамском языках ромашка ассоциируется с **простотой**:

Hoa cúc vàng đơn sơ / Nhưng thủy chung bền bỉ / Hoa cúc vàng giản dị / Chẳng biết phô trương / Sống đậm tình người..... – букв.: “Ромашка красивая, простая и привязчивая”.

Изучение флоронима ромашка в русском и вьетнамском языках выявило его следующие особенности: в отличие от русского языка, во вьетнамском языке образ ромашки используется шире. В русском языке отсутствуют некоторые значения, такие, как «долголетие, возвышенность и почтительность к родителям». В то же время в обоих языках ромашка часто связывается с образом красоты, девушки, любви.

2.3.3. Флороним пион / *hoa mẫu đơn* в русском и вьетнамском языках

Пион – декоративное растение семейства лютиковых с крупными яркими цветками (белыми, розовыми, малиново-красными). Прилагательное пионовый, -ая, -ое [Егорова Т.В. Словарь иностранных слов русского языка для школьников 2014: 286].

Пион символизирует вечную любовь, и в легендах дух пиона является прекрасной девушкой. В Индии, Иране пион выступает как символ неуклюжести и гордости. В Китае пион – это символ света, любви, удачи,

богатства, весны, молодости, счастья и долголетия. У восточных народов пион воспринимается как стыдливость. В Японии пион представляет благополучие и процветание.

2.3.3.1. Пион в языковой картине мира по данным Национального корпуса русского языка

В русской языковой картине мира внимание обращается на цвет пиона – красный, связанный с различными эмоциями:

Смущения:

И еще одно бросалось в глаза – красный цвет. Красавица была красная, как пион. Он не был особенно интенсивен, этот цвет, и человеческое лицо не делалось от него страшным или смешным [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3];

Когда меня спрашивали, люблю ли я стихи, я конфузился, когда заговаривали в моем присутствии о поэзии, я краснел, как пион, как будто это было что-то запретное, недозволенное мне [А. Л. Чижевский. Вся жизнь (1959-1961)];

Ни с того ни с сего зардеется, как пион (Б. Л. Пастернак);

Она смотрела на них покорно и устало, даже не пытаясь выгнать Харченкову руку, и вдруг, поймав на себе растерянный взгляд Мечика, вскочила, быстро запахивая кофточку и заливаясь, как пион [А. А. Фадеев. Разгром (1925-1926)];

И не красивая дама строго взглянула на своего мужа, старшего штурмана Василия Ивановича, худенького, маленького и скромного человека лет под пятьдесят, – они там будут веселиться, а мы...Василий Иванович покраснел, как пион. Это он будет веселиться? [К. М. Станюкович. Блестящее назначение (1890-1903)].

Возмущения:

А я – я, красная, как пион, оглушенная и ослепленная ударившей и забившейся в висках кровью, сквозь закипающие, еще не проливающиеся

слезы – сначала молчу, потом – ору [М. И. Цветаева. История одного посвящения (1931)];

Красная, как пион, с отважными слезами в глазах, Тави скрестила руки, и Друд плотно укутал ее, обвязав, чтобы не свалилось одеяло, вязаным шарфом Стеббса [А. С. Грин. Блестящий мир (1923)];

Она меня встретила, красная, как пион, забыв в своем волнении все величие, достойное княгини, происходившей родом от самого Богдана IV, и, измерив всю меня враждебным взглядом, визгливо закричала [Л. А. Чарская. Княжна Джаваха (1903)].

Негодования:

Что за шум, mesdames, что за безобразие! – разалевшись от негодования, как пион в полной силе расцвета, восклицает прекрасная Клеопатра. Оказывается, она появилась еще при чтении заключительной фразы моего произведения и присутствовала при всей дальнейшей сцене. – Тишалова, что за возмутительный, вульгарный тон в разговоре с подругой? Старобельская, подите сюда [В. С. Новицкая. Безмятежные годы 1912];

– Вы?! – возмутилась она, красная как пион. – Как...как вы смели? [А.П.Чехов. Антрепренер под диваном (1885-1886)];

Белокурая девица возвращается на свое кресло, краснея, как пион, с нависшими слезами на глазах [К. М. Станюкович. Благотворительная комедия (1880)].

Любви:

Весенний пион — это символ любви, семейного счастья. Поэтому он обычно красуется на подарках для молодоженов [В.В.Овчинников. Своими глазами (2006)];

Говорил, слушая ее декламацию, учитель, и Крошка рдела, как пион, от удовольствия [Л. А. Чарская. Записки институтки (1901)];

Это сделала Надя, и в такой милой форме, что Пятов покраснел, как пион, встал и произнес даже нечто вроде спича. Она весело болтала и так просто, по-товарищески, точно она давно знает хозяина, как товарища

своего жениха. [П. Д. Боборыкин. Однокурсники (1900)].

Реже флороним пион в русском языке ассоциируется с красотой:

Пионы весны продолженье,

Пленяют своей красотой.

Пионы любви воскрешенье,

К нам с неба упали звездой

(URL: <https://www.stihi.ru/2012/05/29/1827>);

Мотор загорелся. Все спаслись. Хромаю. Пион лучше розы. Роза – эстет. Тебе не понять. Мальчонкой жил в Харбине. [Е. Попов. Одеяло Сун Ятсена (1970-2000)].

Совсем редко цветок связан с добрыми пожеланиями:

На свадьбах и в праздники пион преподносят друзьям в знак добрых пожеланий. [Г. Дьякова. Модный персонаж (2003) // «Сад своими руками (2003.05.15)].

Отрицательная коннотация связывает пион со злыми намерениями и с борьбой:

Что случилось, друг мой? – обеспокоенно спросила хозяйка, ставшая весьма наблюдательной, когда дело касалось ее нового управляющего. – Вы злы, как махровый пион. – Полковник сдал свое хозяйство, и Россия более не монархия, а черт ее знает, что. Сбылась, так сказать, вековая мечта [Б. Васильев. Дом, который построил Дед (1990-2000)];

Пион предназначен для тех, чья стихия – борьба [Е. Гончаренко. Здравствуй, седум сомнительный! (1997) // «Столица», 1997.06.17].

2.3.3.2 Hoa mẫu đơn / пион в языковой картине мира по данным

Национального корпуса вьетнамского языка

Во вьетнамском языке hoa mẫu đơn – cây nhỏ lá xẻ lông chim, hoa to, nở vào dịp tết, vỏ dùng làm thuốc [Từ điển tiếng việt 2005: 1221]. Пион – декоративное растение с крупными цветами.

Употребление данного флоронима связано с **роскошью, богатством, удачей:**

Xin ai chớ phụ hoa ngâu / Tham nơi quyền quý đi cầu mẫu đơn – букв: «Пионы в дворянских усадьбах, что означает богатство, благородство».

Rủ nhau đi bẻ dành dành / Dành dành không bẻ, bẻ nhành mẫu đơn – букв: «В руках пион – означает, что в руках человека удача».

Vườn ngự uyển thiếu chi chôi lan huệ / Nội thượng lâm còn thiếu tước mẫu đơn – букв: «Только в императорском дворце растут орхидея и пион».

Кроме того, этот флороним символизирует **верность в любви, красоту женщины:**

Mẫu đơn nở cạnh bờ ao / đôi ta trinh tiết đợi nhau suốt đời – букв: «Пион – символ верности в любви».

Tiết thu viếng cảnh đào viên / mẫu đơn 1 đóa sen mấy ngành – букв: «Пион и лотос в осени. Отражают красоту осени».

Mẫu đơn hoa hạ tử, tác quý dã phong lưu. – букв.: «Пион как красавица».

Таким образом, флороним пион в русском и вьетнамском языках имеет довольно значительные различия. В русской языковой картине мира во внимание принимается цвет цветка, и цветок ассоциируется с различными эмоциональными состояниями: смущения и др., причем данные значения не реализуются во вьетнамском языке. Во вьетнамском языке встречаются значения, не реализуемые, в свою очередь, в русском языке. Этот цветок ассоциируется с богатством, роскошью, удачей, благородством. Совпадение есть только в значении «любовь».

2.3.4. Флороним гвоздика / *cẩm chướng* в русском и вьетнамском языках

2.3.4.1. Гвоздика в языковой картине мира по данным Национального корпуса русского языка

В языковом сознании русских гвоздика – это цветок, который дарят в официальных случаях, например:

В обеих книгах постоянно маячат бюсты (перед одним из них возложены черные тюльпаны – полный, видимо, антоним официальных красных гвоздик), портреты и прочие изображения Ленина [Александр Чанцев. Посмертная жизнь Владимира Ленина // «Неприкосновенный запас»];

И фарфор за стеклами среднего, и накрытый бархатной скатертью стол, и большая хрустальная цветочная ваза, в данном случае полная гвоздик, кажется, красных, и картины над столом, и старый «Рубин» на тонких ножках, так что она откинулась на спинку дивана и погрузилась во все те же поднадоевшие своими постоянством и бесплодностью размышления [Г. Маркосян – Каспер. Кариатиды // «Звезда» 2003)].

Гвоздика – универсальный поздравительный цветок, который можно легко купить и подарить в праздник, на день рождения, девушке:

Был снежный и морозный февраль, но молодой папа предстал передо мной с букетиком прекрасных гвоздик – зимой это было и в диковинку, и совсем недешево... [Елена Пашина. «Ба! Знакомые все лица!» (2002)];

Конечно же, «гусарский набор» – шампанское и коробка конфет, дополненные тройкой чахлых гвоздик, – это банально [О. Тверитина];

В такой-то пасмурный зимний полдень мы как-то раз принесли ей много белых гвоздик [Г. Барабтарло. Окно с видом на комнату // «Звезда», 2001)];

С букетом из трех алых гвоздик приблизился к приехавшему и критик Распадов [В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000)];

Они были в черных рокерских кожанках с невероятным количеством шипов и заклепок, в руках – букетики красных гвоздик [В. Левашов. Заговор патриота (2000)];

Он послал массажиста в цветочный магазин, и тот вернулся с дюжиной крошечных букетиков алых гвоздик [Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999-2000)].

В русской языковой картине мира это **цветок, который приносят на похороны или на могилы в официальных случаях:**

И под дождем отправился в субботу на отпеванье в Лефортово, в церковь Петра и Павла в Солдатском переулке. В кулаке шесть гвоздик. Когда кончил отсчитывать, продавщица сочувственно посмурилась, пытаюсь попасть в настроение [А. Терехов. Бабаев (2003)];

Посетили кладбище и положили букет живых гвоздик на могилу [(В. Слипечук. Зинзивер (2001)].

Гвоздики как неуместный подарок:

Позвонить своему приятелю и сказать, что отчетливо помню, как он шел с своим глупым букетом, даже не роз (их в то время не было), а гвоздик, и стоял в этой самой подворотне, морозным вечером? [Н. Щербак. Роман с филфаком // «Звезда» 2010];

«У моего мужа в Париже была плантация гвоздик, – вы напомнили мне о нем, мне больно», – слышала Фаина Георгиевна голос своей сестры из соседней комнаты [А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь 2003];

Официальность, символ революции:

На столбах и водосточных трубах на Каменноостровском проспекте и на улице Чапыгина висели некрологи, а у здания телецентра организовалась процессия из молодых людей, одетых в черное, с венками и четным количеством красных гвоздик в руках [А. Никулин, Е. Шапошникова. Полет парикмахерши // «Отечественные записки» 2003];

Могилы их на Немецкое долгое время были в полном запустении. Железный колышек, табличка, пара увядших гвоздик... Дмитрий Щеглов специально для «Совершенно секретно» [Д. Щеглов. Чужак (2003) // «Совершенно секретно» 2003.08.09];

Любопытный культурологический символ гвоздики в политике, связанный с бескровным военным переворотом в Лиссабоне, – революция гвоздик. Например: *Скончались премьер-министр Новой Зеландии и президент Аргентины (на президентском посту Хуана Доминго Перона*

сменяет его вдова Изабель), сменился премьер-министр Израиля, президент Румынии, греческие офицеры свергли президента Кипра Макариоса, а из-за этого в самой Греции пала военная хунта и президентом стал Караманлис, в Португалии в ходе «революции гвоздик» либеральные офицеры свергли диктатуру Каэтано, и президентом ненадолго становится генерал де Спинола, а потом в этом же году – генерал Франсишку Кошта Гомеш и вооруженные силы свергли императора Эфиопии Хайле Селассие. [В. Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)].

2.3.4.2. Cẩm chướng / гвоздика в языковой картине мира по данным Национального корпуса вьетнамского языка

Во вьетнамском словаре присутствует только понятийный компонент лексемы «гвоздика»:

Cẩm chướng – Loại cây có hoa nhỏ nhiều màu [Словарь вьетнамского языка под редакцией Bùi Quang Tịnh, Bùi Thị Tuyết Khanh 2005]. Гвоздика – травянистое дикорастущее и садовое растение с цветками разнообразной окраски.

Cẩm chướng – cây thân nhỏ lá mọc đối hoa đẹp và có nhiều màu trắng đỏ tím lẫn lộn trông làm cảnh [Словарь вьетнамского языка под редакцией Hoàng Biên 2006]. Гвоздика – дикорастущее и садовое растение с цветками красной, розовой, белой окраски.

Что же касается восприятия данного цветка в языковом сознании вьетнамцев, то здесь мы наблюдаем полное расхождение с русским.

Одно из значений – это **простота, спокойствие**:

Cẩm chướng vô hương. Thơm là chuyện lạ/ Tôi cúi xuống bông hoa trong lọ trên bàn / Một mùi hương dịu nhẹ nồng nàn / Hương Cẩm chướng lẫn đầu tôi gặp.
Букв.: «Гвоздика без аромата, но простая, красивая».

Tôi muốn ngà say, ngủ mơ trên đóa hoa cẩm chướng. Букв.: «Я выпил, мечтая о гвоздике». *Mùi phân nở tròn... thiệt trông xinh / Một mạc với tên em.... Cẩm chướng.* Букв.: «Простая красота как наименование гвоздики».

Cắm chướng / Đêm ngày môi nở hoa. Букв.: «Как гвоздики расцветают весь день».

Нет в русской языковой картине мира и такого значения, как **красота, верность и надежда:**

Lác đác bên song điểm sắc hồng / Cắm chướng là em đây phải không Букв.: «Гвоздика – это ли вы, красивая девушка».

Bao giờ cắm chướng nở hoa / Người tôi mong chờ/ Trở về cùng tôi mãi. Букв.: «Когда гвоздики расцветут, моя любовь вернется ко мне». В данной ситуации гвоздика представлена как символ надежды на любовь.

Ngày xuân vui bút vu vơ / Nhìn hoa cắm chướng vào thơ họa vẫn / Dịu dàng, sâu lắng vô ngần / Tình hoa ý nghĩa giữ lòng thủy chung. Букв.: «Гвоздика символизирует верность в любви».

Еще одна ассоциация во вьетнамской картине мира – это **ассоциация с девушкой:**

Sợ mai cắm chướng lấy chồng / Kéo theo sen trắng huệ hồng đi theo. Букв.: «Гвоздика, как девушка, которая выйдет замуж».

E đã đi xa ở lại chỉ màu hoa cắm chướng / Hoa cắm chướng của em vẫn rung rinh cánh nở. Букв.: «Девушка ушла. Остались гвоздики и любовь».

Русские и вьетнамцы по-разному воспринимают гвоздику. В русском языке это цветок официальных событий, революционных праздников, цветок, который приносят на похороны или на кладбище. Во вьетнамском языке ассоциативный ряд значительно шире. Гвоздика ассоциируется с простотой, красотой девушки, с верностью.

2.3.5. Флороним лотос / hoa sen в русском и вьетнамском языках

Лотос играет особую роль в духовной жизни и культуре Вьетнама. Лотос – это благородный цветок с нежным запахом, который обладает успокаивающими свойствами, элегантностью розового цвета и является практически символом Вьетнама.

Хотя лотос может вырасти в тине, он не загрязнен, и может изменить жизненные обстоятельства, потому что каждый лотос растет в любом месте и там вода становится чистой. Он имеет вкус и цвет, но не слишком сильный, отличается прохладным ароматом.

Лотос стал символом в буддийском искусстве Востока. Он символизирует мистическую, волшебную красоту и глубокие мысли. Цветок лотоса также символизирует стойкость героя перед соблазном.

В духовном смысле этот цветок вошел в сознание вьетнамского народа, стал знаком в архитектуре и скульптуре древнего Вьетнама, в искусстве, в литературе. Лотос является символом благородства, святости, и мягкости, изящества, а также символизирует смелость, честность, открытость характера вьетнамского народа.

Все во Вьетнаме знают пословицу «trong đầm gì đẹp bằng sen / gân bùn mà chẳng hôi tanh mùi bùn» (в пруду нет ничего красивее лотоса / хотя лотос растет рядом с грязью). Деревня, где Хо Ши Мин родился, также называют Сен (Лотос) деревни, и с лотосом сравнивается Дядя Хо.

«Тхар Мьой – самый красивый лотос

Вьетнам – самое красивое имя Дяди Хо»

Во Вьетнаме образ лотоса очень рано появился в изобразительном искусстве и активно живет в нем до сих пор.

2.3.5.1. Лотос в языковой картине мира

по данным Национального корпуса русского языка

В русской природе нет соответствующего цветка, однако он известен из литературы, искусства. Поэтому восприятие данного флоронима связано с культурологическими символами Востока. Отметим соответствующие ассоциации. Так, флороним лотос в русском языковом сознании является **символом божества:**

Считавшийся изображением божества, лотос служит главной пищей бегемоту» [Ф. Кривин. Хвост павлина (1981-1987)];

Служащий бегемоту главной пищей, лотос считался изображением божества и был чтим [Ф. Кривин. Хвост павлина (1981-1987)];

Как будто мы возвеличиваем лотос, вспоминая его блестящую родословную, но величия, не получается [Ф. Кривин. Хвост павлина (1981-1987)];

символом Индии:

Новый город, национальный музей, белоснежный лотос бахаи и гордость Дели – новый храмовый комплекс кришнаитов «Слава Индии» [А.Тодоров. Вдоль по Ганге босиком // «Пятое измерение», 2003];

Дерево дай, коланхоэ, индийский лотос, гинкго и сома [Е.Парнов. Третий глаз Шивы (1985)];

символом восточных религий:

Лотос – священный символ восточных религий. Тату – это весело. [М.Петрова, Я.Зубцова. А.Суи: жизнь в стиле буги (2002) // «Домовой», 2002.05.04];

– Лавр, мирт и маслины – священные деревья древних греков, дубу поклонялись друиды и германцы, из сомы варили напиток бессмертия боги арьев, а лотос и ныне почитают миллионы буддистов [Е.Парнов. Третий глаз Шивы (1985)];

На месте, где зацвел лотос, сейчас стоит известный буддийский храм Сваямбхунат [О.Орестов. В сердце Гималайских гор // «Огонек». № 50, 1956];

Он снова склонился над наволочкой и поставил на стол одну за другой несколько вещей: статую Будды, позолоченную и раскрашенную – алые губы, голубые глаза, белый лотос в руке, потом золотого китайского дракона [Ю.О.Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)];

символом силы:

Из волн встает четырехгранная медная гора, на вершине ее – солнце, лотос, трупы коня и человека и на них – Чжамсаран [Л. Юзефович. Князь ветра (2001)];

символом рая:

Цветок лотоса – символ рая, и если такой красивый цветок, как лотос, растет в болоте, то человек должен стерпеть все [В.Рецептер. Ностальгия по Японии (2000)];

– И принесете сюда свежих полевых цветов! – Но божеству нужен лотос! – пробовали протестовать брамины [В.М.Дорошевич. Сказки и легенды (1893-1916)];

символом чистоты:

А я так люблю один только лотос – за то, что из грязи выходит, но ею отнюдь не замаран, и, чистой рябью омытый, капризных причуд он не знает [И.Соколова. Бабочки летают (заметки о Тайване) (1999)];

символом Египта:

Маслину, например, обожествляли в Иудее, лотос – в Древнем Египте [Е. Парнов. Третий глаз Шивы (1985)];

Морские ласточки, встречающиеся только в Египте. Где лотос? Сказали, что он – не цветет; уже – март; трелит жаворонок из лазоревых озарений; и запахи сладкого тмина, и россыпи желтых цветов из зеленой чрезмерности хлопка [Андрей Белый. Африканский дневник (1922)];

Растения для орнамента выбирались разные: египтяне часто изображали лотос и папирус, греки и римляне – листья аканта, европейцы эпохи Средневековья – трилистник и т.д. [Н. Карпушина. В поисках семицветика // «Наука и жизнь» 2009];

символом красоты:

Она была прекрасна, как лотос, розовеющий в каплях росы [Ю.Вяземский. Шут (1982)];

На озере в глубине острова растет чудо-цветок лотос, по склонам сопок, поросших дубом и липой, бродят пятнистые, олени [О.Яременко, А.Рогов. На дальнем острове // «Спортсмен-подводник» 1967];

И вдруг посреди озера зацвел чудесный лотос [О.Орестов. В сердце Гималайских гор // «Огонек». № 50, 1956];

Творчество Тибета выйдет из трафаретных повторений, и опять засияет открывшийся лотос знания и красоты [Н.К.Рерих. Сердце Азии (1929)];

Река Большая Мойва встретила меня журчанием тихих струй на камнях и трепетом листьев нардоосмии, напоминающих настоящий лотос [В. Колбин. Одиночная экспедиция // «Наука и жизнь» 2008];

И Елочку, воздушную, нежную и белую, как настоящий лотос, в ее белоснежных одеждах «чувствую» тоже [Л.А. Чарская. Мой принц (1915)];

цветком жизни:

В ней – вода белого лотоса. А белый лотос – цветок жизни. Ночь же превращается в страсть, когда тому способствуют цветок имбиря, вызывающий эйфорию, и рисовая вода, обещающая наслаждение [Я.Зубцова. Kenzoki – алхимия чувств (2002) // «Домовой», 2002.09.04];

Голубой лотос – Индия и Египет, угасшие веры, вымершие народы, вечное круговращенье жизни [А. Веселый. Сад ты, мой сад (1929)];

драгоценностью души:

Строение человеческой души давно известно мудрецам Индии и выражено формулой: «Ом мани падме хум» – жемчужина в цветке лотоса: вот лотос – это чаша с драгоценным огнем души, – гуру бросил на уголь щепотку каких-то зерен [И. А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959-1963)].

2.3.5.2 Hoa sen / лотос в языковой картине мира по данным

Национального корпуса вьетнамского языка

Как уже отмечалось выше, лотос играет особую роль в жизненной духовности и культуре во Вьетнаме. С веками лотос вошел в сердце, в жизнь и культуру вьетнамского народа. Он имеет следующие символические значения.

Символ буддизма:

Hoa sen tám cánh em mang. Tâm như sáng tỏa trên đàng em đi. Nhìn đời ánh mắt từ bi. Nói năng ký xuất nghĩ suy tỏ tường. Hoa sen tám cánh em nương.

Ba ngôi Tam bảo pháp vương nhiệm màu. Núi cao hồ thẳm sông sâu. – Лотос как милосердине в буддизме.

Từ tâm vô lượng. Hết lòng yêu thương. Trần gian sau trước vô thường. Ra tay tiếp đỡ mọi đường chúng sanh. Niềm vui qua nhanh. Đau khổ hoành hành. Vì ai tất dạ lòng thành. Thoát vòng khổ ải kết nhành hoa sen. – Освободиться от страдания, и стать лотосом.

Символ чистоты:

Vươn mình tươi thắm đóa hồng sen. Dầu chịu bùn tanh chẳng lụy hèn. Sống cõi vàng thau đầy cặn bã. Nhưng lòng trắng bạch khó nhơ đê. – Лотос из грязи выходит, но ею отнюдь не замаран и чистой рябью омытый.

Anh cho tôi làm hoa sen không, tôi trong lý lịch có bùn? Thân phận người mà, ai chả có bùn đen? Giết chết một mùi hương, dễ thôi, cứ quậy bùn lên để giết – Смогла ли я стать лотосом? У меня не было грязи в истории.

Nguyện như là hoa sen. Muôn thuở vẫn vươn lên. Để thường giúp muôn loài. Luôn sống tròn rộng thênh. Nguyện như là hoa mai. Muôn thuở vẫn tự tại. Để thường giúp muôn loài. Luôn sống tròn vô ngại.... – Пусть, как лотос, всегда тянется из грязи.

Đó ai mà được như sen. Chung quanh cánh trắng, giữa chen nhụy vàng. Nhụy vàng, bong trắng lá xanh. Gần bùn mà chẳng hôi tanh mùi bùn. – Лотос не только красивый, но и имеет приятный аромат, хотя растет из грязи.

Long lanh những giọt sương mai. Màu trong tinh khiết trên đài hoa sen. Năng hiền bước tới làm quen. Gió lay động nhẹ thành khoen chuỗi vòng. Ngẩn ngơ trước cảnh mênh mông. Hư hư thực thực...thấy lòng an nhiên. – Лотос, розовеющий в каплях росы.

Символ тоски по Родине:

Cám Ôn Anh Nhé. Cám ơn anh đó nhé. Tặng em đóa hoa sen. Gọi nhớ về quê Mẹ. Đất cằn khô ruộng phèn. Quê hương xưa đói khổ. Ao sen dàn tưới lũy tre. Nhắc chi những nỗi đi về năm xưa. Đầu xanh độ ấy đang vừa. Rủ nhau chui lách rào thưa vào vườn. – Лотос, бамбук – родина.

Символ молодости, красоты девушек:

Trắng, hồng cứ mãi xanh tươi. Bốn mùa mơn mớn nụ cười chứa chan. –
Лотос, как девушки с яркими улыбками.

*Em như buổi sớm mai, như hoa sen trong trắng, như đóa hồng đoan trang,
như thiên thần trên cao, lời tạ tình cho em, anh cảm ơn lần nữa, trọn một đời thiết
tha, cho yêu thương... – Ты такая красивая, как утро, как чистый лотос.*

*Nếu phải ví cho những gì cao cả. Thì em là một đóa hoa sen. Những cảm dỗ
đã không làm em sa ngã. Một hoa khôi luôn tâm nguyện sách đèn. Nếu ca ngợi cho
tâm lòng chung... – Если сравнивать с чем-то хорошим, то меня с лотосом.*

СИМВОЛ ЧИСТОЙ ЛЮБВИ:

*Nụ sen trinh trắng đoan trang. Như còn e thẹn nắng vàng bình minh. Nụ sen
tình của đôi mình. Bao giờ nở rộ hồ xinh rạng ngời. Nhụy vàng hoa trắng chơi vơi.
Chút hồng trang điểm hương trời ý thơ. Anh về dệt những mộng... – Белый лотос
как красивая молодая девушка, лотос – наша любовь.*

*Hôm qua tát nước đầu đình, Bỏ quên cái áo trên cành hoa sen. Em được thì
cho anh xin, Hay là em để làm tin trong nhà. Áo anh sứt chỉ đường tà, Vợ anh chưa
có, mẹ già chưa khâu. – Лотос как повод для того, чтобы любовь началась.*

*Đào tơ sen ngó xanh. Ngọc lành còn đợi giá lành đẹp duyên. – Если лотос
еще расцвет, то жди красивую любовь.*

СИМВОЛ ОДИНОЧЕСТВА:

*Chiều thánng năm nắng ngả thân cây. Hoa sen hồng mặt nước thì trong. Cây
tường vi mọc gần cây sấu. – Вечером в мае одна я, одинокая, вернулась с
воспоминанием о розовом лотосе в озере.*

*Chàng ơi! cho thiếp cho thiếp đi về. Kẻo thiếp lơ lửng như huê trên cành.
Chàng ơi cho thiếp làm quen. Kẻo thiếp lơ lửng như sen giữa hồ – Одиночество,
как лотос посреди озера.*

Таким образом, флороним лотос отражает универсальные национально-культурные смыслы, характерные для Вьетнама. Прежде всего, это символ буддизма, красоты, молодости, любви, чистоты, одиночества. Соответствующие характеристики определенным образом отражаются и в восприятии данного флоронима русскими. Хотя в России данного цветка нет,

но в силу культурного взаимодействия этот цветок известен, и его восприятие зеркально отражается в мировосприятии русских.

Во Вьетнаме и России выращиваются в основном разные цветы, поэтому флоронимы русского и вьетнамского языков имеют довольно значительные различия в лексическом составе. В случае же, если цветы идентичны, различия возникают на смысловом уровне. В структурно-семантическом плане это проявляется в вариативности макропропозициональной составляющей ФЕ с флоронимами – при тождестве микропропозиционной. Разница обусловлена национальной спецификой культуры, образа жизни, образного восприятия внешнего мира обоими народами.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Нами проанализированы русские и вьетнамские пословицы и поговорки, содержащие в себе фитонимы, и дана их классификация по критерию выражаемого данной пословицей или поговоркой оттенка значения, на основании которого сформировано три группы: ФЕ с фитонимом в составе пословиц и поговорок с положительным, отрицательным и нейтральным значениями.

Русские и вьетнамские ФЕ с фитонимом с положительным (мелиоративным) значением передают такие ценные качества, как ум, храбрость, забота, тогда как ФЕ с фитонимом с отрицательным (пейоративным) значением транслируют противоположные качества: глупость, жестокость. ФЕ с фитонимом с нейтральным значением описываются обыкновенные реалии рутинной действительности. Вьетнамских ФЕ с фитонимом с нейтральным значением количественно меньше, чем русских.

Сопоставлены образы самых распространенных цветов и деревьев в русской и вьетнамской картинах мира, которые являются конституирующими элементами ФЕ: розы, ромашки, пионы, гвоздики и

лотосы. Подробно охарактеризованы их сходства и различия в рассматриваемых непохожих языках, что обусловлено национальной спецификой культуры, образом жизни, образным восприятием внешнего мира обоими народами. Фитоним «роза» в русской концептосфере характеризуется большей многозначностью, чем соответствующий фитоним во вьетнамской концептосфере, а наименование, эквивалентное слову «ромашка», используется шире во вьетнамском языке. Значительные расхождения обнаружили образы пиона и гвоздики. Образ не растущего в России лотоса идентичен его мировосприятию в Азии. Сопоставление фразеологизмов с названиями типичных названий растений (дуб – да, береза – бамбук, елка – đào) обнаруживает некоторые сходства в символике русской и вьетнамской культуры. Они имеют аналогичные функции в языке и в культурной жизни русского и вьетнамского народов. Можно сказать, что конкретный образ жизни русского и вьетнамца различается, однако в культуре двух народов, в их миропонимании есть достаточно много общего.

Общее и отличное во фразеологии русского и вьетнамского народов находит отражение в структурно-семантических характеристиках ФЕ, содержащих в своем составе фитонимы. При различии в микропропозициональной составляющей семантики ФЕ с фитонимами «береза» и «бамбук», «дуб» и «да», «ель» и «персиковое дерево» и т.д. наблюдается общность на уровне макропропозиции, то есть совокупной семантики фразеологизма, которая не является простой суммой семантики составляющих ее элементов. С другой стороны, общность микропропозиций таких компонентов ФЕ, как фитонимы «роза», «ромашка», «пион» и так далее не препятствует существенным расхождениям в общей семантике русских и вьетнамских фразеологизмов, содержащих данные фитонимы. Анализ пропозициональной структуры фразеологических единиц, проведенный на материале ФЕ с фитосемантикой, может быть распространен и на иные в структурно-семантическом отношении фразеологические единицы.

ГЛАВА III. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ РАСТЕНИЙ КАК МАТЕРИАЛ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

3.1. Безэквивалентная и неполноэквивалентная лексика, отражающая национально-культурное своеобразие русских и вьетнамских фразеологизмов с названиями растений, в практике преподавания инострannого языка

Большое теоретическое и практическое значение всегда имело изучение межъязыковых фразеологических соответствий, поэтому многие ученые занимаются проблемой их поиска и определения. Естественно, в первую очередь межъязыковые соответствия интересуют ученых в рамках переводческого процесса. Вместе с тем, изучение межъязыковых фразеологических соответствий занимает и практиков-педагогов, преподающих иностранные языки: найти в родном языке обучаемого фразеологизм, семантически адекватный фразеологической единице изучаемого языка, крайне важно при обучении лексике и фразеологии. Кроме того, в рамках обучения иностранному языку плодотворным представляется использование такой методики, как учебный перевод, где профессия педагога и переводчика во многом оказываются идентичными.

В словаре-справочнике лингвистических терминов под редакцией О.С.Ахмановой перевод трактуется, во-первых, как сопоставление двух или нескольких языков с целью нахождения семантических соответствий между их единицами. Такое определение актуально для двуязычной лексикографии, а также для сопоставительных семантических исследований. Во-вторых, перевод рассматривается как поиск в другом языке таких средств выражения, которые способны обеспечить передачу на него не только разнообразной информации, которая содержится в конкретном речевом произведении, но и наиболее полного соответствия нового текста первоначальному по

внутренней и внешней форме. Это становится необходимым в случае художественного текста, а также для передачи на другой язык понятий, которые не получили в нем устойчивого выражения [Ахманова 1969].

В свою очередь В. Г. Гак в своей работе «Теория и практика перевода: Французский язык» говорит, что «перевод подразумевает под собой верное и полное выражение средствами одного языка того, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Гак 2009: 9]. Таким образом, в задачу перевода входит не только точное изложение содержания мыслей, которые сообщаются на языке оригинала. Перевод должен воссоздать средствами языка перевода все особенности стиля и формы сообщения.

Л.С.Бархударов отмечает, что «перевод – это процесс, при котором речевое произведение на одном языке преобразуется в речевое произведение на другом языке, при этом неизменным сохраняется план содержания, т. е. значения» [Бархударов 1975: 11].

Перевод фразеологических единиц представляет собой особую сложность. А.В.Федоров утверждает, что с точки зрения перевода исключительно важны такие черты фразеологических единиц, как степень смысловой слитности или раздельности их элементов, степень ясности или неясности мотивировки (наличие или утрата внутренней формы, образности), стилистическая окрашенность [Федоров 1983].

С. И. Влахов и С. П. Флорин обозначили те качества фразеологизмов, которые могут стать причиной трудностей при поиске переводчиком межъязыковых фразеологических соответствий. К ним относятся: раздельнооформленность, характер компонентов, которые большей частью не отличаются от обычных слов, связь между этими компонентами и контекстом, а также национальный колорит [Влахов, Флорин 2009].

Важно отметить, что перевод фразеологизмов подразумевает не только передачу семантического значения, но и сохранность коннотативных характеристик.

Несмотря на сложность данного вопроса, многие исследователи затрагивали его в своих трудах.

В.Н.Комиссаров выделяет три типа соответствий образным фразеологическим единицам оригинала [Комиссаров 2004]:

1. Фразеологические эквиваленты – когда имеется образный фразеологизм, который по всем параметрам совпадает с ФЕ оригинала.

Автор обращает внимание на то, что, во-первых, фразеологических эквивалентов сравнительно немного, а, во-вторых, когда оба языка заимствуют один и тот же фразеологизм, в одном из них его значение может поменяться, тогда эти фразеологизмы станут «ложными друзьями переводчика» на основании своего сходства по форме, но отличия по содержанию.

2. Фразеологические аналоги – фразеологизм с таким же переносным значением, как оригинал, но основанный на другом образе. Автор указывает на то, что нужно удостовериться, что при переводе не потеряются эмоциональное и стилистическое значения фразеологизма. Кроме того, В.Н.Комиссаров считает этот способ перевода неприменимым в тех случаях, когда в переводящем языке у фразеологизма ярко выражена национальная окраска.

В работе В. С. Виноградова «Перевод: Общие и лексические вопросы» также уделяется внимание переводу фразеологических единиц [Виноградов 2004]. Прежде чем приступить к переводу, он предлагает разделить фразеологизмы на три большие группы, и в зависимости от них выбрать способ перевода. Автор выделяет группы:

1. Лексических фразеологизмов. Они семантически соотносимы со словами, аналогичны им понятийно.
2. Предикативных фразеологизмов. Это, как правило, законченные предложения, которые закрепились в языке в виде устойчивых формул.
3. Компаративных фразеологизмов. Они закрепились в языке в виде устойчивых сравнений.

Автор выделяет следующие виды перевода фразеологических единиц:

1. Эквивалентный, который, в свою очередь, он делит на следующие типы:

– Неполные, частичные эквиваленты. «В языке перевода есть стилистически эквивалентное фразеологическое сочетание с близкосходным значением, равной стилистической окраской и совпадающей по характеру образности внутренней формой» [Виноградов 2004: 186].

– Однословные частичные эквиваленты – слова, соответствующие по своему значению и стилистической окраске [Виноградов 2004: 187].

2. Описательные (объяснительные) соответствия, т. е. перевод осуществляется свободными словосочетаниями.

3. Калькирование.

Что касается компаративных фразеологизмов, Виноградов отмечает два приема:

1) подбор соответствующего фразеологизма;

2) калькирование оборота оригинала.

Р.А.Юсупов говорит о трех способах передачи фразеологических оборотов:

1) дословный перевод или калькирование фразеологического сочетания;

2) полукалькирование, когда одни слова, входящие в состав сочетания, передаются дословно, другие же подвергаются изменению их вещественного значения;

3) адекватная замена фразеологических оборотов [Юсупов 2005].

В свою очередь, С.И.Влахов и С.П.Флорин в своей работе «Непереводимое в переводе» выделяют следующие приемы перевода фразеологизмов:

1. Фразеологический перевод.

а) фразеологический эквивалент;

– неполный (частичный) фразеологический эквивалент;

– относительный фразеологический эквивалент.

б) фразеологический аналог;

в) индивидуальный эквивалент.

2. Нефразеологический перевод.

а) лексический перевод;

б) калькирование или дословный перевод;

в) описательный перевод [Влахов, Флорин 2009].

Также авторы затрагивают вопрос выбора приемов перевода во фразеологии. По их мнению, данный выбор зависит от следующих факторов:

I. Особенности структуры и, соответственно, функции в речи тех или иных устойчивых сочетаний обуславливают применение различных приемов воспроизведения их в переводе.

– Устойчивые сравнения (компаративная фразеология). При переводе компаративных фразеологизмов следует учитывать образ, лежащий в основе фразеологизма. Авторы отмечают следующие способы перевода:

1) Калькирование. При таком переводе образы фразеологизмов могут не совпадать. Они либо лишены тех качеств, которые им приписывают носители языка, либо связаны с другой символикой.

2) Подмена образа своим, который более привычен для носителя.

3) Нефразеологический перевод, замена фразеологизма «свободным» сравнением, метафорой [Влахов, Флорин 2009: 200].

– Составные термины. Это периферическая группа ФЕ, в них терминологическое начало преобладает над фразеологическим, основным правилом их перевода является перевод термина термином [Влахов, Флорин 2009: 201].

– Грамматическая фразеология (морфологическая фразеология). Морфологические ФЕ находятся на границе морфологии и фразеологии. Они часто являются союзами, предлогами, частицами, междометиями, вводными словами. Обычно такие фразеологизмы переводят однословными или составными эквивалентами.

– Глагольно-именные словосочетания. Единицы этой группы близки к грамматической фразеологии, но отличаются тяготением к фразеологическому переводу [Влахов, Флорин 2009: 203].

– Фразеосхемы. От всех остальных ФЕ их отличает отсутствие постоянного компонентного состава, это скорее схемы, модели [Влахов, Флорин 2009: 203].

II. Ряд других показателей: метафоричность, структурно-семантический тип ФЕ, происхождение, колорит, «авторство», стилистическая окраска и обработка – также в значительной мере определяет прием перевода [Влахов, Флорин 2009: 205].

1) Образные / безобразные ФЕ. От образной, перевод безобразной фразеологии отличается одноплановостью: не приходится искать таких эквивалентов, которые, наряду с фразеологическим значением, имеют сходную внутреннюю форму

2) ФЕ пословичного / непословичного типа. Авторы считают, что ФЕ непословичного типа обладают формой словосочетания, а пословичного типа – предложения. В пословицах часто содержится нравоучение, которое является их стержневым компонентом, наблюдается отсутствие подобного нравоучения в единицах непословичного типа. В работе говорится о трех возможных приемах перевода пословиц:

- Пересказ, но пословица теряет свои отличительные черты: афористичность, образность, поэтический строй;

- Фразеологический перевод эквивалентом или аналогом – при таком переводе следует учитывать совпадение образов, частотность, эмоциональность, стилистическую принадлежность, совместимость с контекстом;

- Перевод пословицы по правилам обычного художественного произведения.

Авторы отмечают, что такой перевод должен сохранить содержание (мораль) исходной пословицы наряду с ее стилистическими особенностями,

экспрессивностью. «В результате работы переводчика должна появиться, так сказать, “искусственная пословица”, передающая новому читателю все то, что читатель оригинала получил от настоящей, первообразной» [Влахов, Флорин 2009: 208].

3) Национальные / заимствованные / интернациональные ФЕ. Авторы отмечают, что в основном вся фразеология, особенно образная, является национальной. К интернациональной относятся ФЕ, которые прежде были крылатыми фразами, изречениями из Библии, греческих и латинских классиков, из произведений писателей, историков, мыслителей, государственных деятелей. Для перевода происхождение этих единиц имеет лишь то значение, что они встречаются в языке многих народов (интернациональные), или пришли из других языков (заимствованные), и, следовательно, в этих языках имеются эквиваленты и/или аналоги [Влахов, Флорин 2009: 210].

4) Наличие / отсутствие колорита. Национальный колорит может быть выражен 1) специфически окрашенным компонентом или 2) характером самой единицы, которая связана с историческими или национальными особенностями народа.

5) Народные / авторские ФЕ. Выбор приема перевода в данном случае не отличается от приемов перевода для остальной фразеологии.

6) Первообразные / авторизованные ФЕ. Это такие фразеологизмы, в которых в определенных стилистических целях писатель меняет содержание или форму ФЕ: опускает или добавляет компоненты, заменяет их синонимами или антонимами, меняет их местами, «скрещивает» два фразеологизма, в конечном счете, освежая, оживляя тем или иным путем стертые или полустертые образы, на которых построено сочетание, перефразируя его, одним словом, употребляя ФЕ не в их нормативном виде [Влахов, Флорин 2009: 215].

Я.И.Рецкер в своей работе «Теория перевода и переводческая практика» выделяет перевод образных ФЕ и ФЕ, лишенных образной основы.

Говоря об образных фразеологизмах, автор выделяет четыре способа перевода:

- 1) С полным сохранением иноязычного образа.
- 2) Образная основа ФЕ сохраняется, но с определенными изменениями лексического или/ и грамматического состава.
- 3) С полной заменой образности.
- 4) Со снятием образности [Рецкер 2006: 158].

У ФЕ, лишенных образной основы, автор выделяет следующие трудности:

- фразеологические сращения не поддаются анализу.
- они одновершинны и их стержневой компонент обычно десемантизирован [Рецкер 2006: 167].

Тему фразеологической эквивалентности затрагивает также Л.М.Блинкова в статье «К вопросу о межъязыковой фразеологической эквивалентности». Автор выделяет:

- 1) полные, абсолютные структурно-семантические эквиваленты;
- 2) неполные структурно-семантические эквиваленты;
- 3) функционально-смысловые эквиваленты [Блинкова 1986: 26].

Поднимая тему перевода фразеологических единиц, А.В.Федоров предлагает обратиться к классификации фразеологизмов. Используя ее, он выделяет:

а) перевод идиом (фразеологических сращений), которые автор предлагает переводить либо соответствующими по значению целыми идиомами, либо метафорическими устойчивыми словосочетаниями (фразеологическими единствами).

б) перевод устойчивых метафорических словосочетаний (фразеологических единств). Автор говорит о том, что передача большого числа фразеологизмов оригинала облегчается наличием готовых соответствий в языке перевода. Задача перевода заключается, таким образом,

в нахождении имеющихся соответствий и выборе из их числа наиболее подходящих к данному контексту.

в) перевод переменных словосочетаний. Здесь при невозможности дословного перевода, автор предлагает прибегнуть к лексической замене или грамматической перестройке [Федоров 1983: 164].

Л. К. Байрамова предложила следующую классификацию межъязыковых соответствий:

– Абсолютно тождественные фразеологические эквиваленты. ФЕ одинаковые по стилю, семантике, грамматическим формам, лексическому составу и синтаксической структуре.

– Полные фразеологические эквиваленты. Наблюдается совпадение по стилю, семантике, лексическому составу, частичное совпадение на морфологическом или синтаксическом уровнях в силу отсутствия в одном из языков определенных категорий или закономерностей в синтаксическом строе сопоставляемого языка.

– Неполные или частичные фразеологические эквиваленты. Отмечается частичное совпадение семантических, стилистических и лексических характеристик. В то же время морфологические и синтаксические черты могут как совпадать, так и различаться.

– Фразеологические аналоги. В данном случае, фразеологизмы совпадают по смыслу, стилю. Возможно минимальное совпадение на лексическом и синтаксическом уровнях. Еще один вид аналога – совпадение ФЕ только в семантическом и синтаксических планах.

– Фразеологические полукальки. Фразеологизмы совпадают на семантическом и стилистическом уровнях. Возможно частичное совпадение на морфологическом и синтаксическом уровнях.

– Фразеологические полукальки. Наблюдается совпадение на семантическом и стилистическом уровнях, но существуют частичные различия на фонетическом уровне.

– Заимствованные фразеологизмы. Автор указывает на совпадение семантических, стилистических и фонетических характеристик; возможно полное или частичное совпадение морфологического и синтаксического плана выражения [Байрамова 1982].

Н.Л.Шадрин в своей работе «Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика» выделяет две группы фразеологических соответствий:

- 1) узуальные, которые постоянно существуют в языковой системе;
- 2) окказиональные, которые переводчик сам подбирает или создает для какого-то конкретного случая, используя как фразеологические, так и нефразеологические средства.

В свою очередь узуальные фразеологические соответствия делятся на:

- 1) эквиваленты;
- 2) аналоги. Автор говорит, что аналогов может быть несколько. Утрата национального колорита при переводе аналога неизбежна.

3) синонимические соответствия:

а) одноструктурные, построенные по одной и той же грамматической модели, но, в отличие от аналогов, расходятся не только составом своих лексических компонентов, но и оттенками значения или стилистической окраской»;

б) разноструктурные, в основном совпадающие по семантическому наполнению и стилистической характеристике, но имеющие неодинаковую грамматическую структуру;

4) константное лексическое соответствие – постоянный однословный переводческий эквивалент фразеологизма [Шадрин 1991].

Следует отметить, что данный вид перевода Шадрин Н.Л. относит к нефразеологической узуальной категории.

По мнению исследователя, окказиональные фразеологические соответствия бывают следующих видов:

1) фразеологический контекстуальный аналог. «Этот вид соответствия является равноценным субститутутом узуального фразеологического соответствия, когда употребление последнего оказывается по какой-либо причине невозможным или нежелательным» [Шадрин 1991: 32].

2) лексико-фразеологический контекстуальный аналог. В данном случае «для создания контекстуального аналога требуется привлечение не только фразеологических, но и лексических средств» [Шадрин 1991: 33].

3) калька – вид окказионального соответствия при переводе фразеологических единиц. Такой вид перевода применяется тогда, когда внутренняя форма переводимого выражения достаточно прозрачна, т. е. не отражает национальные реалии, не содержит лексических архаизмов, а образность выражения воспринимается легко иноязычным читателем, при этом не вызывает впечатления искусственности или нарушения норм переводящего языка [Шадрин 1991: 33].

4) окказиональное лексическое соответствие – передает конкретное контекстуальное значение исходной фразеологической единицы [Шадрин, 1991:34].

5) описание – заключается в раскрытии значения переводимой единицы иностранного языка с помощью переменного словосочетания или предложения. При этом денотативное содержание фразеологизма воспроизводится правильно, но теряется его образность и своеобразие стиля.

Е.Ф.Арсентьева в своем исследовании «Сопоставительный анализ фразеологических единиц» выделяет следующие типы межъязыковых отношений:

1. Фразеологические эквиваленты.

– полные;

– частичные, подразделяющиеся на:

а) ФЕ, которые различаются только одним компонентом смежной семантики;

б) ФЕ, которые различаются одним компонентом смежной (несмежной) семантики, но при этом имеют также варьируемые компоненты;

в) ФЕ, которые имеют некоторые морфологические различия в употреблении числа, предлога, имени существительного и т. д.

2. Фразеологические аналоги:

– обладающие приблизительным сходством структурно-грамматической организации при одной одинаковой лексеме в компонентном составе;

– обладающие приблизительным сходством структурно-грамматической организации при разном компонентном составе;

– обладающие разной структурно-грамматической организацией при разном компонентном составе;

– частичные аналоги, которые приблизительно схожи по значению, но разнятся в плане компонентного состава и имеют разную или характеризующуюся приблизительным сходством структурно-грамматическую организацию.

3. Безэквивалентные фразеологические единицы, среди которых автор выделяет:

– калькирование;

– дескриптивный перевод;

3) Лексический способ перевода [Арсентьева 1989].

На основании анализа работ отечественных лингвистов можно сделать вывод, что целесообразно выделить следующие виды узуальных межъязыковых соответствий:

– фразеологические эквиваленты.

– фразеологические аналоги.

Безэквивалентные фразеологические единицы, в свою очередь, можно перевести на другой язык с помощью калькирования, дескриптивного, лексического и комбинированного перевода.

Согласно Н.Л.Шадрину, под фразеологическими эквивалентами понимаются фразеологизмы двух языков, которые совпадают по стилистическим характеристикам, денотативному содержанию, грамматической структуре и составу знаменательных компонентов [Шадрин 1991].

С. И. Влахов и С. П. Флорин определяют фразеологический эквивалент как фразеологизм, который равноценен по всем показателям переводимой единице. Как правило, он должен обладать теми же денотативными и коннотативными значениями вне зависимости от контекста [Влахов, Флорин 2009].

Е.В.Крепкогорская, занимавшаяся вопросом перевода ФЕ с фитокомпонентами в составе, считает полными эквивалентами такие ФЕ, у которых происходит совпадение сигнификативно-денотативного и коннотативного компонентов значения, компонентного состава и структурно-грамматической организации [Крепкогорская 2012].

Важное значение для педагога, использующего методику учебного перевода, имеет мнение Нуен Суан Хоа, который полагает, что, «объясняя значение безэквивалентных и неполноэквивалентных ФЕ, достаточно подсказать, что во вьетнамском языке есть такие же образные выражения, и попросить найти их» [Нуен Суан Хоа 1996].

Вьетнамский фразеологизм *trái cấm* имеет в русском языке полный эквивалент *запретный плод*. У обеих единиц есть общий библейский источник – притча об Адаме и Еве. Фразеологизмы обладают одинаковым компонентным составом и структурно-грамматической организацией.

Есть русские и вьетнамские фразеологизмы, у которых значения совпадают по сигнификативно-денотативным и коннотативным макрокомпонентам, например: *trong trắng như hoa ly* – *чиста, как лилия; красный, как свекла* – *đỏ như củ cải đỏ*. Оба фразеологизма относятся к книжным фразеологизмам. Они являются компаративными со структурой прил.+ сравнительное слово +сущ.

К частичным эквивалентам можно отнести следующие ФЕ: «*có cây có trồng có trồng có ăn*» – «не вырастишь овощей – не сварить и щей». Они совпадают по сигнификативно-денотативному значению, положительной оценочной коннотации, относятся к межстилевым единицам. А по компонентному составу и структурно-грамматической организации не совпадают.

Следующие фразеологизмы *ngủ trên đỉnh vinh quang* и *почивать на лаврах* имеют одинаковое значение: «успокоиться на достигнутом». Структурно-грамматическая организация вьетнамского и русского фразеологизмов совпадает: гл.+пред.+сущ.. Оба фразеологизма относятся к книжным ФЕ. Небольшие различия в семантике компоненты «*ngủ quên*» и «почивать».

Ngủ quên: просыпать [Вьетнамско-русский словарь 1961].

«Почивать» - «отдыхать, покоиться, пребывать в покое, бездействии» [Ожегов 1991: 734].

Различные культурные обычаи, способы мышления и условия жизни народов разных стран привели к появлению фразеологических единиц, которые не имеют соответствий во фразеологической системе другого языка. Такие ФЕ большинство ученых относят к классу безэквивалентных ФЕ.

Из-за отсутствия во Вьетнаме определенных видов растений многие слова не вызывают у нас нужных ассоциаций для понимания образных выражений: ФЕ *хрен редки не слаще, дешевле пареной репы* непонятны, так как вьетнамцы не знают, что хрен и редька имеют горький вкус, а репа – дешевые и доступные продукты в России.

Учебный перевод как один из видов работы должен основываться на разработанной лингвистами и переводоведами теории перевода фразеологизмов – только в этом случае можно реализовать лингводидактический потенциал фразеологической единицы. Теория безэквивалентной (неполноэквивалентной) лексики и фразеологии помогает

определить приоритеты в формировании языкового материала, подлежащего изучению.

3.2. Русские фразеологизмы с названиями растений в преподавании русского языка вьетнамским учащимся

Изучение ФЕ с названиями растений актуально, и студенты к этой теме проявляют особый интерес. Незнание русской фразеологии значительно затрудняет восприятие смысла прочитанного или услышанного, по этой причине необходимо постоянно расширять круг изученных устойчивых сочетаний. Сопоставление русских и вьетнамских устойчивых сочетаний помогает правильно организовать материал, который может быть востребован при преподавании иностранного языка. Например, можно сгруппировать определенные группы фразеологизмов обоих языков по степени их близости.

При работе с фразеологизмами русского языка во вьетнамской аудитории можно сразу заметить, что очень многое из того, что ясно и понятно всем русским, совершенно непонятно нашим студентам, особенно когда в этих фразеологических единицах отражены чуждые реалии, обычаи, условия жизни, труда. Поэтому обучение вьетнамцев русской фразеологии всегда требует особенного подхода [Ву Тхань Там 2016].

Сопоставляя фразеологизмы таких разных языков, как русский и вьетнамский, целесообразно учитывать следующие их признаки: семантику, образность (внутреннюю форму) и стилистическую окраску. Особенно следует обратить внимание на обороты, содержащие национальные реалии, связанные с определенными событиями отечественной истории, традициями и ремеслами русского народа и т.п. Подобные ФЕ, безусловно, нуждаются в лингвострановедческом и лингвокультурологическом комментариях. Их целесообразно выделять в особые группы. Если русские фразеологизмы, содержащие национально-культурный компонент, имеют в сравниваемом с

ним языке частичные эквиваленты, т.е. обороты с тем же значением и стилистической окраской, то следует указать их различия. Это позволит студентам яснее увидеть национальное своеобразие фразеологизмов русского и родного языков.

Данный параграф работы основан на материалах, извлеченных из следующих словарей: Вьетнамско-русский словарь [Ошанин И.М., Ву Данг Ат 1961], Русско-вьетнамский словарь [Аликанов К.М., Иванов В.В. 2002], Словарь русского языка: 70000 слов [Ожегов С.И. 1991], Фразеологический словарь русского языка [Федосов И.В., А.Н. Лапицкий 2003], Лексико-фразеологический словарь русского языка [Жуков 2003], Большой энциклопедический словарь [Прохоров 2002], Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь [Фелицына В.П., Мокиенко В.М. 1990], Русская фразеология. Словарь-справочник [Яранцев 1997], Từ điển giải thích thành ngữ tiếng việt - Фразеологический словарь вьетнамского языка [Nguyễn Như Ý 1998], Ca dao tục ngữ Việt Nam - Вьетнамские фразеологизмы и пословицы [Vũ Ngọc Phan 2010], Ca dao tục ngữ trong tiếng việt - Фразеологизмы и пословицы во вьетнамском языке [Nguyễn Hoàng Phương 2009], Русско-вьетнамский словарь. Научный стиль речи [Василишина, Леонова, Чьонг Хонг Хиеу 2005].

При сравнении русских и вьетнамских фразеологизмов выделяются следующие группы по степени их сходства:

1 группа – полные эквиваленты, т.е. обороты с одинаковым значением, одинаковой стилистической окраской и одинаковой внутренней формой, или образом. Нетрудно заметить среди фразеологизмов русского и вьетнамского языков пары полностью идентичных единиц, которые не только основаны на одном и том же образе, но и часто имеют эквивалентный лексический состав.

Русские ФЕ	Вьетнамские ФЕ
Спрятаться в <i>кусты</i>	Trốn tiệt vào bụi rậm

Запретный <i>плод</i>	Trái cấm
Сердце обросло <i>мохом</i>	Trái tim rêu phong
Дрова в <i>лес</i> возить	Chở củ về rừng
Расти как <i>грибы</i>	Mọc lên như nấm
Выжатый <i>лимон</i>	Trái chanh vắt kiệt
За деревьями не видеть <i>леса</i>	Thấy cây mà không thấy rừng
Где <i>цветы</i> , там бабочки	Ở đâu có hoa ở đây có bướm
Гни <i>дерево</i> , пока оно молодо, ребенка учи, пока он не вырос	Uốn cây từ thuở còn non, dạy con từ thuở con chưa biết gì
<i>Дерево</i> смотри в плодах, а человека в делах	Nhìn quả biết cây nhìn việc làm biết người
За один раз <i>дерева</i> не срубить	Chặt 1 nhát sao phạt đổ cây
Лес по <i>дереву</i> не плачет	Cả rừng không khóc tiếc 1 cây
Каков корень, таков и <i>плод</i>	Rễ nào quả ấy
Дернешь лиану – взбудоражишь весь <i>лес</i>	Rút dây động cả rừng
Нет <i>розы</i> без шипов	Hồng nào hồng chẳng có gai

Такие непохожие языки, как русский и вьетнамский, с ограниченными в прошлом контактами и связями между народами-носителями, кажется, не должны были бы иметь полностью эквивалентных ФЕ, но наблюдения над схожими явлениями действительности послужили основой для появления одинаковых оборотов в обоих языках. Кроме этого, эту группу пополняют заимствованные из одного источника фразеологизмы. Устойчивые сочетания, входящие в первую группу, легче всего усваиваются иностранными учащимися, именно с них целесообразно начинать знакомство иностранных студентов с русской фразеологией.

Во II группу входят частичные эквиваленты, которые имеют одинаковое значение и стилистическую окраску, но различаются внутренней

формой, т.е. использующие иной образ. Различия в образе и, следовательно, в составе лексических компонентов могут быть не очень большие, поэтому некоторые пары русских и вьетнамских фразеологизмов располагаются как бы на границе I и II, например:

Русские ФЕ	Вьетнамские ФЕ
Гадать на <i>бобах</i>	Bói bằng hoa (гадать по цветкам)
Голова <i>еловая</i>	Đầu óc bã đậu (голова боба)
<i>Чай</i> да сахар	Trà thuốc (чай и сигареты)
Развесистая <i>клюква</i>	Trái bí to bằng đình làng (тыква большая, как пагода)

Отметим, что для выражения одного и того же значения в русском и вьетнамском языках используются совершенно разные образы. И основную часть II группы составляют ФЕ, имеющие существенные различия в образах и, следовательно, в составе лексических компонентов:

Русские ФЕ	Вьетнамские ФЕ
Волков бояться – в <i>лес</i> не ходить	Không vào hang hổ sao bắt được hổ (не ходить в лес, не поймать тигра)
Не вырастишь <i>овощей</i> – не сварить и щей.	Có cấy có trồng, có trồng có ăn (где посажено и растет, там есть рис)
Красен, как <i>свекла</i>	Đỏ như cà chua (красный, как помидор)
<i>Хрен</i> редьки не слаще	Chanh chua thì khế cũng chua (не только лимон, но и кхе тоже кислый)
Это еще <i>цветочки</i> , а ягодки впереди	Sinh hoa khó một kết trái khó mười (плодоношение труднее цветения в 10 раз)

Дрожать, как <i>осиновый лист</i>	Im như thóc (молчать, как рис)
Желтый, как <i>лимон</i>	Vàng như nghệ (желтый, как куркума)
Не жизнь, а <i>малина</i>	Nơi hoa thơm cỏ ngọt (место, где ароматные цветы, сладкие травы)
<i>Не дерево</i> ищет птицу, а птица дерево	Cọc đi tìm trâu (сваи в поисках буйволов)
Худую (дурную, сорную) <i>траву</i> из поля вон. Худая (дурная) <i>травка</i> из поля вон	Ruộng sinh cỏ dại thì phải trừ ngay (подкашивать траву следует сразу)
<i>Яблоко</i> от яблони недалеко падает	Cây nào quả ấy (каково дерево, таков и его плод)

Русские и вьетнамские фразеологизмы, имеющие одинаковое значение, могут различаться не только внутренней формой, но и стилистической окраской. Такие обороты относят к III группе. Установленные нами стилистические различия русских и вьетнамских фразеологизмов касаются, в основном, просторечной или разговорной окраски:

Русские ФЕ	Вьетнамские ФЕ
Дети – <i>цветы</i> жизни (книжн., посл.)	Trẻ con là hoa của đất (общеупотр.) – дети – живые цветы земли
Как свинья в <i>апельсинах</i> (разг.)	Nước đổ lá khoai (прост.) – как воду лить на листья таро
Горе <i>луковое</i> (прост. шутил.)	Giảm phải gai mùng tơi (разг.) – шипы шпината
Свеженький, как <i>огурчик</i> (разг. экспрес.)	Tươi như hoa (прост.) – свежий, как цветок)
<i>Трава</i> травой, как <i>травка</i> (разг.)	như nhai rơm (прост.) – пресный, безвкусный, как солома

К группе IV относятся русские и вьетнамские ФЕ, совпадающие или очень близкие по своему значению и, следовательно, по образу, но имеющие незначительные для смысла оттенки в силу неизбежной разницы в их лексическом и грамматическом устройстве. Например:

Русские ФЕ	Вьетнамские ФЕ
Как горькая <i>редька</i> – о ком о чем-н. очень надоевшем, противном	Như cải đắng (как очень горькая капуста) – не очень приятно
Как <i>дубок</i> – здоровый, сильный мужчина	Cây đa cây đề (как дуб и да) – опытный человек
Дать <i>перцу</i> (о чем-н. остроумном и язвительном)	Ăn ớt (кушать перец) – злиться, бранить кого-то.

Так, ФЕ в III, и особенно в IV группах требуют к себе особенного внимания изучающих русский язык как иностранный из-за интерференции, о которой студенты и не подозревают.

Сложны для восприятия и усвоения иностранными студентами и ФЕ V группы, содержащие разнообразную страноведческую и лингвокультурологическую информацию, устаревшие формы и т. п.

Комментирование таких оборотов не только расширяет лингвокультурологические знания иностранных учащихся, но и проясняет внутреннюю форму ФЕ, помогает воспринимать их эмоционально-экспрессивную окраску как основу реализации их образно-стилистической функции, наконец, способствует лучшему их запоминанию. ФЕ этой группы могут иметь в другом языке определенные соответствия. Приведем некоторые примеры:

Русские ФЕ	Вьетнамские ФЕ
В поле <i>пшеница</i> годом родится, а добрый человек всегда пригодится	Lúa mì mọc ở ngoài đồng người mà tốt bụng thì không có thừa – на поле

	растет много пшеницы, а добрых людей немного
Любить до самой <i>березки</i>	Yêu đến chết – любить до смерти
Дать <i>дуба</i> (собств. русск. ср. задубеть – умереть)	Về trời – уйти в небо
Темный <i>лес</i> (связано с огромной лесной территорией в России и знанием особенностей леса русских людей)	Mít đặc, không biết mô tê gì – полная неясность
Оставляя на <i>бобах</i> (исконно русск.: боб как самый дешевый продукт)	Tay trắng vẫn hoàn tay trắng – с пустыми руками
Закопать свои деньги на <i>поле</i> чудес (крылатое выражение из сказки А.Толстого «Золотой ключик»).	Há miệng chờ sung – подождать, когда плод созреет и сам упадет
Проще пареной <i>репы</i> (связанный с крестьянским бытом. Пареная репа была наиболее частой «постной» едой)	Đễ như chớ bàn tay – просто, как поворот руки
Хуже горькой <i>редьки</i> (На Руси часто редьку ели в долгие посты, и тогда редька надоедала)	Chán như cơm nếp nát – (как) липкий рис

Знакомство с фразеологизмами этой группы помогает расширить знания иностранных студентов о лингвокультурологии и страноведении, связанных с национальной русской традицией.

Наконец, VI группу образуют русские фразеологизмы, эквиваленты которых отсутствуют во вьетнамском языке (безэквивалентные ФЕ).
Примеры:

Арбуз поднести (дать) кому (народн., ирон.). Отказать жениху при сватовстве. 1. Выражение – формула отказа при сватовстве, где рус. диал.

Арбуз не ‘арбуз’, а то же что укр. *Гарбуз* ‘тыква’. 2. Русское выражение – заимствование из укр. *Дістати гарбуза* с целым рядом производных и вариантов: *дати гарбуза, покуштувати гарбуза* и т.п. 3. На семиотическом уровне оборот *поднести арбуз* интерпретируется как конкретизация более общего негативно осмысливаемого этнокультурного символа «пустоты».

Березовая каша (устар.). Розги.

Дать березовой каши. Наказать розгами; выпороть; высечь.

Вот так клюква (прост.). Восклицание удивления при неприятной неожиданности.

Антик с звездикой (уст.). Сама прелесть, восторг. Шутливое выражение похвалы, высшей степени и восхищения кем-либо или чем-либо.

Съесть гриб. (устар., прост., ирон. или шутл.). Не добиться желаемого, обмануться в расчетах, ожиданиях.

Все тын-трава. Все нипочем не имеет значения; никак не трогает, не волнует.

Елки-палки. (прост.). Выражение досады, восхищение, недоумение и др.

Таскать каштаны из огня для кого, кому (ирон.). Выполнять очень трудную или опасную работу, результатами которой пользуется другой.

Лавры спать не дают кого, чьи кому. Кто-либо испытывает чувство острой зависти к чьему-либо успеху

Не картошка (шутл.). Не пустяк, не шуточное дело.

Заблудиться в трех соснах. Не суметь найти выход из самого простого затруднения.

Срывать цветы удовольствия. Беспечно предаваться радостям жизни.

Елки зеленые (прост., часто шутл.). Восклицание удивления или досады. Выражение исключительно русское. Связано с тем, что до революции на кабацких вывесках изображались еловые ветки.

Венчали вокруг ели; Венчать вокруг ели (раKITОВОГО куста) (народн., шутл., ирон.). О невенчаной чете. Выражение восходит к языческому обряду

венчания. Молодой паре надо было обойти вокруг ели или ракитового куста для освящения брака языческими божествами. С принятием христианства обряд начал восприниматься скептически и подвергся осмеянию.

Хмель вышибло у кого кто-либо «совершенно отрезвел». О внезапном отрезвлении.

Земляное (чертово) яблоко (народн. или. публ.). Картофель. Картофель был завезен в Европу из южной Америки в середине XVI в. В России он стал культивироваться с XVIII в. В народе его прозвала чертовым яблоком, так как его ели первоначально в сыром виде и поэтому болели.

Северное яблоко (народн.). Репа. В народных севернорусских говорах яблоком называют репу. [Лутовинова 1997: 238].

Содомское (чертово) яблоко (народн., неодобр.). Картофель. Название, данное картофелю крестьянами, не признававшими заморского корнеплода. Прил. Содомский – от названия библейского города Содом, снискавшего дурную известность греховностью своих жителей [Лутовинова 1997: 240].

Яблоко раздора между кем-чем-либо, (книж.). Повод, причина ссоры, споров в серьезных разногласиях.

Такого рода ФЕ можно отнести к категории безэквивалентных. К **безэквивалентным** фразеологическим единицам относятся, прежде всего, обороты с этнокультурным своеобразием и метафорическим переосмыслением реалий из традиционного быта, жизни русского народа, которые в силу этого не имеют аналогов в другой культуре.

Сопоставительный анализ русских и вьетнамских ФЕ показывает, что преобладают безэквивалентные фразеологизмы (30%), что объясняется этнокультурной особенностью быта народов. В процессе преподавания русского языка такого рода фразеологизмы нуждаются в подробном лингвокультурологическом комментарии, который должен касаться семантики как составляющих фразеологизма (в нашем случае – фитонима), так и его совокупной семантики.

3.3. Классификация фразеологических единиц с названиями растений по частотности употребления в русском и вьетнамском дискурсе

Как известно, в процессе преподавания иностранного языка особое значение приобретает освоение учащимися наиболее частотных лексических и фразеологических единиц, которые войдут в ядро лексикона формирующегося билингва. Поэтому в процессе преподавания русского языка вьетнамским учащимся крайне важной процедурой является выделение корпуса наиболее частотных ФЕ русского языка и нахождение им адекватных вьетнамских эквивалентов.

Группы фразеологических единиц с названиями растений рассматриваются нами в Национальном корпусе русского языка и в Интернете. Принятый нами в настоящей работе способ группировки – группировка ФЕ по частотности употребления, где идентификатором служит статистический количественный показатель, определяемый поисковой системой автоматически.

Высокочастотными мы можем назвать ФЕ, фигурирующие в различных контекстах и обнаруженные в разных поисковых системах в определенном числе контекстов, среднечастотными – ФЕ, функционирующие реже, а низкочастотными – найденные в двух и одном контекстах.

В лингвокультурологии вопрос частотности ФЕ рассматривается с течением времени на весьма разнообразном материале, начиная с письменных источников, заканчивая опросом информантов.

Анализ ФЕ по частотности употребления является довольно неоднозначным, так как на точность анализа здесь оказывает воздействие целый ряд факторов [Лафта Аднан Хабиб 2011].

Задача нашего исследования интересна именно тем, что за основу анализа берется Интернет-ресурс. В данном случае мы имеем дело со всеми типами текстов. Тесты из блогов часто могут быть близки к разговорной речи, но при этом Интернет-ресурсы насчитывают немало научных,

публицистических и художественных текстов. Кроме того, все вышеназванные авторы обращали внимание на гендерные и возрастные факторы, отмечая, что молодежь гораздо чаще изменяет пословицы, чем люди более зрелого возраста, даже в художественных текстах, при этом при изучении вопроса частотности пословиц следует не забывать о субъективности.

К высокочастотным могут быть отнесены следующие пословицы:

лавры спать не дают (71 млн.)

Целую неделю он ездил ночами по этому немирному месту, медленно, методически, и в клубе говорили: рисуется, Якубовича лавры спать не дают. Выстрелов больше не было, и он сожалел. Время оседлать жеребца. Тейрань его ждала, последний страх [Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928)];

ёлки зеленые (67 млн.)

Ну надо же — сбежал! — изумился Егор. — Всегда бы так, ёлки зелёные! А то ведь, когда хочешь подорвать, попадаешься, как ребёнок. [Василий Шукшин. Калина красная (1973)];

дать дуба (62 млн.)

Тем более, что в России и наш природный бродяга запросто может дать дуба от мороза. [Бандиты из Африки (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.08];

как грибы после дождя(56 млн.)

И как грибы после дождя выросли многочисленные лавчонки, разного рода «забегаловки» [С. Шушпанов. Дореволюционная служба быта г. Уфы // «Бельские Просторы», 2010];

большая шишка (52 млн.)

Там ждал их тяжелораненый генерал из Москвы — большая шишка, перевозить которого было крайне опасно. [Вацлав Михальский. Храм Согласия (2008)];

проще пареной репы (51 млн.)

Ответ проще пареной репы: потому, что мир обещает нам в ответ уважение наших заблуждений. [коллективный. Форум: Православие и «Русский марш» (2012)];

как банный лист (49 млн.)

- Что ты пристал как банный лист к заднице! [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013];

не фунт изюму (39 млн.)

И зарок. Не фунт изюму. Не сладкий пирог. [В. Д. Алейников. Тадзимас (2002)];

крепкий орешек (27 млн.)

Роман «Бесы» — крепкий орешек для кинематографистов, было несколько экранизаций, но, кажется, ни одной эталонной. [Владимир Хотиненко, Сергей Мещеряков. «У нас реальность переплетается с романом» // «Огонек», 2014];

яблоку негде упасть (26 млн.)

Если в толпе яблоку негде упасть, то и ты вряд ли упадешь. [Денис Подоляк. Нас много! Толпимся с умом (2004) // «Хулиган», 2004.06.15];

К этой группе относятся вьетнамские ФЕ, такие как:

quýt làm cam chùi (букв. мандарин творит что-то, а апельсин терпит) – один человек совершает поступок, а другой получит результат;

rẻ như bèo (букв. дешевый, как водяной салат) – очень дешевый;

com áo gạo tiền (букв. рис одежда деньги) - обозначают «необходимые условия для повседневной жизни»;

mũi dọc dừa (букв. кокосовый нос) – прямой нос;

anh hùng rơm (букв. герой солома) – человек выглядит как герой, а на самом деле очень трусливый;

đẹp như hoa (букв. красивый, как цветок) – красивая девушка.

cùi bắp (букв. капуста) – ничего не знать.

Видно, что большинство русских и вьетнамских высокочастотных ФЕ употребляются в разговорной речи. Кроме того, в контекстах может

встретиться любой компонент ФЕ, а также вышеперечисленные ФЕ легко подвергаются трансформации. При этом мы видим, что они функционируют как в художественных текстах, так и в публицистических, а также в текстах разговорного характера.

Среднечастотные ФЕ представлены меньшей по объему группой:

изрубить в капусту (12 млн.)

*А, вы хотите напасть на них врасплох, **изрубить в капусту** стражников, как берсерк врезаться в толпу, убивая направо и налево, найти Жана с Лицей и Мечом Без Имени проложить дорогу назад?* [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)];

ободрать, как липку (10 млн.)

*Это нынче модно — о народе «порадеть», о нем родимом, а жалеючи, **ободрать как липку**.* [Александр Яковлев. Омут памяти. Т.2 (2001)];

яблоко раздора (20 млн.)

Яблоко раздора между всех огней — вот какая участь выпала Торжку. [Людмила Свистунова. Маленький Торжок как зеркало русской души // «Зеркало мира», 2012].

К данной группе относятся такие вьетнамские ФЕ, как:

nhà không trẻ như hoa không hương (букв. Без детей не будет счастливой семьи) – дети – это счастье, радость для родителей;

nâng như nâng trứng hứng như hứng hoa (букв. подхватить как цветы) – беречь кого-то надо очень бережно и любовно;

tránh vỏ dưa gặp vỏ dừa (букв. выбрасывать арбуз, получить кокос) – несчастный человек;

Hot ho hot hao như mất số gạo (букв. куда торопишься, как будто потерял рисовую книжку).

Низкочастотные ФЕ – это небольшое количество примеров, но они отличаются разнообразием, широтой ассоциативных значений:

развесистая клюква (9 млн.)

Такая она, *развесистая клюква*, умеющая угодить всем, от малыша до любителя посидеть за рюмочкой. [Святослав Логинов. Марш-бросок по ягодным палестинам // «Наука и жизнь», 2007];

свеженький, как огурчик (7 млн.)

Я, конечно, принял угля и наутро встал *свеженький как огурчик*, даже позавтракал, держась подальше от орехов. [Михаил Кирцер. Тратат о лечении людей углем (1997) // «Столица», 1997.09.29];

К данной группе относятся такие вьетнамские пословицы, как:

trẻ con là hoa của đất - дети – цветы жизни;

cây cao bóng cả (букв. высокое дерево – большая тень) - человек имеет право и защитить другого человека;

thấy cây không thấy rừng (~ за деревьями не видеть леса) - обращая внимание на второстепенное, не замечать главного.

В художественных и публицистических текстах их встречается сравнительно немного. Анализ ФЕ с названиями растений по частотности употребления является актуальным, так как полученные результаты свидетельствуют о частотности употребления ФЕ, обусловленной рядом факторов.

3.4. Русские и вьетнамские ФЕ с названиями растений в функции заголовка как материал при преподавании иностранного языка

Предполагается, что в процессе преподавания иностранного языка одной из основных форм материала является текст – публицистический, научный, художественный. Как феномен многоуровневый, текст есть отличный материал для изучения лексики, грамматики, стилистики. Поскольку фразеология является неотъемлемой частью языка, она составляет обязательный пласт любого текста, но, в силу своей эмотивной «нагруженности», чаще всего тяготеет к тому, что называется «сильными» позициями текста. Одной из таковых является заголовок, где наблюдается

частое присутствие фразеологизма. Поскольку же заголовок представляет собой «свернутый текст», своего рода код, на основе которого происходит его дальнейшая семантизация, осмысление включенного в заголовок фразеологизма представляется крайне актуальной задачей – без его «дешифровки» невозможно и понимание текста.

На основе заголовков различного рода текстов нами были проанализированы ФЕ, содержащие в себе компоненты **тростинка, ветка, ягода, одуванчик, горох, бор, елка, плод, изюминка.**

ФЕ с названиями растений предлагаем классифицировать по критерию тематики, которой посвящены статьи журналов. В связи с этим выделим следующие группы:

1. Внешность (физические характеристики).

ФЕ *быть, как тростинка* употребляется чаще всего применительно к внешности женщины, используется для того, чтобы подчеркнуть ее стройность:

Как тростинка: 67-летняя Алла Пугачева впечатлила результатом похудения (URL: <https://golbis.com/pin/kak-trostinka-67-letnyaya-alla-pugacheva-vpechatlila-rezultatom-pohudeniya-2/>)

Беременная Айза Анохина и «тростинка» Алена Шишкова на вечеринке салона красоты (URL: <https://www.cosmo.ru/stars/news/15-09-2016/beremennaya-ayza-anohina-i-trostinka-alena-shishkova-na-vecherinke-salona-krasoty/>)

Чешская топ-модель Петра Немкова (Petra Nemcova) никогда не была тоненькой, как тростинка (URL: <http://www.cosmo.ru/fashion/shopping/lyublyu-tebya-petry-tvorene>).

Но не во всех случаях тростинка означает позитивную оценку внешности:

Руки – веточки и шея – тростинка: Алена Шишкова становится похожа на прищельца (URL: <http://www.cosmo.ru/stars/news/18-08-2016/ruki-vetochki-i-sheya-trostinka-alena-shishkova-stanovitsya>)

pozhza– na– prishelca). Сравнение модели с пришельцем в этом примере подчеркивает отношение автора статьи к ее чрезмерной худобе.

Как тростинки: поклонники раскритиковали слишком худые ноги Алены Шишковой (URL: <http://www.cosmo.ru/stars/news/23-04-2016/kak-trostinki-poklonniki-raskritikovali-slishkom-hudye-nogi-aleny-shishkovoy>). Здесь критика слишком маленькой массы тела становится эксплицитной: об этом говорит употребление в заголовке глагола «раскритиковали» и наречия «слишком».

Как тростинка! Кейт Миддлтон продолжает удивлять чрезмерной худобой (URL: <http://www.cosmo.ru/stars/news/10-06-2016/kak-trostinka-keyt-middleton-prodolzhaet-udivlyat-chrezmernoj-hudoboy>). Употребление выражения «чрезмерная худоба» позволяет судить о том, что ФЕ «как тростинка» несет в заголовке негативную оценку стремления героини статьи к стройности.

Тростинка Лесли Хорбни стала виновницей моды на нездоровую худобу, мир поразил «синдром Твигги»

(URL: <http://www.cosmo.ru/fashion/trends/korotko-o-mode/>).

Очевидна тенденция употребления ФЕ *быть как тростинка* для обозначения осуждающей позиции автора статьи по отношению к стремлению многих публичных людей (а вслед за ними, и читательниц) к худобе. Эта тенденция становится своеобразным подтверждением общественного мнения относительно массового похудения и моды на худые анорексичные тела. Публицистика, а в особенности женский журнал, становится проводником идеи о том, что подобного рода внешность больше не в моде.

Как мы видим, под влиянием исторически складывающихся общественных тенденций происходит смена оттенка значения ФЕ, которая уже давно и прочно существовала в языке.

ФЕ *с изюминкой* и различные ее вариации часто употребляются в заголовках для обозначения каких-либо выдающихся нюансов внешности.

Изюминкой в русском языке называют своеобразную прелесть, остроту.

В Большом толковом словаре современного русского языка Д.Н.Ушакова *изюминка* обозначается как «живое, яркое своеобразие, придающее кому-н., чему-нибудь привлекательность, остроту».

Словарь русских синонимов приводит следующие синонимы к *изюминке*: *хитрость, соль, изюмина, пикантность, секрет, секретка, перец, прелесть, фокус, сложность, острота* [Абрамова 2006].

Вероятно, такое значение *изюминка* приобрела в русском языке в связи с тем, что издревле изюм не был для русского человека типичной пищей, это был чужой, заморский продукт. С тех пор все необычное, не укладывающееся в рамки базового мировоззрения русского человека стало называться *с изюминкой*.

Рассмотрим на примерах, как значение этого фразеологизма реализуется в контексте журнального заголовка:

*Звезды с неправильной формой носа: недостаток или **изюминка**?*
(URL: http://www.cosmo.ru/beauty/star_beauty/zvezdy-s-nepravilnoy-formoy-nosa-nedostatok-ili-izyuminka).

*Родинки: дефект или **изюминка**?* (URL: <http://www.cosmo.ru/beauty/body/rodinki-defekt-ili-izyuminka>).

Изюминка в обоих примерах стоит в оппозиции к контекстуальным антонимам «недостаток» и «дефект». Очевидно, что ФЕ имеет положительную коннотацию, она нацелена на привлечение внимание читательницы к проблемам недостатков внешности и отношения к ним в обществе.

К данной группе мы относим такие вьетнамские ФЕ, как:

Đẹp như hoa hồng (красивый, как роза) :

Đẹp như hoa hồng (URL: <https://thanhvien.vn/doi-song/dep-nhu-hoa-hong-63372.html>);

Đẹp như hoa hồng, cứng như sắt thép... (URL: <https://anninhthudo.vn/doi-song/dep-nhu-hoa-hong-cung-nhu-sat-thep/772849.antd>);

Xanh như tàu lá chuối (зеленый, как банановые листья) при описании больного человека:

Cận cảnh những động vật "xanh như tàu lá chuối" (URL:<http://kenh14.vn/kham-pha/can-canh-nhung-dong-vat-xanh-nhu-tau-la-chuoi-20120103042920560.chn>);

Gầy như cây sậy (тощий, как тростник);

Đường Yên lộ chân "gầy như cây sậy" (URL:<https://ngoisao.vn/dep/dep-nhu-sao/duong-yen-lo-chan-gay-nhu-cay-say-180592.htm>).

2. Внешность (одежда, прическа, украшения и т.п.).

Фитокomпонент *одуванчик* символизирует в сознании русского человека солнце, легкость, чистоту, воздушность. Последняя характеристика со временем была перенесена на элемент внешности человека – волосы:

Девочка-одуванчик (URL: <http://www.cosmo.ru/beauty/hair/blizhe-k-zvezdam-1924>).

ФЕ *как новогодняя елка* при описании образа, наряда (чаще всего женщины) используется в негативном значении. Выглядеть, *как новогодняя елка*, значит 'быть ярко, вычурно, безвкусно одетой', что, без сомнения, осуждается авторами статей модного женского журнала:

6 способов носить блестящие вещи и не выглядеть новогодней елкой (URL: <http://www.cosmo.ru/fashion/trends/6-sposobov-nosit-blestyashchie-veshchi-i-ne-vyglyadet-novogodney-elkoj>).

В предыдущей группе «Внешность» ФЕ *с изюминкой* применялась для описания физиологических особенностей внешности героев статей, но на этом семантический потенциал данной ФЕ не исчерпывается. В следующем примере речь идет о прическе:

Коко Роша покончила с изюминкой (URL: <http://www.cosmo.ru/fashion/news/05-06-2009/koko-rosha-pokonchila-s-izyuminkoy>).

А в данном заголовке *изюминкой* называют шарф как «незаменимый аксессуар современной модницы», добавляющий ей уверенности и изящества:

<http://www.cosmo.ru/fashion/shopping/naryadnaya-izyuminka>).

Это позволяет говорить о том, что ФЕ «с изюминкой» является крайне продуктивной в семантическом плане.

ФЕ *bông hồng cài áo* (крепить цветок к рубашке) - это выражение часто употребляется в День Матери во Вьетнаме. У кого есть мать – розовый цветок, кто потерял - белый цветок. Цветы в этом случае выступают как украшения.

Tục "bông hồng cài áo" trong lễ Vu Lan ở nước ta có từ bao giờ? (URL: <https://laodong.vn/xa-hoi/tuc-bong-hong-cai-ao-trong-le-vu-lan-o-nuoc-ta-co-tu-bao-gio-624907.ldo>)

ФЕ *tóc rễ tre* (волосы – корни бамбука) – сухие волосы.

Tóc rễ tre, khô cứng, phải làm sao đây? (URL: <http://onavietnam.com/blogs/news/toc-re-tre-kho-cung-phai-lam-sao-day>);

ФЕ *lông mày lá liễu* (брови – листья ивы) - это длинные и красивые брови.

Một lông mày lá liễu hot trở lại. (URL: <https://vnexpress.net/giai-tri/mot-long-may-la-lieu-hot-tro-lai-3787203.html>).

3. Межличностные отношения (несексуального характера).

ФЕ с различными фитокомпонентами весьма активно используются в заголовках статей, посвященных описанию сложностей отношений между людьми. Считаю важным отметить, что в данной группе имеются в виду вообще любые взаимоотношения между людьми, без акцента на половую принадлежность, то есть возможны комбинации мужчина-женщина, мужчина-женщина-женщина, родители-ребенок, ребенок-учитель и т.п. Рассмотрим пример:

Одного пола ягоды: существует ли на самом деле женская солидарность? (URL: <http://www.cosmo.ru/psychology/psychology/odnogo-pola-yagody-sushchestvuet-li-na-samom-dele-zhenskaya-solidarnost>);

Разного пола ягоды ((URL: http://www.cosmo.ru/sex-love/he_and_you/revnostnyu-podhod)).

Как известно, **одного поля ягоды** – это люди, которые имеют одинаковые убеждения, одинаково смотрят на окружающий мир. Они не одинаковы в смысле похожести, ведь каждая ягода, каждый человек уникальны. А вот взгляд на окружающую действительность, что и подчеркивает фразеологизм, у них одинаков – они со своего места видят одни и те же вещи.

В первом примере мы видим аллюзию на эту ФЕ, употребленную в заголовке. Становится понятным, что речь в статье будет о взаимоотношениях женщин – людей одного пола.

Во втором примере ситуация прямо противоположная – та же аллюзия, но вот речь пойдет об отношениях мужчины и женщины. Поэтому ФЕ звучит как *разного пола ягоды*.

Весьма интересно употребление в заголовке статьи ФЕ **шут гороховый**. Как известно, шут был одним из персонажей в европейском средневековом театре. Он носил полосатый желто-зеленый костюм, на голове шапочку с ослиными ушами, а в руке держал погремушку – палочку с привязанным к ней бычьим пузырем, в который насыпали горох. Импровизированные шутовские монологи называли «толченым горохом». Русские скоморохи украшали себя гороховой соломой, а в конце Масленицы соломенное чучело шута горохового возили по улицам.

В следующем примере *шут гороховый* используется в значении «смешной человек, весельчак»:

Шут гороховый (<http://www.cosmo.ru/psychology/career/bes-raboty>).

Очень продуктивной является ФЕ **запретный плод**, означающий нечто желанное, доступ к чему ограничен запретом. Выражение связано с ветхозаветным сюжетом о грехопадении Адама и Евы. Чаще всего, эта ФЕ употребляется в контексте исторически непростых взаимоотношений двух полов:

Запретный плод и зубочистки (URL: <http://www.cosmo.ru/psychology/psychology/kak-pobedit-sopernicu>).

В статье с таким названием автор дает рекомендации по борьбе с соперницей, именуя «запретным плодом» другую женщину.

4. Межличностные отношения (сексуального характера).

В предыдущей группе *запретный плод* характеризовал только межполовые отношения платонического характера, однако большее количество примеров использования данной ФЕ приходится именно на эту группу:

Запретный плод в садах наслаждений (URL: <http://www.cosmo.ru/editors/promo/zapretnyy-plod-v-sadah-naslazhdeniy>);

Запретный плод: ну очень хочется! (<http://www.cosmo.ru/sex-love/sex/o-chem-mechtayut-muzhchiny>).

Используя в заголовках данную ФЕ, автор как бы намекает читательницам на то, что речь пойдет об особенностях взаимоотношений уже интимного характера. Запретный плод здесь также служит эвфемизации.

Во вьетнамском языке ФЕ с названиями растений нечасто употребляются в качестве заголовка. Чаще всего, ФЕ *trái cấm* (*запретный плод*) употребляется в заголовках газет.

Trái Cấm Và Thân Phận Con Người (*запретный плод и судьба человека*) (URL: <http://daichungvienvinhthanh.com/trai-cam-va-than-phan-con-nguoi/>).

5. Праздники, общественная жизнь

«*Елки-палки*» или, как еще говорят, «*елки-моталки*» – это просторечные, экспрессивные выражения. Они выражают досаду, удивление, порицание, извинение, радость, гнев или даже восхищение.

Есть версия, что они появились от еще более старого восклицания «Елки зеленые». Но есть и другая версия. Предполагают, что в русской речи выражение возникло в самом начале XX в. В обиход его ввел московский

градоначальник. Дело в том, что лихие ямщики, катавшие по городу господ и дам, жутко бранились на лошадей и раздражали слух господ. Когда в обиход было введено выражение «елки-палки», ямщики могли разряжаться, не прибегая к другим, более крепким и привычным для них словам.

К ели у современных людей всегда было трепетное отношение, она традиционно считается новогодним деревом с запахом зимнего праздника. Но так было не всегда. В разное время ее заменяли ветви пальмы и оливы, а также бук и даже яблоня. После недолгого запрета елки вновь предстали во всем своем блеске. Теперь ель с полным правом является символом плодородия, достатка и успеха. Пример:

Елки-палки! (URL: <http://www.cosmo.ru/lifestyle/events/yolki-palki>).

Здесь это восклицание не обозначает досады или удивления автора. Такое экспрессивное выражение выбрано для заголовка статьи, в которой речь пойдет о наступающем празднике Нового года.

К этой же группе мы относим уже упоминавшейся нами ФЕ **запретный плод**. Так, например, в некоторых статьях этот фразеологизм используется для описания манеры поведения некоторых публичных людей.

Запретный плод (<http://www.cosmo.ru/stars/krupnim-planom/zapretnyy-plod>) – название статьи. В статье речь идет о недопустимом, неприличном с точки зрения норм поведения известных в артистических кругах людей.

Этой ФЕ вуалируются также неблагоприятные и даже незаконные поступки звезд шоу-бизнеса. Следовательно, ФЕ опять выполняет функцию эвфемизации.

К этой группе рассмотрим ФЕ *mỗi năm hoa đào nở* (букв. *каждый год абрикосовые цветы распускаются*). Во Вьетнаме абрикосовый цветок символизирует Новый Год.

Mỗi năm hoa đào nở (URL: http://vuhuu.edu.vn/null/ebook/phe_binh/bai_1-3.htm).

3.5. Русские и вьетнамские ФЕ с названиями растений

в художественном тексте

Изучение особенностей функционирования фразеологизмов в рамках современного художественного текста представляет особый интерес. Трудно переоценить значение фразеологических средств в художественном произведении, с их помощью автор наиболее полно передает атмосферу описываемых событий, характеризует героев (как внешне, так и внутренне), объясняет мотивы их поступков и так далее. Фразеологические единицы, которые функционируют в художественном тексте, представляют собой выразительные средства языка и репрезентируют языковую личность писателя, которая обладает особым идиостилем и характерными приёмами использования образных средств.

В ходе исследования фразеологизмов с компонентами названиями растений в рамках художественной литературы было отмечено, что эти единицы делятся на определенные группы, которые характеризуют определенные понятия, описываемые автором произведения.

Благодаря параллелизму растительного мира и мира человека в мыслительной деятельности и умственной оценке наших предков рождалась единая цепь ассоциаций: **растение – человек**, которые и легли в основу исследуемых фразеологизмов, породили преобразование слов-фитонимов, ассоциативно связанных с оценочной семантикой фразеологизма.

Фразеологические единицы с компонентом-фитонимом, как свидетельствует анализ, широко используются в литературе для характеристики различных сторон жизнедеятельности человека, а именно:

1. Человек как часть природы:

а) особенности внешности:

пугало гороховое

*Только у нас у одних в Белоглинском заводе и остались сарафаны. Ходим, как **чучелы гороховые** (Мамин-Сибиряк. Дикое счастье).*

В этом произведении ФЕ используется в переносном значении. Автор описывает особенности внешнего вида главного героя. Это старомодно, безвкусно, смешно одетый человек.

как огурчик

– Кого? Юрку Самохвалова? Как он теперь выглядит? – ***Как огурчик!***
Из кабинета вышел Самохвалов, огляделся, увидел в коридоре Новосельцева и Ольгу Петровну. – Оля! – изумленно воскликнул Самохвалов, подходя к ней [Э. Рязанов, Э. Брагинский. Служебный роман (1977)].

Выражение *как огурчик* дает положительную оценочную коннотацию. Это сравнение говорит о здоровом, хорошо выглядящем человеке.

как маков цвет

Ты богат, я очень беден;

Ты прозаик, я поэт;

Ты румян, как маков цвет,

Я, как смерть, и тощ, и бледен [А. С. Пушкин. Ты и я (1817– 1820)].

В этом произведении фразеологическая единица *как маков цвет* употребляется для создания образа красивого человека с румяным лицом.

выжатый лимон

Я едва узнала Таню. Она была бледна, желта, помята, как выжатый лимон, – и в глазах ее застыло так много ужаса, что я сразу поняла все – и сама застыла в столбняке. Таня села рядом со мною. – Наделали мы дела! – прошептала она [А. В. Амфитеатров. Н. Раинцева (из сборника «Бабы и дамы») (1895)].

В данном контексте фразеологическая единица характеризует физиологическое состояние человека, которое оценивается как негативное: сильно уставший, измотанный человек.

К этой группе относятся такие вьетнамские фразеологизмы, как:

Đẹp như hoa hồng (красива, как роза):

«*Đất nước*

Của những người con gái, con trai

Đẹp như hoa hồng, cứng như sắt thép» [Nam Hà 1966]

В этом стихотворении ФЕ *đẹp như hoa hồng* употребляется для создания образа вьетнамского народа.

б) физиологическое состояние:

пускать корни

*«Мелкое тщеславие и безграничная пустота **пустили** в него такие глубокие **корни**, что он не мог от них освободиться» [Григорович].*

В этом случае фразеологизм *пустили корни* характеризует физиологическое состояние человека. Автор отмечает, что мелкое тщеславие и безграничная пустота – постоянные, укоренившиеся привычки героя.

свежа, как роза

*Честное слово, она премилая. **Свежа, как роза**. И какой цвет лица! – Чудный, чудный... У твоей Сашеньки тоже ведь цвет лица... [А. И. Куприн. Мелюзга (1907)].*

Фразеологическая единица *свежа, как роза* употребляется для описания положительного впечатления, которое произвела героиня на свое окружение. Отмечается, что сравнение окказионально употребляется, потому что имеет место синтаксическое распространение фразеологизма. С этим стилистическим приемом образная составляющая единицы усиливается, состояние женщины получает более высокую оценку.

Во вьетнамском языке немало пословиц и поговорок, касающихся физиологических состояний человека. Так вьетнамцы говорят: *yếu rớt mông toi* (букв. слабый, как шпинат); *khỏe như sâm* (сильный, как женьшень), *gay như cây sậy* (худой как тростник).

2. Человек и окружающий его мир

а) отношение между людьми

– любовь

Любить до самой березки

– Ты любишь меня, Даша? – *О, люблю до самой березки.* – До какой березки? – Разве не знаешь: у каждого в конце жизни холмик и над ним плачущая береза [А.Н. Толстой. «Хождение по мукам»];

Но ты, в отличие от первой жены, не для украшения жизни, не для боя быков с другими мужиками за право ночи с тобой. Ты – для того, чтобы стать смыслом жизни до самой березки» [Е. Михайлова].

Фразеологическая единица *любить до самой березки* обладает положительной коннотацией. Подчеркивается, что Даша сильно любит героиню до самой смерти.

– **обман и зависть**

На бобах провести

Нет, Юрий Дмитрий, видно по всему, что король-то польский хочет вас на бобах провести [М. Н. Загоскин. Ю. Милославский, или русские в 1612 году (1829)].

В данной ситуации фразеологизм представляется возможным говорить об обмане польского короля.

Лавры Мильтиада (чужие) спать не дают

Лавры Боборыкина не дают мне спать: пишу повесть из московской жизни [Чехов. Письмо А. С. Суворину, 5 дек. 1894].

Фразеологизм обладает отрицательной коннотацией. Это связано с признанием древнегреческого полководца Фемистокла в 490 г. до н. э.: «Лавры Мильтиада не дают мне спать».

фиговый листок

Вы бы порылись в душах этих скромниц, послушали бы их разговоры между собой. Актрисы и притворицы – вот и все! Прикрываются фиговыми листочками, чтобы никто не заметил, что за ними делается [Шеллер-Михайлов. Над обрывом].

Выражение происходит из Библии и употребляется в значении: лицемерное прикрытие чего-либо постыдного, лицемерная маскировка. По библейскому мифу, Ева, познавшая после грехопадения стыд, опоясалась,

чтобы прикрыть свою наготу, листьями смоковницы (фигового дерева). Позже (с XVI по XVIII в.) в скульптуре и живописи фиговый листок стал изображаться на месте половых органов обнаженных фигур. Эта условность возникла как уступка Церкви, признавшей греховным реалистическое изображение наготы в искусстве. [Ашукин, Ашукина 1960: 633].

Во вьетнамском языке много ФЕ выражают отношения между мужем и женой. ФЕ *vợ có chồng như rừng có mây, chồng có vợ như cây có rừng* (букв. муж имеет жену как дерево в лесу). Это выражение говорит о том, что когда жена и муж вместе, то жизнь успешна и счастлива.

Canh tôm nấu với ruột bầu / chồng chan vợ húp gật đầu khen ngon (букв. муж и жена любят суп с креветками и кабачками). Это выражение обозначает, что жена с мужем вместе прошли все трудности в жизни.

б) отношение человека к труду, обучению

дедка за репку

*К тому времени они уже были готовы порубить друг друга топорами, поэтому не особенно упирались, и дело сделалось быстро – месяца за два. А теперь вот от них Нина Михайловна... Так всегда. Бабка за дедку, **дедка за репку**... Нина Михайловна желала продать квартиру. Деньги, как водится, нужны ей были срочно. Это она мне сообщила по телефону [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].*

Фразеологическая единица используется в качестве изображения коллективного труда, все люди связаны друг с другом и зависимы друг от друга. Выражение происходит из популярной русской сказки «Репка».

корень учения горек, а плоды сладки

Даже ученый историк

Деньги лопатой гребет:

Корень учения горек,

*Так подавай ему **плод!***

[Н. А. Некрасов. (1860)];

*Мне искренно жаль его, я пишу настоящее послание не чернилами, а слезами; но что же делать? **Корень учения горек, но зато плоды его будут сладки**; лучше раз перетерпеть и потом навсегда освободиться от дурных, расстраивающих здоровье повадок. А таких повадок у стрижей много, и кого же, если не меня, будут корить, если эти повадки останутся не искорененными? [М. А. Антонович. Стрижам (Послание обер-стрижу, господину Достоевскому) (1864)].*

В семантической структуре текста ФЕ дает положительную коннотацию, говорится о том, что учиться тяжело, но результат будет хороший.

вкушать/вкусить от дерева познания добра и зла

Выражение возникло из библейского мифа о произраставшем в раю дереве познания добра и зла, вкушать плоды которого Адаму было запрещено богом под страхом смерти. Но змий-искуситель убедил Еву, что вкусившие плодов этого дерева не умрут, но будут "как боги, знающие добро и зло". Ева нарушила запрет и побудила Адама сделать то же. За неповиновение богу они были изгнаны из рая (Бытие, 3). Выражение употребляется в значении: 'приобретать знания, постигать смысл разнообразных явлений'.

Итак, в большинстве случаев объектом оценки выступает человек, его внешность, качества, поведение, социальный статус, поэтому представляется возможным выделить группы ФЕ, характеризующие разные стороны жизнедеятельности человека. Оценка человека обычно сопровождается положительным или отрицательным знаком, примеры с нейтральной оценкой немногочисленны.

Смотреть в корень

*И все это, если **смотреть в корень**, результат отчуждения собственника от земли, результат попытки коллективной обработки земли. [Д. И. Саврасов. Толстой и Столыпин (2003– 2008)].*

Это выражение означает – видеть главное в чем-либо, вникать в суть дела.

Лес рубят – щепки летят

Парень-то он хороший, но не особенно разбирается в политической обстановке. Да ведь лес рубят, щепки летят... [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928– 1940)].

Такое выражение отмечает, что в большом деле не бывает без ошибок, недостатков, и употребляется, когда убеждены, что ошибки, недостатки и т.п. не затрагивают существа дела, не подрывают основы чего-л.

Вьетнам раньше был исключительно сельскохозяйственной страной, поэтому используются ФЕ чаще всего с наименованиями сельскохозяйственных культур: рис, картофель, бобы, помидоры и др. *Khoai đât lạ, mạ đât quen* (букв. картошка – чужая земля, молодой рис – знакомая земля); *Tháng hai trồng đậu, trồng khoai, trồng cà* (букв. в феврале посадить бобы, картофель, помидоры); *Ấn kỹ no lâu, cày sâu tốt lúa* (глубоко пашет - рисовое растение быстро растет). В этих пословицах говорится об опыте крестьян.

Сопоставление русских и вьетнамских фразеологизмов с названиями растений в художественных текстах требует особого исследования. Оно способно показать, что, несмотря на большие различия в культуре, обычаях двух народов, в их миропонимании есть достаточно много общего. В обоих языках фитонимы используются в художественных текстах для характеристики различных сторон жизнедеятельности человека.

Различия в русском и вьетнамском языках можно проследить на подгруппе «отношения между людьми». Во вьетнамском языке более часто используются ФЕ о любви.

Наибольший интерес представляют ФЕ, репрезентирующие особенности национальной культуры. Во вьетнамской фразеологии отношение человека к труду связано с наименованиями сельскохозяйственных культур.

3.6. Трансформация русских и вьетнамских ФЕ с названиями растений в речи

Высшей формой владения иностранным языком является умение в целях коммуникации творчески использовать ресурсы языковой системы, в том числе и фразеологической. Носители языка часто смело идут на трансформацию существующих элементов языка, занимаются языковой игрой, которая, конечно, расширяет коммуникативные ресурсы говорящего. Поэтому так важно сформировать представление о возможностях языковой игры, о различных формах трансформации элементов языка, в том числе – и фразеологии.

Трансформация фразеологических единиц в речи является сложной и актуальной проблемой в языкознании. Такая проблема интересует лингвистов, таких как З.А.Павлова, Л.Г.Ефанова, Т.С.Гусейнова, Н.В.Саютина, Н. М. Шанский, Н.Ю.Носкова, К.Л.Шадрин, Ли Тоан Тханг и др.

Отметим, что в области фразеологии существует много различных определений трансформаций ФЕ. Т.В.Здиховская считает, что трансформация ФЕ представляет сознательное изменение автором формы ФЕ для того, что передать дополнительную экспрессию и получить нужный стилистический эффект [Здиховская 2012].

По мнению Е. П. Карташовой, «трансформация ФЕ является способом создания языковой игры», т.е. создания неканонической языковой формы и структуры на сознательном преобразовании языковой системы [Карташова 2013: 78]. И.Ф.Гайнанова отмечает, что «трансформацией ФЕ считается совокупность примеров, которые основаны на разновидности постоянной структуры и традиционной семантики ФЕ» [Гайнанова 2009: 315]. Л.Г.Ефанова определяет «трансформацию фразеологизмов как такие окказиональные изменения в форме и / или значении устойчивого сочетания слов, которые оставляют его узнаваемым» [Ефанова 2005: 123].

Изменения в структуре и значении ФЕ образуют новые языковые единицы со структурно-семантическими моделями существующих фразеологизмов или на основе входящих в их состав слов. Такие изменения ФЕ происходят как вследствие исторического развития языка, так и в результате окказионального преобразования фразеологизмов.

Само понимание трансформаций фразеологических единиц трактуется в широком смысле. Поэтому не сложилось единого взгляда на способы преобразований ФЕ. Существуют разные классификации преобразований ФЕ. Этот вопрос является предметом исследования в работах Н.М.Шанского, А.И.Молоткова, и др. Горлов В.В. выделяет следующие виды трансформации ФЕ: замена отдельных слов; сужение компонента ФЕ; замена состава ФЕ, создающего за собой преобразование смысла на противоположный; изменение по цели выражения [Горлов 1992].

А.И.Молотков рассматривает 3 типа трансформаций ФЕ: использование ФЕ в необычном значении, ФЕ в необычной форме и контаминация ФЕ [Молотков 1971].

В монографии «Поэтическое слово А. В. Кольцова в русской речи» Л.М.Кольцова, С.А.Чуриков остановились на следующих типах трансформаций крылатых единиц:

1. Изменение компонентного состава

- сужение компонентного состава;
- расширение компонентного состава;
- замена компонентов;

2. Изменения в расположении компонентов

- дистантное расположение компонентов;
- перестановка компонентов;

3. Трансформации компонентов:

- морфологическая трансформация;
- синтаксическая трансформация;

4. Окказиональное преобразование (Кольцова, Чуриков: 2013).

В своей работе мы используем эту классификацию.

Итак, ряд исследователей полагает, что трансформации ФЕ подразделяются на семантическую, структурную и грамматическую. Другие ученые указывают такие основные направления, как структурно-семантический и семантический.

Грамматическая трансформация является преобразованием формы ФЕ, которое определяет смысловой уровень единицы. В эту группу входят изменения формы числа, падежа, варьирование морфем, инверсия. Структурная трансформация есть преобразование компонентного состава ФЕ.

Структурно-семантическое преобразование ФЕ описывается как изменение компонентного состава, грамматической формы ФЕ, которые связаны со смысловыми изменениями. Структурно-семантическое преобразование фразеологизмов возникает в результате замены компонентов, сужения или расширения значения, изменения семантической структуры ФЕ и т.д.

В данной работе мы будем рассматривать виды трансформации, которые наиболее часто используют по признанию большинства исследователей: сужение компонентного состава, расширение компонентного состава, замена компонента ФЕ словом или словосочетанием, изменение в расположении компонентов ФЕ, контаминация ФЕ.

1. Сужение компонентного состава – один из самых распространенных типов преобразования ФЕ.

*Если вспомним к тому же, что сам Александр Сергеевич через своих детей породнился с Гоголем, Бенкендорфами и Романовыми... Однако все по порядку. **Яблоко от яблони**... [Л. Н. Разумовская. Французские страсти на подмосковной даче (1990-1999)] – ср.: **яблоко от яблони недалеко падает**;*

*По образцу Павлодарского «братства», вдохновляясь его примером, а на первых порах даже и уставом, стали образовываться, а затем принялись уже **расти, как грибы**, все новые и новые «братства». В 1905 году Павлодар*

был в открытом восстании. Его умирили. Расправа была жестокой [В. М. Чернов. Записки социалиста революционера (1922)] – ср.: **как грибы после дождя растут;**

Ее принял в свою душу первый человек, соблазнившийся **плодами от дерева познания добра и зла**. Ее возвестил мудрейший из людей, открывший всеобщие и необходимые истины. Наследственный грех тяготеет над падшим человечеством, и все попытки преодолеть его разбиваются, как волны об утес, о невидимую стену предрассудков, которым мы поклоняемся, как вечным истинам. И Ницше не избег общей участи: идея необходимости очаровала его и переманила его на свою сторону [Л. И. Шестов. Афины и Иерусалим (1938)] – ср.: **вкушать/вкусить от дерева познания добра и зла.**

2. Расширение компонентного состава

Здоровый человек во время ливня или снегопада чувствует себя хорошо, но затяжные дожди провоцируют депрессию. **Желтое яблоко раздора**. Если страсти вокруг вас накалились до критической отметки и все в вашей жизни летит кувырком – поднимите голову и посмотрите на небо. Скорей всего, вы увидите огромный правильный круг полной луны. Он-то и есть виновник большинства несчастий этого дня [А. Жуков. Атмосферный невроз (2002) // «Семейный доктор», 2002.10.15]

Я дрожу при мысли, что может случиться с моим созданием, моим первенцем! Мне искренно жаль его, я пишу настоящее послание не чернилами, а слезами; но что же делать? **Корень учения горек, но зато плоды его будут сладки**; лучше раз перетерпеть и потом навсегда освободиться от дурных, расстраивающих здоровье повадок. А таких повадок у стрижей много, и кого же, если не меня, будут корить, если эти повадки останутся неискорененными? [М. А. Антонович. Стрижам (Послание обер-стрижу, господину Достоевскому) (1864)];

Испытал гадание **и на костях, и на воске, и на картах, и на бобах**; хиромантию, кристалломантию, катоптромантию и геомантию; прибегал

к гоетейе и некромантии, а гороскопов сколько мне составляли, – и не упомяну! [В. Я. Брюсов. Огненный ангел (1908)]

3. Замена компонента ФЕ словом или словосочетанием

– Давно с ним дело имеете? – Да этим летом и познакомились. – Действительно знает толк в книгах? – **Как свинья в апельсинах**, – зло передернулся Петя. – Я бы давил таких. – Как говорится, благими намерениями... И какие же сделки вам удалось совершить? [Е. Парнов. Александрийская гемма (1990)] – ср.: **как аксинья в апельсинах**;

Если «приезжие» туда пролезут – все, **дело табак**. Да мужики наши и сами это понимали, отступили к поезду, там засели, и несколько тварей положили. Но и сами... осталось их в живых всего двое из десяти. Один «приезжий» ушел, к Новокузнецкой пополз, его утром выследить хотели, за ним такая полоса густой слизи оставалась, но он в боковой туннель свернул, вниз, а мы туда не суемся [Д. Глуховский. Метро 2033 (2005)] – ср.: **под табак**;

Я твой телефон три часа выбивал через справочную. Слышь? Ты когда подошел сегодня, я тебя узнавать не хотел. **На хрена**, думаю, он мне нужен? Противен ты мне был ужасно. Нет, ты понял, Вадька, ей-богу! Точно говорю: ужасно противен [Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)] – ср.: **на кой хрен, за каким хреном**.

4. Изменение в расположении компонентов ФЕ.

Ты прости мне, неразумному и глупому, отпусти меня к моим дочерям родимыми и подари мне **цветочек аленький**, для гостинца моей меньшей, любимой дочери. Заплачу я тебе казны золотой что потребуешь". Раздался по лесу хохот, словно гром загремел, и возговорит купцу зверь лесной, чудо морское: "Не надо мне твоей золотой казны: мне своей девать некуда. Нет тебе от меня никакой милости, и разорвут тебя мои слуги верные на куски, на части мелкие [С. Т. Аксаков. Аленький цветочек (1858)] – ср.: **аленький цветочек**;

– Кто же еще? – Люсин поежился. – Господа, пойдёмте на кухню. Здесь можно просто **дуба дать**. В разбитое окно летели крупные хлопья снега. Они ложились на письменный стол, таяли, оставляя крохотные лужицы, Греч, словно только сейчас заметив беспорядок на рабочем месте, метнулся к столу, сгреб в кучу аккуратно разложенные бумаги, сложил их в одну пачку, постучал по столу, выравнивая края, и перенес всю кипу на диван, подальше от окна. – Спрячь, – посоветовал Суханов [А. Белозеров. Чайка (2001)] – ср.: **дать дуба**;

– Оттого и пожары московские. – И страшные видения на небесах. Так говорил в то время народ русский, недовольный нововведениями и сближением с иностранцами, но говорил там, где знал, что речи его не дойдут до великого князя, который не любил, чтобы ему поперечили или осуждали его дела. Роптали заочно, в глуши, но в самой Москве бояре и народ **ходили ниже воды, тише травы**. Антон, не понимая речей слободских жителей, догадывался, однако ж, по недоброжелательству, которое выражали их лица, по суровости взглядов, бросаемых на проезжих, что тут живут не кроткие дети времен патриархальных [И. И. Лажечников. Басурман (1838)] – ср.: **тише воды, ниже травы**.

5. Контаминация ФЕ (соединение компонентов разных фразеологизмов).

Но в этом тоже ощущалась характерная особенность обстоятельства времени и места. Разве пришла бы мне в голову такая мысль еще лет десять назад? Пейзаж изменился, да. Раньше в магазине было полно вин «**плодово-выгодных**» (фольклор!). Здесь соединились 3 слова плодово-ягодное-выгодное, т.е. дешевое;

Один в поле – хуже татарина = один в поле не воин + незванный гость хуже татарина;

Жди ветра в поле [А.П.Чехов]. Ср. **жди у моря погоды** и **ищи ветра в поле**.

Таким образом, трансформация фразеологизмов с названиями растений сложна. Анализ показывает разнообразие видов и приемов их изменения. Наиболее частотными видами считаются замена компонентов, расширение компонентов и сужение компонентного состава. При контаминации очень редко встречаются ФЕ с названиями растений.

По структуре среди вьетнамских ФЕ выделяются 2 группы: сравнительные и метафорические [Данг Ван Куанг 2015]. Структура сравнительного фразеологизма бывает: субъект – сравнительное слово – объект. Например, *mat vang nhu nghe* (говорится о нездоровом человеке). Во вьетнамском языке исследование трансформации фразеологизмов является новой проблемой. Трансформация фразеологизмов часто происходит в ФЕ со сравнением.

В сравнительных фразеологизмах могут отсутствовать один из трех компонентов. Как и в русском языке, самый распространенный тип преобразования вьетнамских ФЕ – это сокращение компонентного состава фразеологических единиц. Например,

(re) nhu beo – (дешевый) как ряска

(gây) nhu cây sậy – (худой) как тростник

(đẹp) nhu hoa – (прекрасный) как цветок

(chua) nhu chanh - (Кислый) как лимон

(mọc) nhu nấm sau mưa - (расти) как грибы (после дождя)

Можно отметить, что субъект сравнения может отсутствовать в составе фразеологизмов, но его значение сохраняется. Сравнительный оборот обязательно присутствует в структуре. Объект сравнения обычно отражает национальную культуру вьетнамского народа. Например, *(re)nhu beo* – (дешевый) как ряска говорится об очень дешевых вещах. Вьетнам являлся в основном сельскохозяйственной страной, в которой жители покупали копеечную ряску (кормовое растение) для домашних животных.

Контаминация ФЕ не существует во вьетнамском языке. Замена компонента вьетнамских ФЕ также встречается редко. Например, *chét nhu*

ngã ra (умирать, как солома рассыпалась) «много умерших» и *chết như sung rung* (умирать, как инжир падал) «много умерших».

Значение фразеологизмов не зависит от порядка следования образов. Например, можно сказать *áo vải com rau* (простая рубашка, рис с овощами) и *com rau áo vải*, что значит «жить простой жизнью», «простота в материальной жизни»; *giá áo túi com* (полка для рубашки, мешок риса) и *túi com giá áo*, что значит «беспольный человек, который ничего не создает и которого не уважают».

Внутри некоторых фразеологизмов возможна перестановка слов. Например, можно сказать *nhường com sẻ áo* (уступать рис, поделиться одеждой) или *nhường áo sẻ com* (уступать одежду, поделиться рисом).

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Использование фразеологических единиц ставит перед исследователем ряд сложных проблем. Национально-культурные особенности страны изучаемого языка передаются безэквивалентными фразеологическими единицами, большая часть которых включает компонент-фитоним, и задачу составляет наиболее точная их трансляция в рамках учебного перевода и комментирования. При переводе фразеологических единиц с компонентом фитонимом, по мнению ученых-лингвистов, занимающихся теорией и практикой перевода, следует учитывать не только сигнификативно-денотативный, но и коннотативный компонент значения, а также структурно-грамматическую организацию и компонентный состав, национальную специфику ФЕ.

Основными типами межъязыковых фразеологических соответствий являются фразеологические эквиваленты и фразеологические аналоги, которые, в свою очередь, делятся на полные и частичные.

С помощью сравнительного метода нами рассмотрены трудности понимания русских фитонимов и флоронимов вьетнамцами. При сравнении русских и вьетнамских фразеологизмов по степени их сходства выделено

шесть групп. Первая группа представляет собой полные эквиваленты, во вторую группу вошли частичные эквиваленты, тождественные по значению и стилистической окраске, но не сходные по внутренней форме. Русские и вьетнамские фразеологизмы, имеющие одинаковое значение, но отличающиеся стилистической окраской, составили третью группу. К четвертой группе относятся русские и вьетнамские ФЕ, эквивалентные или очень близкие по своей структуре, однако имеющие различное значение. В пятой группе содержатся ФЕ с разнообразной страноведческой и лингвокультурологической информацией, устаревшие формы. Шестая группа представлена безэквивалентными ФЕ, что объясняется этнокультурной особенностью жизни народов.

Сравнение фразеологизмов даже таких далеких по всем параметрам языков может, как показывает анализ, дать интереснейшие результаты.

По функционированию в тексте ФЕ можно разделить по ряду признаков, одним из которых является величина частотности употребления ФЕ на основании механически подсчитанной встречаемости их в контекстах.

Поскольку изучение иностранного языка предполагает активное использование текстового материала, необходимо выделить те элементы текста, которые несут основную смыслопорождающую нагрузку и, в частности, заголовки, где часто используются ФЕ с фитонимами. Русские ФЕ с компонентом фитонимом: *тростинка, ветка, ягода, одуванчик, горох, бор, елка, плод, изюминка* в составе заголовков журнальных статей по тематике объединяются в 5 групп: внешность (физические характеристики); внешность (одежда, прическа, украшения и т.п.); межличностные отношения; здоровый образ жизни (спорт, питание); праздники и общественная жизнь. В заголовках вьетнамских газет часто встречаются ФЕ с компонентом: *hoa hồng (роза), cây sậy (тростник), hoa (цветок), hoa đào (абрикосовый цветок)*.

Интересно, что во вьетнамском языке частотность использования ФЕ с названиями растений в роли газетного заголовка реже, чем в русском языке. Однако образы, положенные в их основу, существенно различаются, что

обусловлено разностью культур, традиций, истории и других особенностей каждого народа. Например, русский фразеологизм *как тростинка* в русском языке используется для того, чтобы подчеркнуть стройность женщины. А во вьетнамском языке во всех случаях тростник означает негативную оценку внешности: *gầy như cây sậy* (тощий, как тростник) или *yếu như cây sậy* (слабый, как тростник).

Фразеологические единицы с компонентом фитонимом, как свидетельствует анализ, широко используются в художественной литературе для характеристики человека как части природы, включая описание особенностей его внешности и физиологического состояния. Также ФЕ отражают взаимодействие человека и окружающего его мира, отношения между людьми: любовь, обман и зависть; отношение человека к труду, обучению.

В художественном тексте часто употребляются такие вьетнамские ФЕ с названиями растений, как: *đẹp như hoa hồng* (красива, как роза); *canh tôm nấu với ruột bầu* (суп с креветками и кабачками); *khoai đất lạ, mạ đất quen* (картошка – чужая земля, молодой рис); *yếu rớt lòng tôi* (букв. слабый, как шпинат); *khỏe như sâm* (сильный, как женьшень).

Анализ ФЕ, помимо прочего, показывает разнообразие видов и приемов их изменения, т.е. трансформаций, среди которых наиболее частотными считаются замена компонентов, расширение компонентов, сокращение компонентов состава. При контаминации очень редко встречаются ФЕ с названиями растений.

Во вьетнамской лингвистике изучение трансформации фразеологизмов является новой проблемой. Нами впервые была сделана попытка использовать накопленный русистикой опыт для соответствующего анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеологические единицы с названиями растений представляют большой интерес для исследования, как в теоретическом, так и в практическом отношении, особенно при совершенствовании практики перевода на другие языки.

Сопоставление фразеологизмов и пословиц разных языков, объединенных по тому или иному признаку, позволяет выявить любопытнейшие особенности национального характера того или иного народа, специфику его восприятия мира, уникальность его культуры.

В современной науке отсутствует единообразие в подходах к классификации фитонимической лексики. Ученые руководствуются различными критериями, которые, очевидно, наиболее соответствуют векторам их научных интересов.

Проведенное исследование выявило возможность классификации по критерию выражаемых данной пословицей или поговоркой оттенков значения, которые обозначают положительные или отрицательные черты характера человека.

Наиболее часто передаваемыми положительными качествами являются ум, храбрость, отвага, упорство, забота – черты, которые во все времена высоко ценились у представителей русской лингвокультуры. Во вьетнамском языке представительны такие основные характеристики, как благодарность, ловкость, сообразительность.

Наиболее часто транслируемыми отрицательными качествами являются лень, глупость, пьянство, жестокость, трусость, хитрость. По сравнению с русским языком во вьетнамском языке ФЕ с отрицательным значением меньше. Во вьетнамском языке представлены отрицательные черты человека, такие как бессмысленность, жадность.

В группе ФЕ с фитонимом в составе пословиц и поговорок с нейтральным значением не обнаружилось обозначений качеств человеческого характера, поскольку такие ФЕ чаще всего выражают,

описывают события, явления, постулаты обыденной жизни человека. Во вьетнамской фразеологии ФЕ с фитонимом в их составе с нейтральным значением сравнительно немного.

В языковой картине мира существуют образы растений, имеющие положительную и отрицательную коннотацию. Они создают типичные национальные образы обоих народов.

Нами были рассмотрены славянские языческие и христианские представления о растениях, в ходе чего анализировались как фольклорные, так и литературные источники.

Сопоставление фразеологизмов с названиями типичных растений обнаруживает некоторые сходства в символике русской и вьетнамской культуры. Они имеют аналогичные функции в языке и культуре русского и вьетнамского народов. В обеих культурах *дуб* и *да* представлены как символы красоты и могущества природы; *берёза* и *бамбук* являются символом родины, женщины; *ель* и *персиковое дерево* символизирует Новый год.

Во Вьетнаме и в России выращиваются, в основном, разные цветы, поэтому фитонимы русского и вьетнамского языков имеют довольно значительные различия в лексическом составе.

Сопоставлены образы самых распространенных цветов в русской и вьетнамской картинах мира, которые являются конституирующими элементами ФЕ: *розы, ромашки, пионы, гвоздики и лотосы*.

Разница обусловлена национальной спецификой культуры, образа жизни, образного восприятия внешнего мира обоими народами. Образ розы в русской концептосфере многозначнее по сравнению с вьетнамским языком, а наименование, эквивалентное слову «*ромашка*», используется шире во вьетнамском языке. Значительные расхождения обнаружили образы пиона и гвоздики. Образ не растущего в России лотоса идентичен его мировосприятию в Азии.

Основными типами межъязыковых фразеологических соответствий являются фразеологические эквиваленты и фразеологические аналоги, которые, в свою очередь, делятся на полные и частичные. Сопоставительный анализ русских и вьетнамских ФЕ показывает, что больше всего в языках безэквивалентных фразеологизмов (20; 30%).

Для нашего исследования было выбрано деление ФЕ с названиями растений на 6 групп по степени их сходства: I группа – полные эквиваленты. Эту группу пополняют заимствованные из одного источника фразеологизмы; II группу - частичные эквиваленты; III группа – русские и вьетнамские ФЕ, имеющие одинаковое значение, но отличающиеся стилистической окраской; IV группа - русские и вьетнамские ФЕ, эквивалентные или очень близкие по своей структуре и по формируемому образу, однако имеющие различное значение; V группа – ФЕ с разнообразной страноведческой и лингвокультурологической информацией и VI группа - безэквивалентные фразеологические единицы.

Анализ ФЕ с точки зрения их функционирования не только выявил их многозначность, но и расширил представление о сфере их использования. В исследовании отмечены особенности функционирования ФЕ в контекстах публицистического текста (заголовки) и художественного текста.

В публицистике ФЕ являются неотъемлемым инструментом автора публикации, причем наиболее часто их можно встретить в тексте самой статьи, гораздо реже – в заголовках: *волосы, как солома; как дуб, поваленный бурей; мхом поросло.*

На основании проведенной классификации отобранного корпуса примеров (деление на 5 тематических групп) ФЕ с компонентом фитонимом можно выявить несколько параллельно существующих тенденций:

– тенденция к смене оттенка ФЕ: некоторые ФЕ транслируют в сознание носителя русского языка как положительные, так и отрицательные коннотации: *яблоко раздора, как новогодняя елка;*

– тенденция к универсальности употребления: одна и та же ФЕ может употребляться в целом ряде самых различных тематик: *с изюминкой* – она присутствует во всех группах, а самой употребляемой – *запретный плод* – присутствует в пяти группах;

– тенденция к моносемантической: ФЕ употребляется только в отношении одной конкретной ситуации и в сознании русского человека ассоциируется только с определенным набором обстоятельств, уместных для ее употребления: *стройный, как тростинка*. Присутствует только в одной группе (внешность, физические характеристики);

– тенденция к табуированности: ряд ФЕ с компонентом фитонимом бытуют в русском языке в составе сниженной лексики в качестве эвфемизмов: *на хрен, хрен с ним, пойти на хрен, ни хрена себе, что за хрен, какого хрена*.

Сопоставительное изучение русских и вьетнамских фразеологизмов показывает, что во вьетнамском языке частотность использования ФЕ с названиями растений в роли газетного заголовка реже, чем в русском языке. Текстовые позиции ФЕ существенно различаются, что обусловлено разностью культур, традиций, истории и других особенностей каждого народа. Например, русский фразеологизм *как тростинка* в русском языке используется для того, чтобы подчеркнуть стройность женщины. А во вьетнамском языке во всех случаях тростник означает негативную оценку внешности: *gây như cây sậy* (тощий, как тростник) или *yếu như cây sậy* (слабый, как тростник).

Изучение особенностей функционирования фразеологизмов в рамках современного художественного текста представляет особый интерес, ведь ФЕ являются новообразованиями в известных произведениях. Благодаря ярким, запоминающимся образам, лежащим в их основе, фразеологические единицы с названиями растений обладают высоким оценочным потенциалом. В большинстве случаев объектом оценки выступает человек, поэтому представляется возможным выделить группы ФЕ, характеризующие разные

стороны жизнедеятельности человека.

Трансформация фразеологизмов с названиями растений сложна. Анализ их многообразия показывает разнообразие видов и приемов их изменения. Наиболее частотными видами в русском являются замена компонентов, расширение компонентов и сужение компонентного состава, а во вьетнамском языке – сокращение и замена компонентов. Во вьетнамском языке, в отличие от русского, не существует контаминации ФЕ.

В художественных текстах на вьетнамском языке часто употребляются такие вьетнамские ФЕ с названиями растений, как: *đẹp như hoa hồng* (красива, как роза); *canh tôm nấu với ruột bầu* (суп с креветками и кабачками); *khoai đất lạ, mạ đất quen* (картошка – чужая земля, молодой рис); *yếu rớt mông toi* (слабый, как шпинат); *khỏe như sâm* (сильный, как женьшень). Вьетнамские и русские фразеологизмы в большинстве случаев отражают заботливое отношение человека к природе, они всегда связаны не только с культурой, но и с типом мышления народов.

Таким образом, сопоставительное изучение русских и вьетнамских фразеологизмов и пословиц показывает, что, несмотря на большие различия в культуре, обычаях двух народов, в их миропонимании есть достаточно много общего.

Изучение особенностей фразеологизмов в разных лингвокультурах является актуальным вопросом для лингвистики.

Перспективой данного исследования является продолжение работы с фразеологическими единицами в процессе подготовки материалов для обучения студентов русскому и вьетнамскому языкам. Настоящая же работа, посвященная сопоставлению русских и вьетнамских ФЕ, является первым этапом в изучении ФЕ с названиями растений. В дальнейшем предполагается создание словарей ФЕ с названиями растений, а также расширение объекта исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Словари и энциклопедии

1. Абрамова Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н.Абрамова. – М.: АСТ Астрель, 2006. – 667 с.
2. Аликанов К.М., Иванов В.В., Мальханова И.А. Русско-вьетнамский словарь / К.М. Аликанов, В.В.Иванов, И.А.Мальханова: В 2 т. – Ханой, 2002. – 648с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608с.
4. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова ЛИ. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К.Бирих, В.М.Мокиенко, Л.И.Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1997. – 704 с.
5. Большой толковый словарь донского казачества: около 18000 слов и устойчивых сочетаний / Рост. гос. ун-т, фак. филологии и журналистики, каф. общ. и сравнит. языкознания; редкол.: В.И.Дегтярев и др. – М. : Рус. словари : Астрель: АСТ, 2003. – 604 с.
6. Большой толковый словарь русского языка: [А–Я] / Рос. акад. наук, ин-т лингвист. исслед.; авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534, [1] с.
7. Большой фразеологический словарь / Отв.ред. В.Н.Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. –784с.
8. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров – 2-е изд., перераб. и доп. – М.; СПб.: Большая Рос. энцикл.: Норинт, 2002 .– 1434 с.
9. Василишина Т.И., Леонова Э.Н., Чьонг Хонг Хиеу. Русско-вьетнамский словарь. Научный стиль речи / Т.И.Василишина, Э.Н.Леонова, Чьонг Хонг Хиеу. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 1174 слова.
10. Вьет Чьонг. Словарь пословиц, поговорок, частушек Вьетнама [Текст] / Вьет Чьонг: Донг Най, 2010. - 846 с. (на вьетнам.яз.)
11. Даль В.И.Пословицы русского народа / В.И.Даль. – М.: Эксмо:

ННН, 2003. – 612 с.

12. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов русского языка для школьников / Т.В.Егорова. – М.: Аделант, 2014. – 352с.

13. Жуков А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка / А.В.Жуков. – М.: АСТ: Астрель, 2003. – 603 с.

14. Зиен Хыонг. Словарь цитат из старых книг / Зиен Хыонг. – Ханой: Изд-во Культура и информация, 2004. - 506 с

15. Нгуен Лан. Словарь пословиц, поговорок Вьетнама / Нгуен Лан. – Ханой: изд-во Литературы, 2014. - 500с.

16. Нгуен Лык. Словарь пословиц, поговорок Вьетнама / Нгуен Лык. – Ханой: изд-во Молодежь, 2005. – 842 с.

17. Нгуен Ньы И. Словарь школьных фразеологизмов / Нгуен Ньы И. - Хошимин: Изд-во Просвещение, 2014. - 696 с.

18. Новый большой вьетнамско-русский словарь в 2 т-ах / Под ред. В.А.Андреева, Нгуен Туэт Минь. - М: Изд-во Просвещение, 1998. - 731 с.

19. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70.000 слов / С.И.Ожегов; АН СССР, ин-т рус. яз.; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр., доп. – М. : Рус. яз., 1991. – 915 с.

20. Ошанин И.М., Ву Данг Ат. Вьетнамско-русский словарь / И.М.Ошанин, Ву Данг Ат. – СССР, 1961. – 616 с.

21. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И.Кудряшова, Е.В.Брысина, В. И. Супрун; под ред. проф. Р.И.Кудряшовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с.

22. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / В.П.Фелицына, В.М.Мокиенко. – М.: Русский язык, 1990. – 220 с.

23. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И.Молоткова. – М. : Рус. яз., 1987. – 543 с.

24. Фразеологический словарь русского языка / под ред. Авторский коллектив: И.В.Федосов, А.Н.Лапицкий. – М.: Издательство «ЮНВЕС»,

2003. – 608 с.

25. Хоанг Ван Хань. Рассказ, пословицы, поговорки / Хоанг Ван Хань . – Ханой: Изд-во Общественная наука, 2002. - 539 с.

26. Хоанг Фе. Словарь вьетнамского языка / Хоанг Фе. – Ханой: изд-во Универсальный, 2010. - 1148 с.

27. Bùi Quang Tịnh, Bùi Thị Tuyết Khanh. Từ điển tiếng việt (Словарь вьетнамского языка) / Bùi Thị Tuyết Khanh, Bùi Quang Tịnh. – Hà Nội, 2005. – 1221tr.

28. Hoàng Biên. Từ điển tiếng việt (Словарь вьетнамского языка) / Hoàng Biên. – Đà Nẵng, 2006. – 1280 tr.

29. Hoàng Phê. Từ điển Tiếng Việt (Словарь вьетнамского языка) / Hoàng Phê. – Hà Nội, Đà Nẵng, 2005. – 1221 tr.

30. Nguyễn Hoàng Phương. Ca dao tục ngữ trong tiếng việt (Фразеологизмы и пословицы во вьетнамском языке) / Nguyễn Hoàng Phương. – Ho Chi Minh, 2009. – 250 tr.

31. Nguyễn Như Ý. Từ điển giải thích thành ngữ tiếng việt (Фразеологический словарь вьетнамского языка) / Nguyễn Như Ý. – Hà Nội, 1998. – 732 tr.

32. Nguyễn Như Ý, Viện ngôn ngữ học. Từ điển Thành ngữ Việt Nam (Словарь вьетнамских поговорок) / Viện ngôn ngữ học, Nguyễn Như Ý. – Hà Nội: Nhà xuất bản Văn Hoá Thông Tin, 1994. – 680 tr.

33. Nguyễn Như Ý. Từ điển giải thích thành ngữ tiếng việt (Фразеологический словарь вьетнамского языка) / Nguyễn Như Ý. – Hà Nội, 1998. – 732 tr.

34. Vũ Ngọc Phan. Ca Dao Tục Ngữ Việt Nam (Вьетнамские фразеологизмы и пословицы) / Vũ Ngọc Phan. – Hà Nội, 2010. – 536 tr.

35. Vũ Tất Tiến. Từ điển thành ngữ Nga - Việt (Русско-вьетнамский словарь фразеологизмов) / Vũ Tất Tiến. - Ha Noi, 1983. – 221 tr.

Электронные ресурсы

36. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/49321/%D1%80%D0%BE%D0%B0%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 25.03.2015)
37. https://vi.wikiquote.org/wiki/Th%C3%A0nh_ng%E1%BB%AF_Vi%E1%BB%87t_Nam (дата обращения: 12.09.2014)
38. Журнал COSMOPOLITAN. URL: <https://www.cosmo.ru/> (дата обращения: 25.06.2016)
39. Национальный корпус вьетнамского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://e-cadao.com/cadaodoor.htm>
40. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>
41. Революция гвоздик. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%E5%E2%EE%EB%FE%F6%E8%FF_%E3%E2%EE%E7%E4%E8%EA (дата обращения: 08.09.2014)
42. Украинская революция. URL: <http://inosmi.ru/world/20050215/217226.html> (дата обращения: 08.07.2015)
43. Цветная революция. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D6%E2%E5%F2%ED%E0%FF_%F0%E5%E2%EE%EB%FE%F6%E8%FF (дата обращения: 08.09.2014)
44. Thu Huong – bao vannghetiengiang 2012. URL: <https://vannghetiengiang.vn/news/Nghien-cuu-Ly-luan-Phe-binh/> (дата обращения: 17.10.2012)

Научная литература

45. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках) / Е.Ф.Арсентьева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 126с.
46. Асина Б.К. Описание тематической группы слов современного языка как микросистемы (на материале ботаникосемизмов): автореф. дисс.

канд. филол. наук / Б.К.Асина. – М., 1980. – 20 с.

47. Атамуродова Ф.Т. Сопоставительный анализ фитонимов, присутствующих в английской и русской паремиологиях / Ф.Т.Атамуродова // Молодой ученый. – 2015. – № 3. – С. 945-947.

48. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С.Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 294с.

49. Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А.М.Бабкин. Акад наук СССР, Ин-т рус. яз. - М. ; Л. : Наука, 1964. - 75с.

50. Байрамова Л.К. Фразеология и перевод (на материале произведений В. И. Ленина и их татарских переводов) / Л.К.Байрамова // Фразеология и синтаксис. – Казань: Изд-во КГУ, 1982. – С. 3-42.

51. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. Пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

52. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С.Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240с.

53. Берестнева А.В. Названия экзотических растений в английском и русском языках: структурно-словообразовательный и номинативно-мотивационный аспекты: диссертация, канд. филол. наук. / А.В.Берестнева. – Майкоп, 2008. – 247 с.

54. Биджиева А.А. Когнитивные аспекты исследования флористической метафоры (на материале поэтических произведений первой половины XIX века) / А.А.Биджиева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – №99. С.122-125.

55. Бирих А.К. Проблемы фразеологической семантики: монография / А.К.Бирих; под ред. Лилич Г.А.; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: СПбУ, 1996. – 173 с.

56. Блинкова Л.М. К вопросу о межъязыковой фразеологической эквивалентности / Л.М.Блинкова // Контекстуальные свойства единиц языка: Сб. науч. ст. – Минск: Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1986. – 240с.

57. Бобунова М.А. Динамика народно-песенной речи (на материале фитоним. лексики в необрядовой рус. нар. лирич. песне): автореф. дис. канд. филол. наук / М.А.Бобунова. – Воронеж, 1990. – 22 с.
58. Будилович А.С. Несколько замечаний об изучении славянского мира / А.С.Будилович. – Спб., 1878. – 54 с.
59. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности / Ф. И. Буслаев. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. – 420 с.
60. Васильев Л.М. Исторические пласты русских наименований деревьев и кустарников (В сопоставлении с их названиями в других славянских языках) // Развитие семантической системы русского языка. – Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1986. – С. 68-76.
61. Веренич Т.М. Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков) [Текст] / Т.М.Веренич // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 51-53.
62. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы: учеб. пособие / В.С.Виноградов. – М.: КДУ, 2004. – 240с.
63. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
64. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе / С.И.Влахов, С.П.Флорин. – М.: Валент», 2009. – 60с.
65. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е. М.Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
66. Воробьева Л.Б. Русские устойчивые сравнения в сопоставлении с литовскими: специфика образности: автореф. дисс. канд. филол. наук. / Л.Б.Воробьева. – СПб, 2002. – 23 с.
67. Ву Тхань Там. Изучение русской фразеологии во вьетнамской аудитории / Ву Тхань Там // Русский язык за рубежом. Серия: Вьетнамская русистика. – М., 2015. – № 22. – С.41-44.

68. Гайнанова И.Ф. Трансформация фразеологических единиц в современных газетных текстах как наиболее активные фразеологические процессы в русском языке 2000-х гг. / И.Ф.Гайнанова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): материалы Международного научного симпозиума 4-6 мая 2009. НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 314-316.

69. Гайсина Р.М., Родионова А.Е. Относительные отсубстантивные прилагательные как дериваты релятивных предикатов / Р.М.Гайсина, А.Е.Родионова // Категория отношения в языке. – Уфа: Изд-е Башкирск. унта, 1997. – С.128-157.

70. Гак В.Г. Теория и практика перевода: Французский язык: Учебное пособие / В.Г.Гак, Б.Б. Григорьев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 464с.

71. Головкин Б.Н. О чем говорят названия растений / Б.Н.Головкин; под ред. О.Л.Лисицыной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Колос, 1992. – 191с.

72. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н.Н. Гончарова // Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 396-405.

73. Горлов В.В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет / В.В.Горлов // Русский язык в школе. – 1992. – № 5/6. – С. 35-37.

74. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц / Т.С.Гусейнова // Вестник МГЛУ. – Выпуск 5(584). – 2010. – С. 123-134.

75. Данг Ван Куанг Система фразеологизированных единиц во вьетнамском языке / Данг Ван Куанг // Культура и цивилизация. – М, 2015. – №. 6А. – С. 205-213. – № 20. – С.205-213.

76. Дейк, ван, Т., Кинч В. Макростратегии // Т. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. – С. 41 – 67.

77. Динь Тхи Тху Хуэн. Русские фразеологизмы со значением

характера человека с позиции носителя вьетнамского языка: автореф. дис. ...канд. фил. наук / Динь Тхи Тху Хуэн. –М., 2001. – 313 С.

78. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д.О. Добровольский // Вопрос Языкознания.- 1997.- № 6. – С. 37-48.

79. Дубровина К.Н. Фразеологизм в соотношении с единицами разных уровней / К.Н.Дубровина // Межуровневые связи в системе языка. Сб. научных трудов. – М.: Изд-во УДН, 1989. – С. 3-12.

80. Есенин С.А. Береза [Электронный ресурс] // стихи о любви. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Esenin/3.htm> (дата обращения: 08. 06. 2015).

81. Ефанова Л. Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте / Л.Г.Ефанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия гуманитарные науки (филология). – Выпуск 3(47). – 2005. – С. 123-127.

82. Ефимов А.И. О языке художественных произведений / А.И.Ефимов. – М.: Учпедгиз, 1954. – 287 с.

83. Жуков В.П. Русская фразеология: учебное пособие / В.П.Жуков, А.В.Жуков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2006 .– 408 с.

84. Здоховская Т.В. Лексическая трансформация фразеологических единиц в прозе Б.Лепкого / Т.В.Здоховская // Балтийский гуманитарный журнал. – 2012. – № 1. – С. 8-11.

85. Зимин В.И. Семантика фразеологизмов в функционально-параметрическом отображении / В.И.Зимин. - Ярославль: Ремдер, 2004. - 48с.

86. Идиатуллин А.В. Культурные детерминанты модернизации системы высшего гуманитарного образования в Республике Татарстан / А.В.Идиатуллин // Вестник Казанского Государственного университета культуры и искусств . – 2012. – № 3 – С.81-86.

87. Карташова Е.П. Структурно-семантическая трансформация фразеологических единиц в современной интернет-коммуникации / Е.П.Карташова, А.А.Иерусалимская // Филологические науки. Вопросы

теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 11 (29). Часть 1. – С. 78-80.

88. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы //Вопросы языкознания. – 1984. – №4. – С. 3-12.

89. Ковалева Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс / Л.В.Ковалева. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 2004. – 182 с.

90. Колосова В.Б. Антропонимы в славянской фитонимике / В.Б.Колосова // антропологический форум. – Санкт-Петербург: Исследования, 2008. – № 9. – С. 263-276.

91. Колосова В.Б. Предметы одежды в фитонимах [Электронный ресурс] / В.Б.Колосова. URL: <http://naukarus.com/predmety-odezhdy-v-fitonimah> (дата обращения: 28.11.2014).

92. Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Поэтическое слово А.В.Кольцова в русской речи / Л.М.Кольцова, С.А.Чуриков – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2013. – 144с.

93. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / З.И.Комарова. – Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1991. – 156 с.

94. Комарова З.И. Способы толкования слов тематической группы «Названия сельскохозяйственных растений» в общезыковых словарях советского периода / З.И.Комарова // Науч. труды Свердловск. пед. ин-та. – Сб. 253. – Свердловск, 1975. – С. 95-108.

95. Комарова З.И. Проблема толкования специальных слов в словарях русского языка советского периода / З.И.Комарова. – Свердловск, 1979. – 91с.

96. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров. – М.:ЭТС, 2004. – 424с.

97. Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой, картины мира: монография / Н.И.Коновалова. – Екатеринбург: Издательство Дома учителя, 2001. – 150 с.

98. Коновалова Н.И. Принципы создания словаря народной

фитонимической лексики / Н.И.Коновалова // Глагол и имя в русской лексикографии: вопросы теории и практики / Отв. ред. З.И.Комарова. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1996. – С. 46-54.

99. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии: (Фразеосочетания в системе языка) / М.М.Копыленко, З.Д.Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 190 с.

100. Котова Н.С. Лингвокультурологический анализ концептосферы цветы: автореф. дисс. канд. филол. наук / Н.С.Котова. – Челябинск, 2007. – 19с.

101. Котова Н.С. Лингвокультурологический анализ концептосферы «цветы»: дисс. канд. филол. наук / НС.Котова. – Челябинск, 2007. – 161 с.

102. Кошарная С.А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира: автореф. дисс. канд. филол. наук / С.А.Кошарная. – Белгород, 2003. – 45 с.

103. Крепкогорская Е.В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском и русском языках: дисс. канд. филол. наук / Е.В.Крепкогорская. – Казань, 2012. – 233 с.

104. Кропотухина П.В. Когнитивное исследование фитоморфной метафоры в современных политических дискурсах России и Великобритании: автореф. дисс. канд. филол. наук / П.В.Кропотухина. – Екатеринбург, 2011. – 26 с.

105. Кунин А.В. Фразеологические единицы и контекст / А.В.Кунин // Иностранные языки в школе. – 1971. - №5. – С. 23 - 26.

106. Лаенко Л.В. От семантики цвета к социальной семантике языка: (на материале русских и английских прилагательных, обозначающих цвет): автореф. дисс. канд. филол. наук / Л.В.Лаенко. – Саратов, 1988. – 17 с.

107. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: избранные работы: учебное пособие для факультетов русского языка и литературы педагогических институтов / Б.А.Ларин. – М.: Просвещение,

1977. – 224 с.

108. Лафта Аднан Хабиб. Русские пословицы с названиями животных в лингвокультурологическом аспекте : дисс. канд. фил. наук / Аднан Хабиб Лафта. – Воронеж, 2012. – 202 с.

109. Лебедева Л.В. Влияние категориальной принадлежности слова на развитие его семантики (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.В.Лебедева. – Саратов, 1993. – 18 с.

110. Летова А.М. Из истории исследования фитонимической лексики: лингвокультурологический аспект / А.М.Летова // Весн. МГОУ. Серия «Русская филология». – 2012. – № 2. – С. 30-34.

111. Ли Жунь. Культурологическая информация в семантике фитонимов (на материале номинаций "калина" и "береза") / Жунь Ли // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія, 2015. – Вип. 14. – С. 14-16.

112. Ли Тоан Тханг Пространственная модель мира: Когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языка): дисс. ... д-ра филол. наук / Ли Тоан Тханг. – М., 1993. – 304с.

113. Лутовинова И.С. Слово о пище русских. (К истории слов в русском языке) / И.С.Лутовинова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 1997. – 304 с.

114. Маркова Е.М. Названия растений в русском языке как отражение фрагмента языковой картины мира славян / Е.М. Маркова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2008. – № 1. – С. 84-92.

115. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. вузов / В.А.Маслова. – М.: Академия, 2004. – 202 с.

116. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений: травы, грибы, ягоды / В. А. Меркулова. – М. : Наука, 1967. – 259 с..

117. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Ист.этимол. и этнолингвист. очерки фразеологии / В.М.Мокиенко; ЛГУ им. А.А.Жданова. – Л. : Изд-во

ЛГУ, 1986. – 277,[1] с.

118. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / В.М.Мокиенко. – 2-е изд. испр и доп. – М. : Высш. школа, 1989. – 287 с.

119. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И.Молотков. – Л.: Наука, 1977. – 284 с.

120. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка: автореф. дисс ... д-ра филол. наук / А.И.Молотков. – Л., 1971. – 41с.

121. Николенко Л.В. Лексикология и фразеология современного русского языка: учебное пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности 032900 – Русский язык и литература / Л.В.Николенко. – М.: Academia, 2005. – 140 с.

122. Нгуенг Тхань Ха. Сравнительное изучение фразеологизмов русского и вьетнамского: типы межъязыковых фразеологических эквивалентов / Нгуенг Тхань Ха / Преподаватель XXI век. – Москва, 2005. - №. 1. – С. 319-323.

123. Нгуен Хуи Кыонг Отражение национальной картины мира в русской паремиологии (в контрастивных данных паремиологии вьетнамского языка) / Нгуен Хуи Кыонг. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 22 с.

124. Носкова Н.Ю. функционирование фразеологических единиц в материалах районной периодической печати (на материале газеты «северная звезда») / Н.Ю.Носкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – №. 3 (21). – С. 119-121.

125. Ням Тхи Ван Ань Фитоморфизмы национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-зоонимом «собака» в русском и вьетнамском языках / Ням Тхи Ван Ань // Вестник Челябинского государственного университета. – Выпуск 105. – 2017. – С. 76-81.

126. Павлова З.А. Трансформация фразеологических единиц в газетных заголовках // З.А.Павлова // Сб. ст. Фразеология. Ч. I. – Челябинск:

Челябинский гос. пед. ин-т, 1973. – С. 186-197

127. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

128. Пак Сон Гу Фитонимы в русской и корейской фразеологии / Пак Сон Гу // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / ред. В.В.Красных, А. И.Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – С. 20-27.

129. Панасенко Н.И. Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики: Опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений: дисс... канд. филол. наук / Н.И.Панасенко. – Москва, 2000. – 397 с.

130. Пляскова Е.А. Учебный тематический словарь русских и вьетнамских компаративных фразеологизмов / Е.А.Пляскова, Донг Тхи Тхань Там; под ред.д.ф.н., проф. З.Д.Попова. – Воронеж: издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. – 147 с.

131. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д.Попова, И.А.Стернин. - Воронеж: Истоки, 2002. - 59 с.

132. Пуцилева Л.Ф. Типология культурно детерминированных коннотаций русских фитонимов / Л.Ф.Пуцилева // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. Серия: общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 76-1. – С. 284-288.

133. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Я.И.Рецкер. – М.: «Р. Валент», 2006. – 237с.

134. Родионова А.Е. Семантика отсубстантивных относительных прилагательных в системном и коммуникативно-функциональном аспектах: (На материале прилагательных, образованных от названий растений): автореф. дисс. канд. филол. наук / А.Е.Родионова. – Уфа, 1997. – 24 с.

135. Рубцова О.Г. Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков): дисс ... канд. филол. наук / О.Г.Рубцова. – Чебоксары, 2015. – 218 с.

136. Савицкий ВМ. Основы общей теории идиоматики / В.М.Савицкий. - М.: Гнозис, 2006. — 208 с.
137. Саютина Н.В. Трансформация фразеологизмов: дисс. ...канд. филол. наук / Н.В.Саютина. – Саратов, 2012. – 325 с.
138. Сергеева О.В. Концепт «Береза» в русской языковой картине мира / О.В.Сергеева // Вестник Омского университета. Серия: Педагогика. – 2012. – № 2. – С. 442-450.
139. Сетаров Р.Д. Метафорическая номинация в национальном языковом сознании / Р.Д.Сетаров // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 92-98.
140. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках : в 4 т. / И.Снегирев. – М., С. 182.
141. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С.Степанов // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. / под ред. Ю.С.Степанова. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35-73
142. Сутормина О.А. Фитоморфизмы в лексике и фраземике донских казачьих говоров / О.А.Сутормина // Вестник ТГУ. – выпуск 12 (116). – 2012. – С. 311-313.
143. Телия В.Н. Типы языковых значений: Связ. значение слова в яз. / В.Н.Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
144. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация» / С.Г.Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – С. 244-248.
145. То Тхи Нган Ань. Национально-культурная специфика номинативных единиц русского языка с позиции носителя вьетнамского языка: дисс... канд. филол. наук / То Тхи Нган Ань. – М., 2006. – 190 с.
146. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И.Толстой. – М.: Издательство «Индрик»,

1995. – 512 с.

147. Устинина Г.Ф. Перевод как средство межкультурной коммуникации. Анализ сложных имен существительных в английском и китайском языках / Г.Ф.Устинина // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/03/2509>

148. Фам Тхи Тхань Ха Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов английского и вьетнамского языков автореф. дисс. канд. филол. наук / Фам Тхи Тхань Ха. – Казань, 2005. – 23 с.

149. Федоров А.И. Основы общей теории перевода / А.И.Федоров. – М., 1983. – 303с.

150. Фелицына В.П. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь / В.П.Фелицына, В.М.Мокиенко; Ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина; под ред. Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова. – М. : Рус. яз., 1990. – 220 с.

151. Филиппова Т.Н., Кукарникова Е.Д. К вопросу об аксиологическом аспекте функционирования фразеологических единиц с фитоконпонентом в испанском и русском языках / Т.Н.Филиппова, Е.Д.Кукарникова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 13. – С. 97-102.

152. Хошимхуджаева М.М. Изучение полисемантических фитонимов английского, русского и узбекского языков в лингвокультурологическом аспекте / М.М.Хошимхуджаева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология, 2012. – № 20. – С. 143-146.

153. Цой Т.В. О семантизации фитонимов в толковом словаре / Т.В.Цой // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1985. – с.219-222.

154. Чан Тхи Нау. Лингвометодический потенциал культурной константы «береза» в обучении русскому языку вьетнамских студентов: дисс. ...канд. филол. наук / Чан Тхи Нау. – Санкт-Петербург, 2011. – 210 с.

155. Часовникова А.В. Христианские образы растительного мира в народной культуре. Петров крест. Адамова голова. Святая верба / А.В.Часовникова. – М.: Индрик, 2003. – 246 с.

156. Чинь Тхи Ким Нгок. Лингвокультурологические основы диалога культур: на материале обучения русскому языку вьетнамцев: автореф. дисс...доктора филол. наук / Чинь Тхи Ким Нгок. – М., 2000. – 36 с.

157. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика / Н.Л.Шадрин. – Саратов: Изд-во Саратовс. ун-та, 1991. – 221с.

158. Шадрин Н.Л. Средство окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов / Н.Л.Шадрин // Лингвистические исследования. – М., 1973. – С.185.

159. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие / Н.М.Шанский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. школа, 1969. – 231 с.

160. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие для вузов, обучающихся по специальности «Русский язык и литература» / Н.М.Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.

161. Шарая О.В. Национально-культурная специфика немецкой флористической фразеологии: автореф. дисс...канд. филол. наук / О.В.Шарая. – Москва, 2005. – 25 с.

162. Шахматов А.А. Русская диалектология: лекции / А.А.Шахматов // Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина. – СПб. Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. – 262 с.

163. Щитов А.Г. Жизнь семьи в русских и вьетнамских пословицах: к проблеме фразеологической эквивалентности / А.Г.Щитов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №. 9 (1). – С.213-216.

164. Шумбасова С.С. Английский флоронимы: способ номинации и классификации / С.С.Шумбасова // Вестник МГОУ. Сер. 3. – 2001. № 1. – С.103-109.

165. Юсупов Р.А. Вопросы перевода, сопоставительной типологии и

культуры речи / Р. А. Юсупов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 383с.

166. Ян Жуй. Фитонимы с метафорической мотивированностью в русском и китайском языках / Жуй Ян // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2008. № 1. – С. 46-48.

167. Nam Hà. Chúng con chiến đấu cho người sống mãi Việt Nam ơi [текст] / Nam Hà. - Bình Thuận, 1966. – 91tr.

168. Nguyễn Xuân Hoà (Нуен Суан Хоа). Đối chiếu thành ngữ nga – việt trên bình diện giao tiếp: luận án phó tiến sĩ khoa học ngữ văn / Nguyễn Xuân Hoà. - Hà Nội, 1996. – 150 tr.